

СИБИРСКИЕ ОГНИ

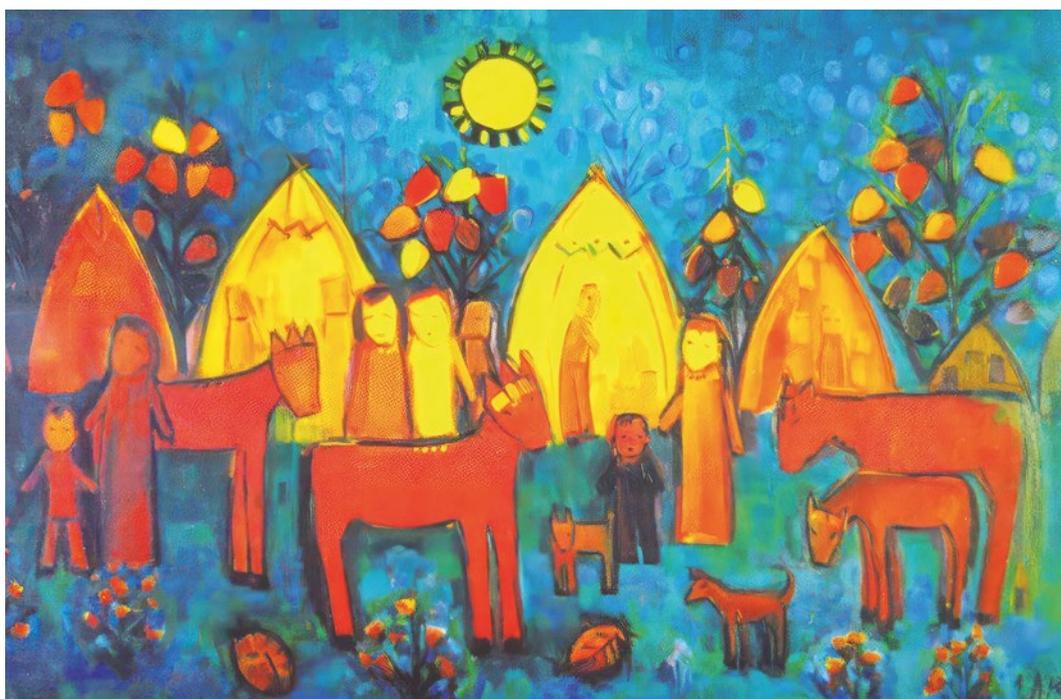

10/2023

На первой странице обложки:
Любовь Арбачакова. Медвежья семья.

Любовь Арбачакова. Будем жить!

Любовь Арбачакова. Чурт.

СИБИРСКИЕ ОГНИ

**Литературно-художественный
и общественно-политический
ежемесячный журнал**

ВЫХОДИТ С МАРТА 1922 ГОДА

Главный редактор:

М. Н. ЩУКИН

Редакционная коллегия:

Н. М. Ахпашева (Абакан)

А. Г. Байбородин (Иркутск)

П. В. Басинский (Москва)

А. В. Кирилин (Барнаул)

В. М. Костин (Томск)

А. К. Лаптев (Иркутск)

Г. М. Прашкевич (Новосибирск)

Р. В. Сенчин (Екатеринбург)

М. А. Тарковский (Красноярск)

А. Н. Тимофеев (Москва)

А. Б. Шалин (Новосибирск)

Михаил Косарев

ответственный секретарь

Лариса Подистова

начальник отдела художественной литературы

Марина Акимова

редактор отдела художественной литературы

Татьяна Седлецкая

редактор отдела художественной литературы

Михаил Хлебников

начальник отдела общественно-политической жизни

Евгения Акимова

редактор отдела общественно-политической жизни

Дмитрий Карасёв

редактор отдела общественно-политической жизни

Корректурa: Л. Р. Юкляева

Верстка: С. В. Колотилов

10/2023

Содержание

ПРОЗА

Геннадий ВАСИЛЬЕВ. В сумерках. Повесть.	3
Миф, реальность, виртуальность...	46
Вольдемар ЗАЙЦМАН. Призрак старой собаки. Повесть.	47
Николай БАХОВЕЦ. Смотритель дороги. Рассказ.	81
Тимофей НИКОЛАЙЦЕВ. Тягучие цепкие воды. Рассказ.	108
Андрей СТАНИШЕВСКИЙ. Недоискусственный интеллект. Рассказ.	122
Яна СОЛОВЬЕВА. Набело. Рассказ.	127

ПОЭЗИЯ

Андрей БОЛДЫРЕВ. «Один мальчик думал...» Стихи.	43
Светлана ЧЕРНЫШОВА. Долгая осень в Крыму. Стихи.	133

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Вера КАЛМЫКОВА. Человеческое измерение.	139
Андрей РУДАЛЕВ. Дюжина ножей в спину сталинизма.	147
Алексей КОБЕЛЕВ. «Служил с истинным усердием и бескорыстием». <i>Василий Семенович Хвостов.</i>	152
<i>Народные мемуары</i>	
Андрей ЧАЙКО. Шумел сурово брянский лес.	158

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Сергей ИЛЬЧЕНКО. Лжеиллюзии под номером «1984».	167
Владимир ЮДИН. «Сибирь — моя вторая родина». <i>К 150-летию В. Я. Шишкова.</i>	174

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Михаил КОСАРЕВ. Азь... Бочка... Буква. <i>Об историко-этимологическом словаре Виктора Тена.</i>	182
--	-----

КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ

Инна КИМ. Земля любви живописца Арбачаковой.	186
--	-----

Авторы номера	190
---------------------	-----

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ранее опубликованные (в том числе в газетах и сети Интернет) произведения не рассматриваются. Редакция оставляет за собой право опубликовать присланное произведение в журнальном варианте. При перепечатке материалов ссылка на «Сибирские огни» обязательна.

Главный редактор, директор ГБУК НСО «Редакция журнала «Сибирские огни»» М. Н. Щукин.

Геннадий ВАСИЛЬЕВ

В СУМЕРКАХ

П о в е с т ь

1.

Сумерки в этом маленьком, даже крошечном кафе наступали сразу, без прелюдии. Это был полуподвал, маленькие окна на высоте чуть больше человеческого роста. Как только солнце уходило за многоэтажки на улице, в кафе включали люстры. Наступало то время суток, когда назначают свидания. Кафе так и называлось — «Сумерки». И ранний полумрак, и малое количество столиков — всего девять: три — на двоих, шесть — на четверых, но за ними все равно сидели всегда по двое, — и крайнее расположение привлекали сюда тех, кто очень не хотел, чтобы их видели в это время в других местах. И потому приходили завсегда-таи, случайные посетители забредали редко, разве что на рюмку вина или кружку пива.

...Сумерки были осенними, короткими. Старые матовые люстры, от которых становилось светло, но не досадно ярко, зажглись раньше, чем летом. Хозяин Ростислав этими люстрами очень дорожил, говорил, что теперь таких нигде не встретишь. Во всех кафе норовят ослепить посетителя с порога. Или убирают люстры вовсе и вешают по стенам светильники, которые отменно смотрятся, вот только света не дают. «Не хочу следовать моде. Не хочу соответствовать». Скорее всего, ему просто жаль было тратиться на современный свет. Но и такой, старый, даже старомодный, завсегда-таев устраивал.

Как раз наступили сумерки, когда распахнулись створки остекленных деревянных дверей. Вошел человек лет сорока пяти, в плаще и шляпе, кивнул хозяину (он же администратор и бармен) как старому знакомому. Они и были давно знакомы — уже почти два года. Гость повесил плащ на вешалку, туда же отправил шляпу, сел за столик, с которого официант, улыбнувшись ему, убрал табличку «Зарезервировано».

— Как всегда? — привычно спросил официант.

— Как всегда, — привычно ответил гость.

Он взглянул на часы — было почти семь вечера, без нескольких минут, — и коротко улыбнулся своим мыслям.

Как уже сказано, на вид ему можно было дать около сорока пяти лет. Стройная фигура, чисто выбритое узкое лицо, мягкий взгляд серых глаз... что еще важно для портрета? Достаточно и сказанного. Из одежды — синие джинсы, серая водолазка, черные туфли с мягко закругленными носками.

Не прошло и пяти минут, как официант принес бокал с мохито. Мужчина кивнул. В это время двери снова распахнулись. Гость встал навстречу, улыбаясь.

«Она не опаздывает. Никогда».

— Добрый вечер!

Он помог женщине освободиться от плаща, повесил его на плечики. Осторожно поцеловал её руку. Она сняла берет, аккуратно пристроила его на рог: вешалка представляла собой оленьи рога, не стилизованные — настоящие, привезенные самим хозяином когда-то давно с Севера. Извинилась, исчезла в дамской комнате наводить красоту.

Раз уж мы набросали портрет мужчины, так и его даму следует хотя бы немного описать. Моложе спутника лет на пять, одета в дорогой, но неброский брючный костюм светло-серого цвета, темные туфли на низком каблуке. Карие глаза смотрят умно и пронизательно. Лицо, такое же узкое, как у мужчины, чуть бледновато, что выдает человека, который большую часть времени проводит в помещении и которому редко удастся вырваться на солнце. Волосы — темные, густые — тщательно уложены.

Мужчина сделал знак официанту, тот понимающе кивнул. К возвращению женщины на столе стоял бокал с мартини.

Улыбнувшись друг другу, гости молча чокнулись, выпили по глотку.

— Как ты прожила этот месяц? — спросил он.

Постороннему в вопросе и в том, как он был задан, послышалась бы некоторая театральность. Для этих двоих никакой театральности не было.

— Прожила, как всегда, в ожидании, — улыбнулась она.

Официант принес меню в одном экземпляре. Мужчина внимательно изучил перечень блюд, сказал своей спутнице:

— Рекомендую сегодня...

Пока несут заказ, пора дать героям какие-то имена. Имена эти должны быть не вполне обычными, не из тех, что встречаются на каждом углу. Такие, например: Богдан и Виолетта. С другой стороны, история простая, и почему они должны быть редкими, вычурными? Да еще и следующими друг за другом по алфавиту? Ну, во-первых, имена Виолетта и Богдан не такие уж редкие по нашим временам, встречаются пусть не на каждом углу, но и не только на кладбищенских памятниках и в архивах. Во-вторых — и это главное! — история эта не только простая, но и правдивая. Героев так и звали: Виолетта и Богдан. И ничего мы с этим поделать не можем.

Итак, Богдан и Виолетта не спеша выпили по аперитиву.

— Хорошо! — Она повертела в руках бокал. — О том, как жила и что видела... Знаешь, я все время присматриваюсь к людям, которые приходят к нам за покупками. Они все разные, но как-то... синхронно меняются. Они перестали улыбаться. Все, независимо от уровня доходов, от того, постоянный это наш покупатель или он случайно сюда забрел и охнул, глядя на цены. Все, все перестали улыбаться! А если и улыбаются — настороженно, будто боясь кого-то обидеть. Отчего это, Богдан?

Он помолчал, поставил свой бокал. Внимательно посмотрел на Виолетту. Улыбнулся:

— Какая же ты все-таки красивая!

Она в ответ склонила голову. Реплика была привычной, потому и звучала не комплиментом, а признанием очевидного.

Богдан стал серьезен.

— Люди боятся жить, Виолетта. Я рад теперь, что у меня в свое время не сложилось с бизнесом, что не тот я человек: эмоциональный, не системный, нерациональный... Не совсем трезвый, в конце концов. Я смотрю на шефа моей жены — и поражаюсь. Я его очень уважаю, но он... он ведет себя как мальчишка-романтик. Все знают, что его обязательно посадят. Он и сам это знает, но продолжает, как заклинание, повторять: «Я не купил остров в океане, потому что хочу жить здесь. Я хочу, чтобы здесь, на моей родине, мне было хорошо и комфортно!» И понимает при этом, что не будет здесь комфортно никогда ни ему, ни его детям, ни детям тех, кого его дети опекают. И он... Впрочем, что это я? Занесло опять.

— Да нет, — вздохнула Виолетта. — Ты просто отвечал на мой вопрос.

Она снова улыбнулась.

— Лучше о другом, о приятном. О личном. Как жена, семья?

Он поставил бокал, улыбнулся ответно — не дежурно, искренне.

— Да хорошо все, в общем. Жена, конечно, переживает из-за всего, что происходит с шефом, что грозит компании. Но на семье это не сказывается, она молодец. Дочь оканчивает в следующем году школу, сын только пошел в первый класс, — ты же помнишь, возрастной разрыв у них такой, порядочный. Я — все так же, все там же. Пишу сайты, по заказам верстаю книги... — Он вдруг озорно усмехнулся. — Ну еще одно ремесло начал осваивать недавно. Угадай!

Виолетта махнула рукой, допивая коктейль.

— Не стану. Говори!

— Печь на даче сложил. Своими руками, представляешь? И работает! Горит, греет — и не дымит!

Богдан рассказывал об этом так, как мальчишка делился бы тем, что научился кататься на велосипеде или поймал первую в жизни рыбу. Виолетта невольно рассмеялась — громко, рассыпчато.

— Вот точно от тебя не ожидала! Никогда бы не подумала, что ты можешь быть еще и печником!

Он развел руками:

— Ну вот... А у тебя? Что ты?

Виолетта пожала плечами.

— За исключением этих скучных... нет, неправильно. За исключением личностей, от которых в магазине все время ждешь неприятности, все, в общем, хорошо. У мужа бизнес крепко прислонен к власти, и вроде никаких гроз не ожидается. Сын наш единственный давно, как говорили древние, отлепился — и слава богу. Живет сам по себе, чему-то учится, где-то работает. Иногда имеет наглость делать подарки родителям — не то чтобы дорогие, но какие-то... с намеками. Например, подарил на Новый год картину одного местного художника — фамилию не вспомню. Там двое сидят спиной к зрителю, перед ними в тумане силуэт не то собора Нотр-Дам, не то Триумфальной арки в Париже, и подпись: «Двое в парке Тюильри». Были мы там, правда. И улетали из Парижа так, что я плакала. И больше не будем никогда, конечно. И вот он, паршивец, угадал — и настроение, и перспективы.

Оба помолчали. Она тряхнула головой:

— Ну а в остальном все ведь у нас хорошо, правда?

Он встал, через стол тихонько пожал ей запястье.

— Правда, Виолетта. Правда.

Горячее поедали молча. Оно в этом крошечном кафе было довольно традиционным, но невероятно вкусным, готовили его с любовью, и любовь эта передавалась во вкусе, в подаче, ее нельзя было не чувствовать. И говорить при этом казалось кощунством. Все было прекрасно, и старинные люстры горели так, как требовалось: сдержанно и благосклонно.

Они съели десерт, запивая его ароматным крепким кофе и сдабривая ликером. Посидели еще, поговорили. Прошло почти ровно два часа с того момента, как Богдан раскрыл двери заведения.

— Пора? — без всякого оттенка грусти спросил он.

— Да, пора, — так же ответила Виолетта.

Богдан подозвал официанта, рассчитался, умеренно щедро оставив на чай. Вызвал такси, потом помог даме одеться. Оделся сам.

— Ты, как всегда, пешком? — спросила она.

— Да, пройдуся. — Он так же осторожно, бережно поцеловал ей руку. — Что ж, до следующего?

Она кивнула, послала ему воздушный поцелуй — и ушла к ожидавшему ее такси. Богдан махнул официанту, отвесил шуточный поклон хозяину — и тоже вышел.

«Как, они разошлись порознь? Не целовались? Не мучили друг друга расспросами, тревогами, сомнениями? Они не любят друг друга?» Вопросы естественные. Такие же простые, как история. Хотя... Кажется, вопросы проще.

Они любят друг друга.

Но они никогда не были вместе в том смысле, в каком вместе бывают любящие друг друга мужчина и женщина. Они не спали в одной постели. Они даже не были никогда в одной квартире.

Начиналось все вот как.

2.

Ох и холодно было тогда, в том ноябре! Казалось, уже совсем пришла зима — настоящая, сибирская, лютая. Уже и снег лежал прочно, и столбик термометра обессиленно падал до минус пятнадцати, а то и двадцати — потом, правда, одумывался и карабкался вверх, но, ослабев, застревал на минус пяти и до нуля уже не добирался. А главное — ветер. Он резал по живому, брил без мыла, пронизывал то, что обычно считалось броней. В такую погоду только необходимость выгоняла на улицу — работа, другие дела. Или тоска. Бывает такая тоска, которая гонит человека из дома, даже если дома все хорошо. А то и как раз тогда, когда все хорошо. Необъяснимая, просто так пришедшая тоска. Близким — жене или мужу — о ней не скажешь: станут допытываться, что да как, откуда и почему. Тихо улизнуть — погулять, пройтись... да мало ли.

В один из таких ноябрьских вечеров в кафе «Сумерки» вошел мужчина — тот самый, лет сорока пяти... нет, в то время — сорока трех, и одет был, конечно, не в плащ, а в пальто, и вместо шляпы — меховая кепка.

С порога было ясно: он здесь впервые. Бармен увидел его из-за стойки, махнул рукой — мол, садитесь, сейчас подойдут — и занялся своим делом. Мужчина не торопясь огляделся, повесил одежду, сел за первый попавшийся столик, стал ждать. Официант не спешил: посетитель новый, даже не гость еще, можно и помурьжить. Дать понять, что не в столовку пришел. В конце концов подошел, положил на столик меню:

— Добрый вечер! Вы ведь у нас впервые? Посмотрите меню. Дайте знак, пожалуйста, с выбором блюд могу помочь, — и собрался уйти.

Мужчина остановил его жестом. Медленно, почти лениво произнес:

— Меню я, конечно, изучу. На предмет орфографических ошибок.

Официант растерялся:

— Не понял...

— И не надо. Шучу. В блюдах, надеюсь, разберусь без подсказки.

А вот аперитив, будьте добры, сейчас. И если в меню его нет — пригласите шефа.

Официант напрягся.

— Чего же вы хотите такого... экзотического? Виски, коньяк? У нас прекрасный выбор того и другого.

— Никакой экзотики. И ничего крепкого. Мохито.

Официант расплылся в улыбке:

— Конечно, есть!

Мужчина снова жестом остановил его:

— Только настоящий. Без всяких там спрайтов. Вода — только содовая. Подделку я определю, — и углубился в меню.

Официант помялся.

— Простите, содовой может не оказаться. А если просто минералка?

Гость вздохнул.

— Ну что с вами делать... Несите.

Официант ушел, растерянный. Мохито принес минут через пять. Высокий бокал, трубочка, мята, кружок лайма — все как должно быть.

Мужчина поблагодарил кивком. Показал на меню:

— Скажите, а у вас и правда подают тюрбо? Это не просто черноморский калкан, а на самом деле тюрбо? И вот этот салат с крабами — в нем и правда крабовое мясо, а не дальневосточный минтай под названием «крабовые палочки»?

Официант покраснел от негодования. С полминуты помолчал, потом сказал с ненавистью:

— У нас одна из лучших кухонь в городе! Позвать шефа?

Мужчина вдруг рассмеялся:

— Да нет, верю вам! Это я так... просто вывеска и антураж немного не соответствуют меню.

— Ну, это не ко мне, — развел руками все еще раздраженный и заметно расстроенный официант. — Так шефа звать не нужно?

— Не нужно. — Мужчина улыбнулся примирительно.

Официант, уходя, обернулся:

— Кстати, мохито с содовой. Она оказалась в наличии.

«Ну вот зачем я с ним так? — думал Богдан, потягивая коктейль через трубочку. — С другой стороны, а он со мной так — зачем? Зачем он начал как хам? Я и разозлился...» И простил официанту все, даже его «одну из лучших кухонь».

В это время вошла она. Богдан закашлялся.

Как и в его случае, с порога было ясно: женщина пришла сюда впервые. Одета в сиреневого цвета пальто, на ногах высокие ботинки, на голове берет, тонкие перчатки на руках... Она замерзла и зашла погреться. Кроме них, в кафе в этот вечер не было никого, и он просто не мог не встать навстречу.

— Добрый вечер! Помочь?

Она не возражала. Он помог ей снять пальто, повесил его и берет на вешалку из оленьих рогов, пригласил:

— Я один. Если не возражаете, составьте мне компанию!

Она согласилась.

Подошел официант, подал госте меню. Спросил, нужно ли что-то на аперитив.

Женщина улыбнулась:

— Пожалуй, мартини. Если, конечно, здесь есть хороший.

Некоторое время посидели молча. Она изучала меню, Богдан изучал ее.

Мартини принесли. Коктейль украшали оливки. Она одобрительно кивнула. Заказала утиную грудку в апельсиновом соусе и легкий овощной салат.

— Что ж, можно наконец и познакомиться. — Богдан приподнял бокал с мохито. — Богдан.

— Виолетта, — подняла и она свой бокал. — За знакомство!

...Господи, как долго он ждал этого, как давно мечтал об этом! Чтобы вот так легко, непринужденно познакомиться с женщиной, которая тебе интересна — и ничего от нее не ждать, ни о чем не просить и не спрашивать ни о чем. Просто сидеть напротив — и любоваться. «Любоваться» и «любить» — слова хоть и однокоренные, но разные по смыслу.

Впрочем, не так. Ничего такого он не ждал и ни о чем не мечтал. Все вышло само собой. В этом и прелесть случившегося.

Ну а что же, собственно, случилось?

Он влюбился. Сразу, с первого взгляда, с первого вздоха. И она — так же. О чем они говорили на первом своем случайном свидании, не помнят теперь ни она, ни он. Но ведь говорили о чем-то. Чем-то делились. И как-то сразу поняли: влюбленность их, их любовь обречена на бесконечные расставания и редкие встречи. И встречи вот такие — в кафе, на улице... не в кино, конечно, не в подъезде. Не тот возраст: не романтический.

У них обоих были семьи: и к началу нашего рассказа были, и к финалу — остаются. Такая вот история.

Когда расходились, он спросил:

— Тебя проводить?

На «ты» они перешли легко, почти сразу.

Она улыбнулась:

— Я возьму такси. А тебя подвезти?

— Пойду пешком. Переварю.

Они поцеловались — точнее, он чмокнул ее в щечку. И неожиданно покраснел. «Не так бы тебя целовать...» Она засмеялась — ответила, как будто его мыслям:

— Что делать...

Села в такси, махнула перчаткой.

Он шел навстречу семье, навстречу привычному быту. Душа пела — мелодия была неясная, незнакомая, но радостная. Он стал подпевать.

3.

В январе ночь длится до утра, а утро наступает поздно. Богдан проснулся рано, зимой с ним такое случалось редко. Проснулся — и улыбнулся. Сегодня — тот самый день. Темень за окном не мешала радоваться жизни. Жена еще спала, должна была вот-вот проснуться, и он старался не мешать ее предутреннему сну. Радовался молча и неподвижно.

Обычно Галина поднималась раньше него, по будильнику. Не торопясь делала макияж, будила мужа и уезжала в офис. Богдан работал в основном дома. Его дизайнерским занятиям служили кабинет, два мощных компьютера, разная периферия к ним. Заказы он принимал и обсуждал с клиентами, пользуясь современными средствами коммуникации: телефоном, скайпом и прочим. Выезжал изредка, чаще всего это случалось, когда заказы были сложными, многоступенчатыми, а заказчик оказывался капризным. Вообще больше всего ценил одиночество, любил принадлежать самому себе.

В его обязанности, впрочем, входила и отправка детей в школу. Дочь Юлия давно не нуждалась в опеке, активно и тщательно складывала фундамент независимого будущего. После школы твердо решила поступать в юридический институт. Мечтала не обвинять — защищать. Она поднималась раньше матери, тихонько проделывала все, в чем люди нуждаются по утрам, снова уходила в свою комнату и включала компьютер. Готовилась к выпускным. Такая устремленность к цели — Галина не без гордости называла это словом «цельность» — была унаследована, конечно, от матери. Богдан скорее отличался импульсивностью, запросто мог менять решения, легко переключаться с одного занятия на другое. Его жена — а ей важно было присвоить имя каждому явлению — определяла эти свойства мужа как «пластичность». И не осуждала. Пластичность, восторженная готовность к новизне позволяли ему проникать в новые сферы, порой неожиданные. Вот недавно и печки класть научился, и даже заказчиков приобрел.

Если дочь вращалась уже по собственной орбите и вот-вот грозились выйти за пределы семейной системы, то сын пока требовал внимания и покровительства. Хотя бы по утрам. Большая разница в возрасте не то чтобы отдалила детей друг от друга — нет, Юля с удовольствием возилась с Жорой (так она его называла, а родители звали Гошей) и когда он был совсем мелким, и теперь, когда пошел в школу. Отвечала на его нелепые вопросы, рассказывала о своей давнишней, как ей казалось, младшешкольной жизни, помогала адаптироваться. Но по мере ее взросления возрастная дистанция сказывалась все чувствительнее, да и свободного времени оказывалось все меньше, и утренние заботы о мальчишке сыпались на папашу, который, как считалось, был в семье наименее загружен. Богдан, впрочем, и не возражал. Георгий, хоть и отличался некоторой рассеянностью («В папу весь!» — констатировала

женская половина), особых хлопот не доставлял. Накормить его завтраком и вовремя передать с рук на руки Юле — учились они в одной школе и в одну смену — вот и вся забота. И школа рядом — значит, встречать Гошу после уроков не нужно, топает домой самостоятельно. Юлины занятия заканчивались позже.

Будильник на телефоне сказал: «Вот и утро! Хватит спать, лежебоки! Шесть часов!» Такую побудку Богдан придумал сам. Весело. Лучше, чем штатное «Ку-ка-ре-ку!» или «Время просыпаться, шесть-ноль!». Сам и голос свой записал.

Галина потянулась, с удивлением уставилась на мужа:

— Ты чего?

Богдан смотрел, улыбался.

— Так... Проснулся что-то рано. Наступающему утру радуюсь.

Улыбнулась и жена:

— Радуетесь — это хорошо.

День начался — и пошел своим ходом.

4.

Виолетта проснулась оттого, что в кабинете муж, Петр Павлович, громко говорил по телефону. Громко — значит, был чем-то раздражен. Кабинет от спальни отделяла детская, давно пустующая. Квартира была нестандартной планировки, Петр Павлович сам лично нарисовал, как и что нужно перепланировать, лично же проследил, чтобы все сделали в соответствии. Строительная компания принадлежала ему, и проследить было нетрудно. Взмыленный прораб лично отчитывался перед генеральным, а тот ежедневно звонил Петру Павловичу — рассказывал, как идут работы. В картинках рассказывал: снимал на телефон и отправлял в ватсап или вайбер. Петр Павлович смотрел внимательно и делал замечания. Или просто довольно хрюкал. Получилось все так, как он хотел. Даже смежные комнаты идеально «отбивали» звук.

Сегодня звук, то есть громкий голос мужа, был слышан отчетливо. Значит, в раздражении просто не закрыл двери кабинета.

Виолетта потянулась — и вспомнила: сегодня — тот самый день. Жизнь сразу показалась еще как удавшейся. Она улыбнулась, не стала слушать доносившийся из кабинета разговор, ушла в ванную.

Послушать, однако, было что. Если бы услышала — расстроилась бы. А сделать все равно ничего не смогла бы. И хорошо, что не слышала.

Разговор же был такой.

— Ну так, — рокотал Петр Павлович, — чего ты от меня хочешь-то? У Пляцковского лучшие материалы, он давний наш партнер, ни разу не было проблем с качеством, сроками, ценами... Даже если мы плату

задерживали, он шел на уступки. Ты чего хочешь — чтобы я теперь взял и отказался от работы с ним? А с кем работать-то? С этими уродами, — он назвал несколько фирм, — с которыми у застройщиков одни проблемы? С кем, тебя спрашиваю?!

Трубка что-то отвечала — но он, похоже, почти не слушал, уже приняв решение.

— Так. — Тон Петра Павловича стал спокойным и твердым. — Слушай меня, Сергей Максимович. Ну вот даже если у Пляцковского, как ты говоришь, будут крупные неприятности, даже если отнимут у него бизнес, а самого ушлют рукавички шить, кому-то этот бизнес ведь достанется, так? Заводы-то останутся. Рабочие, специалисты. Надо же быть полным идиотом, чтобы разрушить все это! Ну голову сняли — к телу-то можно и другую пришить, так? Какой кретин станет уничтожать прибыльное производство?

Трубка, видимо, возразила. Петр Павлович взорвался снова:

— Слушай, я с тобой говорю уже минут пятнадцать — хватит! Надоело! Решение такое. Ни от каких договоров поставок с Пляцковским не отказываемся. Ну, если тебя так устроит, добавлю: пока. Устроит? Все, давай, работай. Я скоро буду.

Виолетта вышла из ванной, встретилась с мужем — он выходил из кабинета.

Петр Павлович успел стереть с лица озабоченность и остатки гнева. Улыбнулся:

— Как спала?

— Замечательно! Слышала звуки громкие — ругался с кем-то?

— Да нет, все хорошо. Так, текущее.

Он поцеловал жену.

— Отвезти или сама?

— Сама, конечно. Пока еще накрашусь, пока соберусь. Кстати — помнишь, что я сегодня задержусь вечером? Ритуал.

Петр Павлович помедлил, ответил — в голосе чувствовалось некоторое напряжение:

— Да-да, помню, конечно. Два года уже помню.

Виолетта подошла, погладила мужа по вискам.

— Прости. Расскажу когда-нибудь. Ничего для тебя оскорбительного. Это ведь главное?

Он мягко отстранился.

— Нет. Не это главное. Искренность — главное. Ты искренна избирательно.

Помедлил, улыбнулся.

— Впрочем, давай сейчас не станем ссориться, что-то выяснять. Особенно если выяснять нечего. Нечего ведь?

Виолетта легко кивнула:

— Нечего. Нечего, Петр Павлович.

— Ну и хорошо, Виолетта Михайловна.
Он еще раз поцеловал жену, стал собираться.
— Я сегодня в офисе. Там же обедаю. Дел по горло.

5.

— «Здравствуй и прощай!» — скажешь мне при встрече*, — пел какой-то старый вокально-инструментальный ансамбль в автомобильном приемнике.

Виолетта, остановившись на светофоре, переключила каналы. Что-то ей не понравилось — в словах ли, в мелодии, в исполнении. Хотя песню эту помнила с детства. Переключила — и вздрогнула.

Прощай, колокольчик, и многая лета!
Оставим восторги, погрузимся в Фета...**

Песня звучала под гитару, и оттого чудилось — автор обращался к ней лично. Доверительно так, щемяще.

Она вдруг заплакала. «С чего бы?» — удивилась и почти засмеялась сквозь слезы. — Дура совсем...» И, как ей показалось, успокоилась.

День проходил дежурно. В середине января люди еще не спешили нести опустошенные за праздники бумажники и банковские карты в магазин, тем более в обувной бутик. Виолетта общалась с продавцами, помогала наводить порядок на стеллажах, сверять ценники, отвечала на звонки, заполняла какие-то бумаги. Законы, регулирующие бизнес, менялись с фантастической быстротой, требовали боксерской реакции. И бумаг потому было много.

А в голове крутились слова песни неизвестного автора: «Не с Богом, так с Фетом дотянем до лета. Прощай, колокольчик!» Непонятные слова, туманный смысл... Почему эта песня зацепила ее так, что даже слова помнятся?

Вечером встретились с Богданом. Как обычно, кафе было полупустым, Ростислав — хозяин и администратор одновременно — принимал их как традиционных, но неизменно желанных гостей, официант демонстрировал привычную предупредительность. Виолетта оттаяла.

— Как новогодние праздники? — Богдан смотрел на нее с удовольствием.

— Как всегда, в кругу семьи. Приехал сын, посидели, в полночь открыли шампанское, полюбовались с балкона на фейерверки.

Виолетта отпила martini.

— Ну а у вас как?

* Из песни «Здравствуй и прощай» ВИА «Синяя птица». — Прим. ред.

** Стихи автора. — Прим. ред.

— Точно так же! Нерушимый круг семьи, шампанское в полночь, негромкая музыка, тосты и воспоминания. Ну и, конечно, подарки под елочкой! Дети сбегали на городскую елку, вернулись скоро. Неуютно там, говорят, шумно и матерятся уж очень. Примета времени.

Богдан повертел в руке пустой бокал.

— Скажи, Виолетта... Мы с тобой вот так уже два с лишним года встречаемся. Здесь, в кафе, ежемесячно. Ритуал.

Она невольно вздрогнула: именно этим словом сама утром обозначила свою вечернюю задержку мужу.

Богдан заметил, спросил встревоженно:

— Что-то не так?

— Нет-нет, все так. Говори, пожалуйста.

Он снова повертел бокал. Официант принял это как знак, подошел:

— Повторить? Горячее будет через несколько минут.

— Нет-нет, спасибо! Это я так, привычка.

Богдан поставил бокал на место.

— Я вот о чем. Тебе не странно, что мы, взрослые люди, со всей очевидностью любящие друг друга... — Он невольно смутился. — Надо же, какая казенщина вылезла: «Со всей очевидностью...» В общем, ясно главное: любящие. И вот встречаемся, наслаждаемся присутствием друг друга — и расходимся, чтобы снова так же встретиться через месяц. И снова так же разойтись.

Виолетта вдруг засмеялась.

— Ты бы предпочел, чтобы мы с разбегу бросались в объятия друг друга? Снимали квартиру посуточно?

Испугалась невольной резкости, положила свою руку на его.

— Прости, вырвалось.

Богдан посмотрел на нее внимательно.

— Если вырвалось — значит, думала об этом.

Она убрала ладонь.

— Что уж лукавить... Думала, конечно. Я ведь женщина. Знаешь, я сегодня по радио песню одну слышала — сразу как-то запомнилась, там есть слова:

Прощай, колокольчик! Спасибо за то, что
Не стало, не станет романчиком пошлым.
За то, что сегодня. За то, что не в прошлом...

Она, эта песня, о такой вот встрече — внезапной, случайной. О любви, наверно.

Виолетта помолчала.

— Мы сейчас с тобой — как юные любовники, которые еще боятся перейти черту. Но для юных эта черта желанна, да и неизбежна. Что там дальше — неважно: будут ли эти любовники всегда вместе, или жизнь их разведет, как чаще всего и случается. Но для них это — начало, первый

опыт. А мы уже обросли жизнью. Для нас перейти черту — перевернуть все с ног на голову. Мы повязаны, мы обручены — и обречены быть нужными тем, кто с нами рядом. Это важнее, чем наша с тобой физическая близость.

Она снова помолчала. Богдан слушал внимательно.

— Дело не в том, что жизнь, которую мы имеем, уютна, комфортна. Я вполне проживу одна, я не последний человек в своем бизнесе. Ты тоже вполне самодостаточен, даже вон печки научился класть — выходит, и фундамент новой жизни сможешь сложить. Но сделать наши отношения другими — значит предать не только наших близких. Это значит изменить нашему с тобой сегодня, нашему чувству, которое можно назвать светлым и непорочным. Пока мы не нарушили его непорочности. Пока у нас все — романтично и... тревожно. Трепетно.

Она опять погладила его руку.

— Понимаешь, для меня вот это — когда я к тебе прикасаюсь, когда ты мою руку целуешь и мы при этом трепет испытываем — что-то из давнего, неизвестного нам прошлого, из тех туманных веков, которые мы знаем по описаниям поэтов. Что-то из Петрарки, из... Фета. Поступим иначе — сломается все. Другими станем. И все станет другим.

Богдан вздохнул — не тяжело, скорее — с облегчением. Как будто сбросил груз сомнений.

— Спасибо тебе. — Он приподнялся, поцеловал ее руку. — Спасибо. Ты права. Да ведь и я... Если все мои душевные переживания перевести в слова — эти слова были бы очень похожи на твои. Ты сказала — и мне стало легче. Стало так же, как было все эти два года. А теперь давай ужинать: несут.

После ужина, потягивая кофе с ликером, Виолетта вдруг спросила:

— Ты читал Фета?

Он удивленно поднял брови.

— Афанасия Фета? Боюсь, только в рамках школьной программы. Не скажу, что это мой любимый поэт. А что вдруг?

— Понимаешь, меня сегодня весь день преследует тема прощания. Сначала дурацкая песенка из репертуара какого-то советского ВИА, названия которого и не вспомню. Потом вот это:

Прощай, колокольчик! Перрон покачнется —
и кончится все, и уже не начнется.
Мы, круг разрывая, погрузимся в Фета.
И — многая лета.

Богдан пожал плечами:

— Неплохие вроде слова, надо поискать. Ну а почему тебя это так беспокоит? Я с тобой прощаться не собираюсь, я тебе опять скажу: «До встречи!»

Она улыбнулась.

— Да, конечно. А вот прицепилось почему-то. Наверное, потому, что слова хорошие. Надо и правда поискать.

6.

Геннадий скучал. От скуки запускал какой-нибудь примитивный тетрис, раскладывал пасьянс, читал детективы Стаута или Гарднера. Отечественные детективы не любил: в западных тоже есть социальная подоплека, но она чужая и не цепляет. Отечественная же не то чтобы цепляет всерьез — так нарочита, что вывернута швами наружу.

Январь — месяц для бизнеса провальный, если это не супермаркет. Тот, кто ориентирован на корпоративного заказчика, смело может отправлять своих сотрудников в месячный отпуск. Шеф фирмы, в которой Геннадий работал программистом, так и сделал — отправил на отдых почти весь персонал, продлил сотрудникам новогодние каникулы еще на пару недель свыше законной нормы. А Геннадия, по взаимному соглашению, как самого необремененного (семьи нет, родители в соседнем городе), оставил дежурным. Он должен был отвечать на звонки, принимать заказы. За неделю после окончания официальных каникул звонки случались редко, а заказов не было вовсе. Геннадий маялся бездельем.

На столе, по обе стороны от монитора, стояли фото в рамках. Слева — маленький Гена у мамы на руках. Мама улыбалась, держала сына в кадре, гордилась им. Справа — повзрослевшего Геннадия за руку держал папа, серьезный, внимательный, в летней соломенной шляпе. Они с папой ездили тогда в Египет, мама не могла: занималась переустройством магазина. Ох и наговорились же они тогда по-мужски! За жизнь говорили, за смысл ее... за любовь. Геннадий покраснел — так уж откровенно папа старался его тогда просветить, оградить от случайностей...

Вдруг позвонил шеф.

— Привет! Ну как там у нас на базе?

Шеф когда-то служил не то в авиации, не то на флоте.

— Тишина, — коротко ответил Геннадий. Спыхватился: — Да, здравствуйте!

— И хорошо. Не скучаешь?

— Кофе пью, в игрушки играю, пасьянс раскладываю.

— И хорошо, — повторил шеф. — Слушай, Гена, тут такой заказ поступил. Надо в одном кафе в областном центре нашу систему смонтировать и запустить. Ложки там у них, вилки пропадают иногда, такое время. Кафе не пафосное, и посетители... ну или, как они говорят, гости — разные случаются. Возьмешься?

Геннадий немного растерялся.

— Захарыч, я ж не монтажник — программист...

— Я это помню, — усмехнулся в трубку шеф. — Помню и то, что ты всю систему как свою квартиру знаешь. Ну не хочется мне ребят дергать из отпуска, который сам же им предложил. А этот Ростислав, хозяин кафе, — мы с ним давно знакомы — почему-то прямо мне позвонил. И попросил сделать сейчас, в январе.

— А что ему так приспичило? — удивился Геннадий.

— Как у нас, пока посетителей — ну или, на их языке, гостей — немало. Пока наплыва нет.

Геннадий вздохнул. Шеф подбодрил:

— Заплачу тебе и как программисту, и как монтажнику. Ну?

7.

Петра Павловича в компании звали за глаза Два Апостола. И за имя-отчество, и за некоторые качества натуры. За пронизательность. Точнее — за нюх. Он точно знал, с кем из потенциальных партнеров можно дружить — и они тогда станут партнерами настоящими, а с кем — ни в коем случае. Кого пускать в свой строительный рай, а для кого ворота на вечном замке.

В офисе его любили — и замы, и секретарши, и те из «младшего» персонала, кто был с ним знаком по должности. Сегодня он был немного встревожен утренним звонком зама по снабжению, но в офис явился, как всегда, с улыбкой на лице. Ободряюще кивнул секретарю Людмиле, попросил сварить кофе. Прошел в кабинет, сел — и задумался.

Утренний звонок не прошел без следа. Если над Пляцковским и правда сгустились тучи, если он стал настолько неуютен, что у него могут отнять бизнес, ничего хорошего не светит и ему, Петру Павловичу Селиванову. Пляцковский — давний, надежный производитель и поставщик самых качественных строительных материалов в регионе. Компания Селиванова строила хорошие дома с хорошими квартирами, со времени ее основания не поступило ни одной существенной жалобы на качество строительства — во многом благодаря партнерским отношениям с заводами Михаила Самуиловича.

Проблемы у того начались сразу после знаменитого совещания у президента, куда собрали ведущих представителей российского бизнеса. Пляцковский резко негативно высказался о новой экономической политике государства, касающейся даже не столько крупного, сколько мелкого бизнеса, о налоговой системе, гнобящей вообще всякое предпринимательство. Главное — он произнес вслух слово «коррупция».

Вскоре после этого Пляцковского стали открыто преследовать. В правительственной и официальной региональной прессе регулярно появлялся негатив, причем вспоминали дела давно минувших дней, чуть ли

не студенческие времена, когда он с однокурсником сперва фарцевали, а потом ссужали нуждающихся деньгами под проценты. Это были не слухи и не домыслы — факты, но Михаил Самуилович и не скрывал, с чего когда-то начинался его бизнес...

Похоже, Пляцковского вот-вот посадят, и помешать этому не сможет никто. И если даже заводы не разорят, а поставят новых руководителей... Государство не умеет управлять производством, в этом Петр Павлович был уверен.

Людмила принесла кофе.

— Больше ничего, Петр Павлович?

— Нет, пока ничего.

А через минуту на аппарате Селиванова мигнула лампочка. Людмила немного встревоженно сказала:

— Вам звонят из приемной губернатора. Сам звонит. Соединить?

— Да, конечно.

Волоконский был лаконичен как никогда.

— Срочный разговор. Давай прямо сейчас. Жду через пятнадцать минут.

В губернаторской приемной Селиванова хорошо знали. Оля, секретарь, пересидевшая уже трех глав региона, улыбнулась:

— Проходите, Петр Павлович, он вас ждет!

Разговор был и правда срочным и коротким. Волоконский даже не предложил сесть: спешил.

— Ситуация такая. Пляцковский сядет не сегодня завтра. Если хочешь удержать рынок и сохранить репутацию, тебе нужно менять поставщика. Прямо сейчас! Иначе загремишь под фанфары вместе с ним. Только здесь получится — не жид за компанию удавился, а наоборот.

Он сделал паузу, чтобы убедиться, что собеседник все понял. Поднял бровь нетерпеливо:

— Ну?

Селиванов прекрасно понимал, что у губернатора — меченая карта.

— Кого предлагаете взамен, Владимир Викторович?

Тот жестом подозвал к столу, показал бумажку, на которой от руки было нацарапано название компании — производителя и поставщика стройматериалов. Петр Павлович посмотрел на губернатора с недоумением.

— Они? Это ведь жулики, бракоделы, с ними ни один застройщик работать не станет по доброй воле!

Губернатор прошел за стол, сел, сквозь очки внимательно уставился на Селиванова. Пауза затянулась. Петру Павловичу стало холодно.

— Я не ослышался? — медленно произнес Волоконский и протер очки. — Ты назвал моих друзей жуликами и бракоделами?

Губернатор поднял руку, будто Селиванов собрался отвечать, а он этого не хотел слышать. Но Петр Павлович и не думал открывать рот. Он внимательно следил за главой. А тот вдруг спросил:

— Ты, Петр Павлович, из дерева ведь тоже строишь? Дерево — это лес. А лес кто-то рубит. Валит, по-гулаговски говоря. Или ты предпочел бы варежки шить? Верхонки строительные? Думаешь, не найду за тобой грехов? Ну-ну... Как говорят, было бы желание... Ты, случайно, наркотиками не балуешься?

Еще через пять минут Петр Павлович вышел в приемную, не ответил на улыбку Оли, выскочил на улицу, глотнул морозного воздуха. Сел в машину. Водитель, не спрашивая, повез его в офис. Там Селиванов попросил Людмилу набрать номер своего зама — того, с кем говорил утром.

— Сергей Максимович, вернешься с объекта — зайди.

С замом беседовал недолго. Тот вышел от шефа задумчив и бледен. После этого Петр Павлович заперся в кабинете, предупредил Людмилу, что его нет и не будет до завтра... или до послезавтра... Вынул из бара непочатую бутылку коньяка — и выпил ее всю, наливая в мелкую рюмочку. Рюмка предназначалась для гостей, но других, глубже, объемнее, в кабинете не было.

Два Апостола пил и думал о том, что распахнул врата в строительный рай жуликам и бракоделам.

8.

Юля очень волновалась. Хотя готовилась загодя. Но забыла сделать то, что планировала. Потому что волновалась. Она собиралась на первое в своей жизни свидание. Настоящее, «по-взрослому», в чужой квартире и без родителей рядом. Наверное, с шампанским. А забыла вот что: заранее договориться с подругой, что она — у той на дне рождения, что сильно задержится и лучше бы ей остаться там на ночь. Так все было серьезно задумано. Без компромиссов.

И вот теперь Юля договаривалась с подругой по телефону.

— Викуль, твои же уехали, я знаю, ты одна... — говорила она просяще. — Мои сроду не узнают, когда у тебя день рождения. Да и все равно им это, они собой больше заняты. Давай будто я у тебя сегодня переночую? Тебе потребуется — я тебя выручу... если смогу, конечно. Ладно? Я, может, и домой вернусь, — неожиданно закончила она. — Я ж не знаю, как все обернется...

Потом позвонила папе:

— Мама станет ругаться, а ты, я уверена, скорее меня поймешь, хоть и мужчина...

Богдан поперхнулся чаем.

— Это что значит?

— Я после школы на день рождения иду сегодня к подруге, забыла предупредить, — торопливо затараторила Юля. — Там много народу

будет, наверняка все затянется. Я у нее останусь, чтобы по темноте не шараться и тачку не ловить. Ты скажи маме, пусть не волнуется. И ты не беспокойся.

— Юлька, стой! — почти крикнул Богдан. — Замри! Я и правда, наверное, лучше мамы тебя понимаю, хоть ты и в нее характером. Я сейчас расскажу, что на самом деле, а ты ответишь правду. Ты влюбилась — не сегодня, конечно, но сегодня впервые идешь на свидание. Настоящее, без папы-мамы рядом. Он один и зовет тебя к себе в квартиру. Наверное, угостит шампанским — все так делают. Осуждать не стану, влюбилась — все равно пошла бы, не спрашивая. Позвонила — и на том спасибо. Но что посоветую. Если он просто козел похотливый — сразу поймешь, будет удерживать — дай сковородкой по башке и беги без оглядки. Если ты ему и правда интересна не только как телка на предмет трахнуть — тоже поймешь сразу.

— Папа, — ошарашенно прошептала Юля, — ну и формулировочки у тебя...

— Фигня, правда жизни. И если он даже стишки тебе будет читать сначала — все равно поймешь, что у него на уме. В общем, если что — тревожная кнопка. Звони. Приеду и убью.

— Ну, папа, ты даешь! — Юля была растерянна и счастлива. — Я и не подозревала, какой ты у меня... Только маме все-таки правду не говори, ладно? Женщина ведь. Не поймет.

Богдан заржал в трубку:

— Договорились!

Юра стихов не читал, но свечи зажег. Квартира была как квартира: три комнаты, по стенам — картины, где нет картин — застекленные книжные полки. Родители — юристы, и сам он — третьекурсник юридического. Собственно, и познакомились в университете, когда Юля приходила на консультацию. Столкнулись в коридоре, он извинился, заговорили — и понравились друг другу. Несколько раз встречались после занятий, гуляли, он рисовал будущее — пока только свое. Планировал наработать опыт, открыть собственную адвокатскую контору. Это их роднило особенно: оба мечтали защищать, а не обвинять. Наконец Юра предложил свидание. Никаких намеков и двусмысленностей, все откровенно:

— Давай так. Встретимся у меня, вдвоем, а там — как получится. Ничего такого, чего бы ты сама не захотела.

Он помог ей раздеться, повесил пуховик, поцеловал в губы.

Стол накрыл в зале.

— Бабушка называла эту комнату «зала» или «гостиная», — сказал Юра и показал портрет бабушки. — Родители тоже так привыкли, а вот я не перенял.

Они пили шампанское, закусывали фруктами.

— У меня знакомый есть, который уверяет, что лучшая закуска к шампанскому — редис, — говорил Юра. — Но редис все-таки корнеплод сезонный, так что извини, не запасся.

Она смеялась. Было легко. Сначала. Потом Юра подсел ближе. Стал серьезным, заволновался, заговорил сбивчиво: — Юля... Юлечка... Я не знаю, как оно будет потом у нас, как все сложится... Но сейчас я хочу, чтобы мы стали как можно ближе.

Он гладил ее по волосам, по плечам, по груди. Прижимал свои губы к ее губам, целовал бережно. Стал расстегивать кофточку. Она не возражала и тоже волновалась. Она была готова к такому именно свиданию.

Когда уже ничего из одежды не было на ней и на нем, когда оставался последний шаг, Юра вдруг встал, сказал:

— Подожди минуточку.

Он выдвинул из угла заранее подготовленную треногу с фотоаппаратом, направил камеру на диван, на котором Юля лежала без одежды. Девушка смотрела с недоумением. Жар в груди и ниже внезапно прошел.

— Зачем? — спросила она и села.

Юра виновато улыбнулся, не глядя на нее, настраивая камеру, включая режим видео.

— Ну... я же сказал — не знаю, как все потом у нас сложится... Тебе, как я понимаю, шестнадцать уже? Ты же вправе сама принимать решение о вступлении в половую связь?

Юля слушала его с нарастающим... нет, не удивлением — со страхом. С таким, какой вызывает внезапная встреча с тараканом, например, или жабой, у которой вокруг огромной мокрой пасти — бородавки. Она стала лихорадочно одеваться. Юра все поправлял камеру, не замечая ее состояния.

— И все-таки... Я — будущий юрист, мне нужны гарантии того, что ты добровольно согласилась быть со мной. Потому что как там дальше... — Он, наконец, заметил, что она одевается. — А ты чего? Ты зачем?

Юля встала, застегнула кофточку. Усмехнулась.

— У тебя наверняка будет своя адвокатская контора. — Ее душили слезы, но она сдерживалась. — Ты далеко пойдешь. Но... бедные твои клиенты!

Она направилась к двери. Юра лихорадочно напяливал на себя штаны, путался в рукавах рубашки.

— Юля, ты все неправильно поняла! Это я — для себя, чтобы потом вспоминать, потому что неизвестно ведь, что и как...

Ей вдруг стало смешно — так, что она расхохоталась.

— Слушай, у тебя на кухне сковородка есть?

Он растерялся.

— Есть. А зачем?

— Дай мне ее. Хотя... лучше не надо. Как бы чего не вышло.

Она открыла входную дверь, оглянулась.

— Пока, Юра. Спасибо за шампанское. Жаль, редиски не оказалось. Он смотрел ей вслед не с сожалением — встревоженно. И деловито спросил:

— Ты ведь не расскажешь никому?

Вот теперь Юле захотелось вернуться, пойти на кухню и взять сковородку.

Она захлопнула за собой дверь.

Дома еще не спали. Галина с удивлением взглянула на дочь.

— А мы тебя не ждали. Что так рано?

Юля неопределенно пошевелила пальцами в воздухе:

— Да так. День рождения не удался. Дураки все, — и ушла к себе.

Ей очень хотелось заплакать, но почему-то не получалось. Утром она все рассказала отцу. Богдан погладил ее по плечу, чмокнул в макушку.

— И шут с ним, убогим. Забудь. Все хорошо, что случается вовремя.

Он помолчал немного.

— Я не хотел тебе говорить, но лучше, чтобы ты знала. Твоя подруга Вика вчера позвонила. Она... — Богдан заговорил вдруг вкрадчиво-виновато, приглушенно — так, как говорят по телефону, желая поделиться неприличным секретом, — подражая подруге Вике. — Она сочла своим долгом сообщить, что никакого дня рождения у нее вчера не было, а день рождения у нее вообще летом, и никаких гостей она не ждала, и тебя у нее не было. — Он вернул свой обычный тон. — Хорошо, она мне позвонила, а не маме. И конечно, эта курица просила не сообщать тебе, что она тебя предала.

Юля выдохнула, не в силах произнести в присутствии отца то, что пришло на ум. И стала смеяться. Так громко и заливисто, что в кабинет заглянул Гоша.

— Вы чего тут — анекдоты травите? Завтракать-то дадут?

9.

Галина никогда не спрашивала мужа о том, почему каждый второй вторник месяца у него занят общением с друзьями. Он ей однажды, в самом начале, объяснил это так:

— Собираемся, пьем пиво, говорим о веб-дизайне, о технологиях новых — о том, что тебе вряд ли будет интересно.

Где собираются — не сказал, момент, чтобы спросить, был упущен, да и, в общем, важно ли — где? Галина не была ревнивой, муж ей был дорог, и возвращаться к теме она не стала. Раз в месяц можно потерпеть его вечернее отсутствие. Был бы у бабы — женский нюх тот еще, учуяла бы. Ну а не изменяет — и ладно. У мужчин могут быть свои секреты.

В этот день, однако, ей не повезло дважды. Или дважды повезло — как знать?

Около полудня, перед самым обедом в корпоративном чате замигало срочное сообщение. Адресовано было всем сотрудникам, отправитель — Сам. Галина аж привстала от неожиданности. Михаил Самуилович Пляцковский, небожитель, крайне редко снисходил до общения с рядовыми, да и не рядовыми, сотрудниками. Даже она, штатный пиарщик компании, видела его только накануне отчетных сессий, когда собирались руководители и топ-менеджеры всех филиалов, журналисты, сотрудничающие с компанией Пляцковского, и нужно было получить указания от Самого, как вести себя с прессой, когда и где назначать пресс-конференцию, что официально заявлять в пресс-релизе, а на что — неофициально — ориентировать коллег. Пляцковский завел правило: кроме официальной пресс-конференции, он встречался с журналистами отдельно, за чаем с печеньюшками, просил при этом операторов выйти, диктофоны убрать и говорил слова откровенные, а порой — крайне рискованные.

Сегодня день был обычный, февральский, никаких отчетных сессий; письмо в чате было тем более неожиданным, что Галину о планах не предупредили. Михаил Самуилович писал: «Уважаемые коллеги! Убедительно прошу вас отложить все намеченные на сегодня планы и в 17:00 быть в конференц-зале головного офиса. Отказы по любым причинам, кроме собственной смерти, не принимаются».

Галина минутку подумала, позвонила пресс-секретарю по мобильному.
— Саша, что это было?

— Ничего не могу сказать, — ответил тот. — Сам в растерянности. Знаю только, что дело сугубо внутреннее, без пресс-огласки.

Сотрудники собрались — управленцы, специалисты. Пляцковский вышел на трибуну, откуда обычно менеджеры докладывали о достижениях компании за отчетный период. Он был, как обычно, в серой водолазке и джинсах, серьезен и деловит.

— Здравствуйте, коллеги. Я не буду говорить долго, чтобы не отнимать у вас время. Как вы наверняка знаете, надо мною сгустились тучи. Я стал неуютен. Бизнес у меня отнимут, это вопрос считанных месяцев. Заодно отнимут и свободу. У меня два выхода: сесть или уехать. Кроме бизнеса, у меня есть другие ценности — жена, дети, родители. Я уезжаю. Как я не раз говорил журналистам, у меня нет острова в Тихом океане. Но у меня есть друзья. Пока еще возможно, они меня ждут. Очень скоро наша группа компаний перейдет в руки того, кого назначит государство. Ваш выбор — работать здесь по-прежнему или уйти. Советую остаться. Я очень надеюсь, что после моего отъезда власть сохранит заводы и людей. У нас редкие специалисты. Заменить вас некем.

Михаил Самуилович помолчал, слушая молчание зала.

— Я все сказал. Вопросов не жду.

Он резко повернулся и вышел. Тишина — гнетущая, мертвая — стояла еще несколько минут. Потом люди стали расходиться — безмолвно, как с похорон. Галина вышла вместе со Щербинной, пресс-секретарем

Пляцковского. Плотный, красивый мужчина лет пятидесяти, хороший журналист и опытный пиарщик, всегда отличавшийся непроницаемым выражением лица, сегодня он выглядел растерянно.

— Саш, что будешь делать? — спросила Галина.

Щербина потер широкий лоб.

— Черт его знает.

— Так все неожиданно...

Он усмехнулся:

— Не так уж неожиданно. Сама же рассказывала — вспомни.

Галина вспомнила. Пару недель назад за ее «фордом» прицепилась «нива» с синим ведерком на крыше. Подрезала, останавливалась под знаками, если Галина парковалась в кармане и не оставляла места для второй машины. Водитель и пассажир насмешливо подмигивали ей. Она тогда рассказала об этом Саше, тот коротко комментировал:

— Пугают. Не обращай внимания, но будь осторожна.

После работы Галина не поехала сразу домой, тем более что у Богдана этот вечер был занят встречей с друзьями. Ей нужно было собраться с мыслями, как-то согласовать себя с новой реальностью. Она поколесила по городу, съехала по объездной на окраину. Остановилась у незнакомого кафе, решила выпить кофе.

Кафе называлось «Сумерки».

Галина закрыла машину, подошла к двери, уже взялась за ручку — и вдруг сквозь полуподвальное окно увидела мужа. Богдан тянул коктейль из высокого бокала, улыбался и говорил с женщиной — красивой, породистой, ухоженной. Та улыбалась ответно, склонив голову.

Галине сделалось горько и пусто. «Все-таки баба... Как глупо!»

Она вернулась к машине, села за руль, медленно поехала домой.

10.

Через две недели губернатор Волоконский снова позвонил Петру Павловичу — на этот раз прямо на сотовый.

— Нужно встретиться. Срочно. Жду.

Селиванов чертыхнулся про себя — и так все рушится, тут еще этот... Не поехать не мог.

Глава встретил его, как в прошлый раз, стоя посреди кабинета.

— Последние новости ты, конечно, уже знаешь, — не здороваясь, блеснул очками Волоконский. — Пляцковский уехал. Ему позволили. Группу компаний хотели национализировать, но решили иначе. — Он посмотрел на Петра Павловича со значением. Вдруг смягчился: — Да ты садись. В ногах какая правда? Что-то я... напряжен последнее время. И всех напрягаю. Садись, — повторил и сам уселся, не в кресло — на стул у стола совещаний.

Петр Павлович сел. Напряжение и чувство тревоги не отпускали.

— Я только что в ногах у министра не валялся, умоляя его и тех, кто выше, сохранить все так, как есть. В общем, решение такое. Собственность Пляцковского арестуют за долги... ну или по какой другой причине. Найдут скелет в шкафу, не проблема. Заводы временно перейдут в собственность государства, их тут же выставят на торги, новый собственник получит кредит и выкупит все производственные активы. Все случится быстро и законно. Ну?

Селиванов ничего не понимал.

— А я-то здесь при чем?

Губернатор хлопнул себя рукой по лбу:

— Вот я дурак-то! — Он громко и неестественно засмеялся. — Главное забыл! Новый собственник — ты. Такое вот решение.

Петр Павлович медленно поднялся. Лицо его стало багровым.

— Слушай, ты... Владимир Викторович... Ты меня за кого принимаешь? Я не падальщик! Пляцковский не был мне другом, но я его уважаю и как человека, и как предпринимателя. То, что с ним так поступили, — что ж, против лома нет приема. Но меня оставьте в покое! Мое имя хотя бы не марайте. Ты меня и так нагнул, заставив отказаться от его услуг, — не вешай на меня новых грехов!

Селиванов направился к двери, по дороге нечаянно пнув стул. Волоконский вдруг снова засмеялся. Это было так неожиданно, что Петр Павлович остановился, обернулся на губернатора. Тот поднялся, тоже пнул стул — намеренно, превратив сцену в карикатуру. Подошел к Селиванову.

— М-да... Недаром тебя сотрудники зовут Два Апостола. Давай-ка еще раз присядем, я тебе кое-что объясню. Сразу скажу: откажешься — ничего с тобой не случится, угрожать тебе не стану, не вижу смысла. Но ты не откажешься.

Петр Павлович нехотя вернулся, сел.

— Вот слушай, Петр Павлович. Я — губернатор не самой маленькой в России области. Заводы Пляцковского — не все, но главные, добывающие и производящие основную линейку, — здесь, на нашей территории. Это и налоги, и занятые люди, и экономический престиж. Капитал, если хочешь. Мой политический капитал. Сейчас вся эта экономика Пляцковского эффективна до удивления. Мне нужно, чтобы это удивление на правительственных лицах сохранялось как можно дольше. Мне нужно эффективное производство, нужны успешные предприятия. Корыстен я? Да, конечно. Честолюбив? Без меры! Видишь, как я с тобой откровенен? Ты мне нужен, Петр Павлович. Но корысть здесь, думается, может стать обоюдной. Сам подумай: если активы Пляцковского перейдут в чужие руки — им очевидный кирдык. Люди, в том числе крутые специалисты, конечно, разойдутся по другим предприятиям. Но этих предприятий немного, и не будет уже такой концентрации тех, кто умеет и хочет работать. Тебя знают, тебе доверяют. От тебя не уйдут.

Губернатор сделал паузу.

— Ну?

Петр Павлович барабанил пальцами по столу. Гнев ушел, осталась озабоченность.

— Ну хорошо... Но кредит...

— Кредит обеспечим гарантиями, — твердо произнес Волоконский и поправил очки. — Я правильно понимаю — ты готов?

Петр Павлович вздохнул тяжело — так тяжело, что Волоконский хмыкнул:

— Да ладно ты! Не Родину продаешь...

— Убедили, Владимир Викторович. Только давайте уж хотя бы для виду аукцион устроим.

— А без этого никак, нам иначе закон не позволит! — Губернатор радостно потер руки, встал. — Кстати, Петр Павлович, мы тут вроде по твоей инициативе на «ты» перешли? Пусть так и будет. Хорошо?

Селиванов молча кивнул.

— Детали — после, как только все будет готово. По рукам?

Пожали руки.

Селиванов приехал в офис, попросил Людмилу ни с кем его не соединять, достал из бара коньяк...

11.

Галина решила ничего мужу не говорить о том, что увидела, ни о чем не спрашивать. Мало ли... С одноклассницей встречался, может, да не стал жене говорить, чтобы не ревновала. Если даже застарелая любовь — ну бывает. «Одноклассница», судя по виду, тоже далеко не молода и, скорее всего, не одинока, да и Богдан вряд ли станет менять состоявшуюся жизнь. А спросишь — начнет волноваться, объяснять... врать... Когда вот так подумала — горечь прошла, вернулась трезвость ума и оценки. И на время она забыла об этом. Потому что на работе события развернулись стремительно.

Предприятия компании Пляцковского были проданы так скоро, что даже отечественные бизнес-аналитики не успели проследить и что-то понять. Все произошло в считанные месяцы, если не сказать — недели. Уже в начале марта, незадолго до Женского дня, позвонил Саша Щербина, сказал:

— Завтра в десять ноль-ноль нас ждет новый шеф. Нас с тобой, — подчеркнул он. — Видимо, будут установки.

Никаких особых установок, впрочем, не было. Петр Павлович, подтянутый, живой, энергичный, возрастом, пожалуй, чуть младше Щербины, обоим пожал руки, жестом показал — садитесь.

— Давайте, ребята, откровенно, — начал он после обмена дежурными представлениями. — Думаю, для вас я не кот в мешке, вы знаете

обо мне достаточно. Наверное, поэтому до сих пор не подали заявления об увольнении. И все же в ваших глазах я — варяг, притом ухвативший готовенькое. Не стану скрывать, в каком-то смысле так и есть.

Александр и Галина переглянулись. Селиванов усмехнулся.

— Шокирую? Ну а как еще объяснить, что компания теперь принадлежит мне?

Он помолчал.

— Я, может, и не хотел бы, но буду с вами откровенен по двум причинам. Во-первых, это поможет нам понять друг друга и, возможно, друг другу поверить. Во-вторых, это позволит вам правильно построить стратегию и тактику отношений с прессой, которая, конечно, будет искать причины и назначать следствия. Так уж она устроена. Согласны?

Журналисты синхронно улыбнулись. Кажется, поверили новому шефу.

— А раз так — станем работать!

Он не сказал — «начнем работать». Он сказал — «станем». Тем самым обозначив себя не как варяга, который огнем и мечом сперва выжигает и косит наработанное предыдущими хозяевами, а потом по собственному лекалу выстраивает бизнес. Чаще всего такой путь кончается тупиком. Петр Павлович решил сохранить и приумножить. Галина и Александр поняли и приняли.

Поднимаясь, Галина невольно бросила взгляд на стол руководителя. Ее внимание привлекла фотография женщины — по виду молодой, очень красивой, очень... породистой. Кого-то она ей напомнила.

— Ваша жена, Петр Павлович?

— Да, моя жена. Единственная и вечная. Не расстанусь с ней даже здесь, как видите. — Селиванов легко улыбнулся.

Галина смутилась:

— Простите мое любопытство.

— Ну что вы! Пиарщики вправе знать о шефе все, включая его семейные отношения. — Он засмеялся — так же легко. И пожал Галине руку.

Вышли вместе — она и Саша Щербина. Прежде общались редко, разные были задачи. Случившееся их сблизило. Саша кивнул в сторону своего кабинета:

— Зайдешь? Обсудим.

Кабинет пресс-секретаря в точности повторял кабинет руководителя пиар-службы, располагались они на разных этажах, но выглядели близнецами. Пляцковский даже ключевых сотрудников не баловал роскошью убранства служебных помещений, ну а журналисты и пиарщики к ключевым и вовсе не относились. Правда, у Щербины в стенной нише имелся свой маленький бар — у Галины такого не было.

Саша достал бутылку, сполоснул бокалы.

— Не возражаешь против хереса? Успокаивает.

Налил, выпили молча. Галина усмехнулась:

— Как на похоронах...

Щербина усмешку не принял. С треском поставил бокал.

— Ножку отломишь, Саша.

— И хрен с ней!

Помолчал.

— Ты понимаешь, что мы сейчас совершаем предательство? Мелкое, но все-таки.

Галина не то чтобы удивилась. Ее тоже мучило непонятное чувство — вины, стыда... Но вот так, отчетливо, произнести «предательство» — она не могла.

— Отчего, Саша? Мы работаем в компании, которую создал Пляцковский. Теперь она перешла — пусть даже не совсем легитимно — все-таки в хорошие руки, в руки человека, которого мы тоже знаем и которому можем доверять. По крайней мере, знаем, что он не жулик. Почему — предательство?

Щербина задумчиво посмотрел в окно — были видны голубые ели, высокие, старые, посаженные еще в советские времена. Они укORIZненно качали верхушками. Допил херес, налил еще.

— У меня в жизни был такой эпизод. Лет двадцать пять назад — так, кажется, не скажу точнее — был у меня свой бизнес. То есть мы его делали втроем, но инвесторами были два моих партнера, муж и жена. Ясно изъясняюсь?

Щербина вдруг мгновенно опьянел. Галина посочувствовала:

— Не очень, но говори. Пойму.

Он снова налил себе и, не спрашивая, плеснул ей.

— Я реально управлял этим бизнесом, нанял людей. Команда была классная, мы очень скоро стали обгонять конкурентов.

— А бизнес какой?

Щербина недоуменно уставился на нее.

— Ты что? Журнал, конечно! Что я еще умею делать? Ну вот. Все было хорошо. Но... С партнерами у нас скоро возникли разногласия, особенно с дамой. Она ревниво относилась к моим новым назначениям, не признавала, что свое дело я знаю лучше, чем они с мужем. Давала дурацкие советы. В конце концов мы разошлись. Я вышел из проекта, и вслед за мной уволились все сотрудники. Никого не подговаривал — просто завязаны все были на меня. Мне верили, им — нет. Я был своим: и журналистом, и бизнесменом, — ни разу ни в одном из этих качеств не подвел никого, а кого-то чему-то и научил. В общем, ушли все. Остался один. Он честно сказал: «Для дальнейшей карьеры мне нужен статус редактора. Здесь больше никого нет — значит, редактором назначат меня. Простите, я не уйду».

Щербина снова замолчал, налил опять полный бокал — бутылка почти опустела.

— И? — нетерпеливо произнесла Галина.

— Ну что — и? Проект скоро закрыли. Но мой бывший сотрудник успел выйти в редакторы. Два десятка лет прошло. Сегодня мы с ним иногда видимся и вежливо раскланиваемся. А когда-то были почти друзьями.

Саша отхлебнул хереса.

— Понимаешь, все ведь вроде правильно. Он честно признался: нужен статус и только ради этого остается. И я понял и принял. Но... вот, блин, получается как в анекдоте: ложечки отыскались, но осадочек остался. И не могу ничего с этим осадочком поделаться, понимаешь? И он тоже, судя по всему, мучается. Тоже — осадочек...

— Думаешь, и мы теперь такой осадочек в себе носить станем?

Щербина усмехнулся:

— Ну а чего тут думать-то? — Он допил херес. — Но решение-то мы приняли? И оно правильное, черт возьми...

12.

Отнудил короткими метелями февраль, март в самом начале стал недобро, исподлобья поглядывать на зимние сугробы, еще не поджаривая, но уже местами оплавливая косыми лучами снег. Ходить по городу стало труднее из-за гололеда. Зимний гололед, о котором предупреждает автомобильный компьютер, — ничто перед тем, который начинается ранней весной. Даже не весной еще — тогда, когда она только предчувствуется, только обещает прийти. Дневные лучи ласкают упавшее с неба полотно, снег разнеженно тает, течет истомой, ночью не ушедшая пока зима шикает на не пришедшую еще весну, и к утру торопливая нежность оборачивается ледяной коркой непонимания.

Ближе к весне у Богдана появились заказчики на печи — да внезапно столько, что их пришлось выстраивать в очередь.

— Время такое странное, — говорил владелец фирмы из Медногорска. — Странное время! В январе звонит мне хозяин кафе из области, просит поставить камеры слежения — вилки-ложки воруют, представляете? Ну раньше, в советские времена, помню, и правда воровали ложки-вилки в столовых. Но сейчас-то?!

Богдан осматривал дачу, в которой нужно было сложить печь, и не сразу понял, о чем речь. А хозяин очень ждал участия.

— Нет, вы представляете?!

Богдан представил.

— А что за кафе-то? Где? У вас, в Медногорске?

— Я ж говорю — в области, у вас! — Хозяин, похоже, обиделся.

— А, понятно, — виновато сказал Богдан. — Вы простите, я же сейчас — все внимание вашей будущей печке... А какое кафе? Может, знаю?

Может, сам пару вилок оттуда утащил? — Он попытался снять неловкость.

Хозяин засмеялся облегченно.

— Вряд ли вы там бывали! Оно на окраине, и название подходящее — «Сумерки».

Богдан невольно вздрогнул.

— Я знаю это кафе. И — точно! — камеры там как раз зимой появились. Ну да ладно, давайте сформулируем техзадание...

Был вечер второго вторника месяца, и был тот самый день. Богдан шел домой из кафе. После разговора с заказчиком — капризным и довольно бестолковым — он все-таки успел на встречу с Виолеттой. И вот — возвращался. Он отчаянно скользил по тротуару, который дворники не успели освободить от льда, а городские службы не удосужились хотя бы просто посыпать песком. Богдан ругался — и все-таки пел про себя. Каждая встреча с Виолеттой создавала приподнятое настроение, и хватало этого настроения надолго.

Он поскользнулся, упал — и понял: в локте трещина или перелом. Больно очень, хотя не ужасно. Вдруг вспомнилась песня, слова которой Богдан сначала услышал от Виолетты, а потом отыскал в интернете, скачал и теперь иногда слушал в машине:

Прощай, колокольчик. До века отныне
сменить нам небесную твердь на твердыню,
роптать потихоньку на дикую долю
и воли не помнить.

И дальше:

И веры не выбрать, и воли не помнить,
смирясь, изучать географию комнат,
под платом, халатом, под палевым пледом —
до лета, до века...

«Вот теперь так и буду — под халатом, под палевым пледом, пока рука не наладится...»

Он с трудом встал, отошел к обочине, где было не так скользко. Боль в руке нарастала. Как назло, в правой. С трудом достал телефон левой рукой, вызвал такси.

Дома жена посмотрела на него внимательно, охнула, посадила в машину, отвезла в травмпункт.

— Трещина, — устало сообщила женщина в белом застиранном халате. — Наложим шину, забинтуем, походите так недельку — и снова к нам. Срастется за это время, думаю. Главное, перелома нет.

Она склонилась над бумагами.

— Вы доктор? — на всякий случай уточнила Галина. Богдану было все равно. — А может, рентген сперва?

— Медсестра, — так же устало, не отрываясь от бумаг, сообщила женщина в халате. — Нет у нас докторов ночью. Не бывает. И рентген ночью не работает. Ну, давайте вашу руку.

Галина внезапно — почему-то именно здесь, в травмпункте, — поняла, чья фотография стояла на столе у Петра Павловича.

13.

Мартовским вечером, в середине недели, в кафе «Сумерки» вошла женщина. Возрастом, по виду, слегка за сорок. Внешность не яркая, но привлекательная, живое и умное лицо, подтянутая фигура, решительные складки у губ... да что там: это была Галина. И пришла она, как уже понятно читателю, на разведку. Боем.

Бармен, он же хозяин, Ростислав, повел себя как в тот раз, когда в это кафе впервые вошел Богдан. Он кивнул — поздоровался и одновременно указал на свободный столик, хотя в кафе почти никого не было, — и отвернулся, уткнулся в какие-то бумаги. Галина, однако, садиться не стала. Она подошла к хозяину.

— Здравствуйте.

Тот на секунду поднял глаза.

— Добрый вечер! Присаживайтесь, официант подойдет.

— Спасибо, но я с вопросом. К вам лично.

Хозяин оторвался от бумаг.

— Слушаю.

Галина вынула из сумочки фотографию.

— Скажите, вам это лицо знакомо?

Ростислав посмотрел на фото, медленно перевел взгляд на гостью.

— Вы кто?

— Какая разница! — Галина старалась говорить спокойно, но получилось плохо. — Этот человек ведь бывает здесь?

Ростислав вздохнул. Он успел собраться.

— Почему я должен отвечать вам?

— А почему нет?

Хозяин вышел из-за стойки, жестом пригласил женщину к столику.

— Давайте все-таки сядем и вы мне объясните все. Хорошо?

Галина хотела возразить — и вдруг подчинилась. Они сели. Ростислав попросил официанта принести чай.

— Не возражаете против зеленого?

Она молча кивнула.

— Ну, рассказывайте.

Галина вопросительно подняла брови:

— Я?

— Ну не я же к вам пришел с вопросами и фотографией. Чего вы хотите?

Она вздохнула — вздох невольно получился жалобный, беспомощный.

— Понимаете... Это мой муж. Я знаю, что каждый второй вторник месяца он здесь бывает, встречается с женщиной. Я знаю, кто она. Я не представляю, какие у них отношения, но... но это — мой муж. А она — жена моего шефа. И встречаются они...

— И встречаются они уже третий год, — перебил ее хозяин. Он говорил без всякой интонации, просто констатировал факт. — Они приходят в одно и то же время, сидят за одним и тем же столиком, сидят ровно два часа — и уходят в разные стороны. Он ей ручку целует. Вы это хотели узнать?

Галина улыбнулась беспомощно.

— Наверное... — И вдруг ее осенило: — А скажите, у вас же есть в кафе камеры слежения? — Она показала пальцем на потолок, где виднелся объектив камеры. — Вижу — есть.

Хозяин пожал плечами:

— Да, этой зимой установили. Посуда стала пропадать. По мелочи, но неприятно. Район сами понимаете какой — окраина, постоянных гостей здесь немного. Случаются такие, кто за рюмкой или кружкой пива приходит, ну и уносит с собой, что под руку попало. Не уследишь. Вот и пришлось...

Галина неожиданно положила руку хозяину на локоть. Спросила, волнуясь:

— Сколько времени хранятся записи с камеры? Неделю, месяц, год? Хозяин снова пожал плечами, на сей раз растерянно.

— Не знаю... Ну, наверное, пока памяти хватает, потом стираются — и все пишется заново... Просто не знаю, честное слово!

— Но вот недавние записи — скажем, прошлой недели или прошлого месяца, — они ведь должны сохраниться?

Хозяин опять поднял плечи.

— Наверное. Надо специалистов спросить, которые камеры ставили.

Галина сжала пальцами его локоть — так, что Ростислав удивился.

— Спросите, а? Пожадуйста. Очень вас прошу! Если да — я готова купить у вас эти записи.

Ростислав от неожиданности крикнул, стряхнул руку Галины.

— Вы в своем уме? С какой стати я вам стану что-то продавать? Вы потом будете этих людей шантажировать, я в жизни не отмоюсь от позора, даже если вы никому об этом не скажете! Совесть-то у меня есть или как?

Галина хотела ответить — вдруг лицо ее залила краска. Она закрылась руками, посидела так. Успокоилась.

— Простите... Я вовсе не хотела обидеть вас. — Снова помолчала, отхлебнула горячий чай. — Да и не знаю я, насколько у них это серьезно...

Никого, конечно, шантажировать не собираюсь, зря вы это. — Она отодвинула чашку с чаем. — Сколько с меня?

Он пожал плечами, глядя на нее внимательно и с неожиданным сочувствием.

— Нисколько. Угощение от меня лично. Да вы и не выпили ничего. Галина поднялась, поправила стул.

— Прощайте. Спасибо вам. И простите меня.

14.

В Медногорске, в компании, где работал Геннадий, сейчас было оживленно, не то что в январе. Не аншлаг заказчиков, но и не простой, когда специалистам приходилось развлекать себя стрелялками в интернете или просмотром горькой правды на новостных сайтах. Геннадий был занят: рисовал охранный периметр, расставлял датчики и камеры наблюдения на участке заказчика. Дисплей показывал участок, программист оценивал — в каких местах расставить электронных «следаков», как организовать систему наблюдения с наименьшими затратами на персонал. Так была поставлена задача.

В это время позвонил шеф:

— Ген, привет! — И без предисловия: — Дело такое... Помнишь, ты монтировал систему наблюдения в кафе «Сумерки» в областном центре? Ее надо снять.

Геннадий не понял.

— Что значит — снять?

— Понимаешь, — неловко замялся шеф, — ситуация странная. Позвонил владелец, сказал: система себя не оправдала, вилки тырят по-прежнему, а из-за камер постоянные гости нервничают — мол, за кого нас здесь держат. Местечковая психология, Гена. Прошу, поезжай, сними эти чертовы камеры! — И, опережая возражения: — Заплачу вдвое.

Геннадий чертыхнулся.

— Ну а с текущим заказом как? Он тоже вроде такой... не терпящий отлагательств.

— Объясню заказчику. Навру. Скажу, заболел ты, — шеф хохотнул, — ковид у тебя.

— Типун тебе на язык величиной с лошадиную голову, Захарыч! — от души пожелал Геннадий. И засобирался: — Когда ехать?

— Уже.

15.

Богдан сидел дома с шиной на руке, злился, что не может работать, что пришлось отложить печку в Медногорске.

«Пустяковая трещина — а полная парализация движений и возможностей», — думал он невесело.

Вернулась с работы Галина. Чмокнула в щеку, посмотрела на него странно, сказала:

— Переоденусь — приду поговорить.

Богдан пожал плечами.

Галина пришла в домашнем, спросила неожиданно:

— Выпить не хочешь?

Он удивился.

— Что-то случилось? Хорошее или плохое?

Жена усмехнулась:

— Трудно сказать... Налью?

Не дожидаясь ответа, достала из шкафчика бутылку сухого красного вина, налила два бокала. Богдан всегда держал в кабинете вино и коньяк, хотя выпивал редко.

Они чокнулись. Богдан внимательно смотрел на жену. Вино показалось безвкусным, хотя Испанию он любил и ценил за богатый букет. Он поставил пригубленный бокал, спросил — голос звучал хриловато, выдавал волнение и ожидание неприятного разговора:

— Что же все-таки, Галя?

Она тоже поставила бокал — он был пуст. Налила еще.

— Я была в кафе «Сумерки». Я видела тебя с женщиной. Ее зовут Виолетта. Она жена моего нового шефа.

Богдан от неожиданности встал. Прошелся по кабинету. Сел. Улыбнулся невесело.

— Ну да, ничто не вечно. Когда-то наша тайна должна была стать достоянием близких... Петр Павлович тоже знает?

— Если и узнает, так не от меня.

Галина повертела бокал.

— Скажи мне, это серьезно?

Богдан вздохнул, допил вино, открыл шкафчик, достал коньячную рюмку, бутылку. Одной рукой открывать коньяк было неудобно, он жестом попросил жену помочь. Галина открыла, налила. Богдан молча выпил.

— Ну, слушай. Только постарайся не перебивать и дослушать до конца. А там решишь сама, как поступить.

Он рассказал ей о том, самом первом, студенческом ноябрьском вечере, о первой встрече с Виолеттой, первых стремительных чувствах и моментальном прозрении.

— Мы сразу, без тени сомнения, без предисловий и, главное, без слов поняли, что мы созданы вот для таких встреч. Не для постели, не для утех. Потому что постель и утехы влекут за собой предательство. Мы никого не хотели предавать. Да что — не хотели: не хотим. Один день в месяц мы принадлежим друг другу. Разве это преступление? Это же все равно, что я бы с друзьями раз в месяц пиво пил, разве нет?

В этом месте Богдан покраснел. Последняя фраза вырвалась поперек воли и показалась уж слишком обывательской. В ней содержалась неправда. Ему стало стыдно.

Галина снова усмехнулась — не холодно уже, не отстраненно: горько. — Никого не хотели предавать... Так ведь предали. Сам-то понимаешь?

Богдан не ответил. Налил рюмку — на этот раз самостоятельно, здоровой левой рукой.

— Кругом виноват... Что же ты предлагаешь?

Галина допила вино, убрала бутылку в шкафчик. Решительно посмотрела на мужа.

— Предлагать я ничего не стану. Предлагать — значит советоваться. В моем положении не советуются, а принимают решение. Я его приняла.

16.

В семье Селивановых было маленькое семейное торжество. Петр Павлович и Виолетта отмечали двадцатилетие совместной жизни. На какие-то гастрономические изыски времени не хватило. Виолетта купила торт, Петр Павлович принес шампанское — тем и ограничились. Неожиданно приехал Геннадий, хотя для него такого рода даты были не то чтобы совсем уж пустым звуком — родителей он любил и уважал, — но всерьез не воспринимались. Мало ли когда кто кого встретил и при каких обстоятельствах... А вот приехал, сидел, слушал, пил чай с тортом — шампанское нельзя: за рулем, возвращаться в Медногорск ночью. С каким-то загадочным, необычным для него выражением смотрел на мать и отца. Как будто что-то взвешивал.

— Помнишь, как мы встретились? — Петр Павлович возбужденно размахивал бокалом, расплескивая вино. — Университет, твой матфак, мой физфак... Студенческая столовка. Девушка с подносом тычет пальцем в меню и говорит подруге: «Представляешь, бефстроганов из минтая!» И обе громко хохочут. А я, провинциальный балбес, возмущенно оглядываюсь — что смешного-то? Мне этот бефстроганов очень нравился, потому что был дешевый. И натыкаюсь на глаза — и понимаю, что попал. И возразить уже не могу, и чуть поднос свой не уронил.

— Да-да! — подхватывает Виолетта. — Так и было, помню. Я еще подумала, какой неуклюжий, и даже посочувствовала. Зато потом — откуда храбрость-то взялась? — как ни войду в обед в столовую, так непременно следом в очереди этот физик интеллигентный. Улыбается, только что не кланяется и шляпу не снимает. «Я, — говорит, — столик занял!» — и кивает подносом в нужную сторону. Ну как устоять?

— Да-да, — почти перебивает Петр Павлович, открывая вторую бутылку Mondoro Prosecco, — так и было, так точно и было!

А потом — помнишь: «Не могли бы вы салфеточку передать?» Ну я передал. А на салфеточке — помнишь?

Виолетта смеется от души:

— Как забыть такой шедевр изящной поэзии? «Виола, Виолетта, туманятся глаза. Войду в тебя, как в Лету, и не вернусь назад!» Салфеточку не сохранила, каюсь, так ведь наизусть помню!

Она поставила бокал, подошла к мужу, прижалась, поцеловала нежно, искренне.

Геннадий поставил чашку с чаем на стол — так поставил, что отломилась гнутая ручка, а на скатерти образовалось бурое пятно. Он секунду повертел в руке обломок, бросил на скатерть, в чайную лужу. Родители с удивлением посмотрели на сына.

— Что-то не так?

— Пап, мне поговорить надо с тобой. Можем без мамы? В кабинете? Я потом уеду, тороплюсь уже, лучше прямо сейчас. Прости, мама.

Петр Павлович пожал плечами.

— Ну... у мужчин свои секреты... Извини, Виола, — надеюсь, мы ненадолго.

Виолетту царапнуло предчувствие.

...Прежде чем снимать камеры и демонтировать всю систему слежения в кафе «Сумерки», Геннадий попросил хозяина на всякий случай посмотреть последние записи. Вдруг на них что-то такое, что Ростиславу покажется важным. Тот пришел, бегло просмотрел.

— Нет, ничего полезного, можно все обнулять.

И ушел.

Геннадий некоторое время посидел в оцепенении. Он тоже смотрел записи. Он увидел мать, потягивающую martini и любезно беседующую с незнакомым мужчиной. Незнакомым ли? Геннадий еще раз прокрутил запись. Да нет, мужчина был хоть и далеким, но знакомым, из тех, о ком говорят: «Он меня вряд ли вспомнит, но я-то его знаю». Это он выкладывал печь на даче Захарыча, когда Геннадий проверял работу камер слежения. Они бегло поздоровались и больше не виделись, мужчина был слишком увлечен работой, но лицо почему-то запомнилось. Запомнилось и редкое имя: Богдан.

В кафе они — Богдан и мать — общались так, что сомнений не возникало: за столиком двое влюбленных. Геннадию стало горько и тоскливо. Он вдруг вспомнил картину, которую подарил родителям на какой-то праздник: двое сидят на старинных венских стульях, глядя не то на Эйфелеву башню, не то на собор Нотр-Дам, и подпись: «Двое в парке Тюильри». Он подарил им эту картину не слишком знаменитого художника как символ вечной любви. И вот она — любовь, вечная и неувечная...

Геннадий выделил фрагмент нужной записи, скопировал его на флешку. Зачем? Сам еще не мог дать себе в этом отчет.

И вот — дал.

— Пап, я тебе сейчас ничего не скажу, только попрошу посмотреть запись. А потом поговорим.

Петр Павлович не понимал, но молча согласился. Геннадий включил компьютер, вставил флешку...

Отец поставил пустой бокал, хрустнул пальцами.

— Что ж... Откуда это?

Геннадий рассказал. И заторопился, опережая вопросы:

— Я принес это тебе не затем, чтобы ты ругался и потрясал кулаками. Да тебе это и не свойственно. Мне просто стало обидно за тебя. За вашу любовь стало обидно. И за себя, конечно.

Петр Павлович сидел, снова взял бокал.

— Там, в шкафчике, за стеклом коньяк. Плесни, пожалуйста. Прямо сюда, в этот фужер. Что за мужик-то, знаешь?

Геннадий махнул неопределенно — почему-то не захотел признаваться, что знает.

Петр Павлович выпил коньяк, внимательно взглянул на сына.

— Понимаешь, Гена, что совершил сейчас поступок... необратимый? О нем забыть никто никогда не сможет. Понимаешь это?

Геннадий посмотрел на отца внимательно и кивнул.

— Да, папа. Я все понимаю. И цену своему поступку хорошо знаю. Я долго колебался... ну, ладно, не очень долго, просто время поджимало. И знал я, что ты мой поступок не примешь и осудишь. И я потом из этого своего Медногорска по телефону с вами общаться стану, а ты и мама под разными предложениями будете от встреч откашивать. Не дурак я, папа. Но... Ты меня послушай, прежде чем осуждать и решения принимать. По крайней мере, решение в отношении меня.

Он вдруг взял бутылку, плеснул себе коньяка, выпил, поморщился:

— Не пью ведь совсем почти... Дрянь. Ладно, дальше. Мама для меня всегда была почти иконой, понимаешь? Ты, когда я маленький был, дома редко появлялся, выстраивал бизнес, приходил поздно, я тебя почти не видел. А она мне сказки рассказывала. В том числе те, в которых ты — герой. — Геннадий усмехнулся — добро усмехнулся, без подтекста. — Ты и правда был героем и для меня, и для мамы. И ее сказки стали былью, я на тебя стал равняться. Но и она для меня осталась... Андерсеном.

Он снова выпил. Петр Павлович смотрел на сына с тревогой.

— Ничего? Не переберешь? Ехать ведь...

Геннадий махнул рукой:

— Заем чем-нибудь. По городу уж как-нибудь. А у нас на этот предмет не проверяют, главное — пропуск.

Но рюмку все-таки отдал отцу, чтобы больше не соблазниться.

— Ну вот. И понимаешь, вот я вижу: родная моя мама, для меня святой человек, сидит с мужчиной, который явно не просто знакомый, они

что-то там пьют, он ей ручку целует... Папа! Что я должен делать? — Он совсем тихо сказал: — Это ведь предательство? Я не прав?

Петр Павлович вздохнул — так глубоко, как вздыхают перед прыжком.

— Предательство, Гена. Но ведь и то, что ты сейчас сделал, тоже предательство. И исправить ничего уже нельзя.

Из кабинета они вышли вместе. Петр Павлович был заметно пьян.

— Проводим Гену, ладно? Ему пора. Потом поговорим.

Виолетта молча согласилась.

Поговорить не вышло. Проводив сына, Селиванов вдруг ушел в кабинет, махнув жене рукой:

— Сейчас!

Там налил почти полный фужер коньяку — все, что оставалось в бутылке, — залпом выпил, сел в кресло и мгновенно уснул.

Виолетта, не дождавшись, тихонько заглянула в кабинет, принесла плед, накрыла супруга и ушла в спальню. Предмет несостоявшегося разговора ей был понятен.

17.

Завтракали, притворяясь, будто все как обычно. Петр Павлович делал вид, что ничего не помнит, и жаловался на головную боль. Виолетта сочувственно разводила в стакане шипучку из уксуса и соды, поила мужа. Так и разъехались по офисам, едва прикоснувшись губами к щекам друг друга.

В кабинете Петр Павлович, не запирая двери, достал бутылку коньяку, налил полную рюмку, выпил. Через минуту стало легче. На селекторе замигал огонек, секретарь спрашивала:

— Петр Павлович, вы свободны? К вам Галина Сергеевна. Говорит, по срочному делу, поэтому не стала предварительно звонить, сразу сюда.

Галина вошла стремительно, поздоровалась и, не сядя, так же стремительно проговорила:

— Петр Павлович, дело у меня к вам почти интимное.

Он посмотрел с удивлением — и вдруг понял все.

— О как! Ваш муж встречается с моей женой — так? Раз в месяц. В кафе «Сумерки». Я видел запись. Вы об этом?

Галина медленно села.

— Коньяку? — участливо спросил шеф. — Разговор-то не короткий.

Он нажал кнопку селектора:

— Нам — два крепких кофе.

Когда кофе принесли, он наказал секретарше:

— Никого ко мне. У меня срочное секретное производственное совещание.

Совещались долго. Бутылка коньяка опустела, достали другую. И, что удивительно, не опьянели. Хотя Галина разгорячилась. Она сняла пиджак, в котором имела обыкновение ходить в офисе, осталась в блузке.

— Ну вы понимаете ли? Вот месяц она, ваша жена, — здесь, с вами, и мила, и улыбочива, и послушна — само совершенство. А один день — один только день в месяц, понимаете? — она не с вами, она — с ним, с моим мужем. Нет, не в постели, — предупреждая его возражение, почти закричала Галина, — не в постели! Так еще хуже, Петр Павлович! Хуже еще, понимаете?

Он искренне не понимал.

— Ну как вам... как объяснить-то вам? У нее душа — не с вами, все это время — не с вами. Телом она — здесь, а душой... Любовь у них, одним словом, Петр Павлович. Такая, какую в постель не спрячешь. Ей и постели не надо. Они всеми молекулами своими, всеми атомами друг другу принадлежат. И нам с вами между этих молекул и атомов места нет. — Она повторила жестко: — Нет нам с вами места. Лишние мы.

Помолчали. Выпили еще. Он повертел рюмку. Взглянул на ее открытую блузку. Усмехнулся:

— Интересно, вот если бы мы с вами, Галина Сергеевна, сейчас... согрешили, это считалось бы изменой тем, кто нам уже изменил?

И махнул рукой:

— Ладно, чепуху говорю, конечно. Что вы решили?

18.

Апрельским вечером в кафе — еще сумерки; еще не лето, хотя и сумерки иные — они светлее и радостнее, чем осенние. Скажем, чем ноябрьские.

Богдан вдруг пришел раньше почти на полчаса — так не бывало за два с лишним года никогда. Официант и хозяин поглядели на него с плохо скрываемым удивлением. Поздоровались, спросили, все ли в порядке. Богдан махнул рукой, с которой только что сняли шину, — неуклюже еще махнул:

— В порядке, в общем. Так, по работе неприятности.

И попросил коньяку на аперитив.

— Мохито тоже, но попозже, хорошо?

Тянул коньяк. Почему-то звучало в памяти:

Прощай, колокольчик. Перрон покачается —
и кончится все, и уже не начнется.

Мы, круг разрывая, погрузимся в Фета.

И — многая лета.

Он усмехнулся: Фета почитать так и не удосужился. Наверное, хороший поэт.

Допил коньяк. Принесли мохито.

«Значит, сейчас придет».

Но и она пришла не в свое время — опоздала на целых десять минут. Он встал, встретил, помог раздеться.

— Не замерзла? — Он старался улыбнуться.

— Нет, что ты! Апрель... Я на минутку.

Виолетта ушла в дамскую комнату. Официант вопросительно поднял руку. Богдан кивнул: как всегда.

Однако, вернувшись в зал, Виолетта жестом подозвала официанта, спросила:

— А что у вас из крепкого, помимо коньяка и водки? Дайте настойки какой-нибудь тогда. И после, как всегда, martini.

Официант удивился несказанно, хотя не подал виду. Настойка была брусничной, собственной, местной, выделки. Виолетта выпила ее почти залпом. Все это время Богдан наблюдал за ней с возрастающей тревогой. И понимал прекрасно, откуда эта тревога. Спросил все-таки:

— Не так что-то?

Виолетта тянула уже martini, они уже заказали горячее. Она вздохнула:

— Ты сам знаешь, думаю. Кажется, мы теперь свободны, Богдан?

Он улыбнулся.

— Значит, все, как я думал. Да, жена подала на развод, я не возражал. Стало быть, и твой муж решил так же? Не спрашиваю, впрочем.

Он взял ее руки, крепко сжал.

— Ты понимаешь, Виолетта, что теперь мы можем быть вместе? Можем не просто встречаться вот здесь, в этом кафе? Можем, ни от кого не таясь, быть вместе где угодно. И жить в одной квартире: хочешь — в моей, а нет — в твоей? Жена мне квартиру оставляет, сама берет в ипотеку. Да взяла уже, Петр Павлович выдал ей кредит от фирмы, беспроцентный.

Виолетта засмеялась, как всхлипнула. Ответила на его рукопожатие.

— Так ведь и мне Петр Павлович квартиру оставляет. Вот как... Можем жить где хотим.

Богдан широко улыбнулся, свободно, открыто, позвал официанта:

— А дайте нам, пожалуй, шампанского! Мы тут свободу празднуем.

Они говорили — много, бестолково, ни о чем и — о будущем. Как жить станут. Как будут путешествовать. Как наконец перестанут прятаться от людей, скрывать свои чувства, как будут эти чувства показывать.

Горячее почти остыло — они не заметили. Шампанское выпустило пузыри — они не почувствовали вкуса. Так было хорошо и свободно!

Наконец часы показали почти полночь.

— Ого! Столько мы с тобой здесь никогда не сживали, — сказал Богдан, поддерживая Виолетту под руку.

Оба были изрядно хмельны. Официант по его просьбе вызвал такси, водители этой фирмы уже знали, куда везти пассажирку.

— Ты точно не хочешь доехать? Дойдешь ли сам-то? Напились же мы с тобой! — Виолетта говорила слегка заикаясь и сама смеялась над своим заиканием.

Богдан отмахнулся:

— Нет, я пока пешком. Переварить же надо.

Он поцеловал Виолетту — на этот раз крепко, в губы.

— До встречи! Надеюсь, скорой. Как только разводы кончатся, со званиваемся и... дальше... ну, в общем... чего там! Люблю тебя!

Поцеловал еще раз и пошел, маша рукой уходящему такси.

Виолетта сидела на заднем сиденье. Ей было плохо. Нет, ее не тошнило, хотя выпили они много. Ей было плохо иначе. Она хотела заплакать — и не получилось. Тронула рукой водителя:

— Вы курящий?

Он пожал плечами:

— Да, но... у меня в салоне не курят.

— Тогда дайте мне сигарету и остановите, пожалуйста. Подождите, пока покурю.

Богдан шел по улице. Слезы застилали лицо. «Счастье! — думал он. — Наконец-то — счастье!»

19.

Больше они не встречались.

Эпилог

Сумерки в этом крошечном кафе наступали сразу, без прелюдии и увертюры. Эти сумерки были осенними, ранними. За столиком сидел молодой человек лет двадцати с небольшим, пил кофе. Допил, подумал — и заказал мохито.

— Только постарайтесь, чтобы вода была настоящая содовая, не какая-нибудь минералка. Я определю.

Официант чуть помедлил, улыбнулся неизвестно чему.

— Я постараюсь.

Молодой человек был здесь впервые, это угадывалось по тому любопытству, с каким он оглядывал зал. Невольно морщась, рассматривал старые светильники, полуподвальные окна, неновую обивку стульев. Хозяин

Ростислав внимательно наблюдал за его реакцией, улыбался про себя. Наконец не выдержал, подошел.

— Помните ведь меня, Геннадий? Вы у нас сигнализацию ставили, потом снимали. А в зале, вижу, впервые. Не нравится?

Геннадий из уважения встал, хотя ему этого совсем не хотелось. Пожал хозяйину руку.

— Помню, конечно. Нет, в зале не бывал. Не думал, что у вас так... допотопно.

— А представляете, сколько мебели я бы накупил, какие светильники зажег бы, если бы согласился на предложение — продать записи встреч и провожаний вашей матушки и ее друга? Было такое предложение.

— «Светильники зажег бы», — медленно процедил Геннадий.

— Ну так ведь не зажег, — улыбнулся без веселья Ростислав. — Не Иуда. И бизнесмен, видимо, не очень успешный. Отдыхайте. Зовите, если что. Хотя официанты у меня хорошие.

Геннадий сел, задумался. Попросил меню.

И в это время вошла девушка.

Боже, как она была хороша!

Он отодвинул меню, встал:

— Разрешите поухаживать?

— С удовольствием!

Она улыбнулась — и Геннадий пропал.

— Не откажетесь составить компанию? Здесь больше никого, даже поговорить не с кем.

Она простила ему неуклюжесть фразы.

— С удовольствием! — повторила. — Закажите мне, пожалуйста, сухой мартини с джином, а я пока... — Она удалилась в дамскую комнату.

Душа Геннадия пела. Мир стал волшебен и прекрасен.

Девушку звали Юлия.

Андрей БОЛДЫРЕВ

«ОДИН МАЛЬЧИК ДУМАЛ...»

* * *

Март всыпал нам по первое число:
дороги, тротуары замело
и было не пройти и не проехать.
Приказано: копать от сих до сих,
одну лопату дали на двоих —
по очереди, типа, не помеха.
Оценивая общий фронт работ,
мы костерили сей небесный фронт,
чуть тише — на чем свет стоит — начальство.
Как в космос, вышли в сильный снегопад...

Все это было ровно жизнь назад,
но снится мне отчетливо и часто...

Кто тот второй, что в снах моих живет?
И неужели память врет и врет,
реальное и вымысел миксуя?
Кто я такой, когда в своей лежу
постели теплой, жизнью не рискуя?

...К противотанковому приковать ежу,
сжечь заживо, агонию смакуя.
Прогресс был нужен только для того,
чтоб человек сжег человека
за-жи-во
и, сделав фото,
слил его в соцсеть,
чтоб, как погоду, обсуждая смерть,
звонил коллега бывший по работе.
А март все тот же, что сто лет назад:
снег укрывает на земле солдат.
И только разговоров, что о фронте.

Первое июня

Крик матери и гнев отца,
а я один за все в ответе.
И горю не было конца,
ведь больше всех страдают дети.

Я ничего тогда не знал
о жизни и животном страхе,
но худо-бедно мир стоял
на трех слонах и черепахе.

Со школы памятный рубец:
будильник в семь утра разбудит,
из зеркала глядит отец,
и страшно думать, что же будет.

Нет, не со мной, а с ней и с ней,
и с этими двумя помладше.
Мир оказался не прочней
ночных кошмаров детских наших.

...У приграничья рев арты,
молчат сурово терриконы,
а я готовлю у плиты
шебекинские макароны.

* * *

Антону Васецкому

В светоотражающих робах
супротив снега и льдин
выйдет ангелов рота,
с лопатами все как один.

Каждому снега хватит,
оскален сосулек редут,
но зиму перелопатит
их благородный труд.

Будет светлей и чище,
снег не попадет башка,
покуда живут на крыше
ангелы ЖКХ.

* * *

Я щи с фасолью и грибами
в канун Страстной томил всю ночь.
В обед горячими слезами
рыдает над тарелкой дочь.

Ей плохо все: грибы, капуста,
морковь, петрушка и фасоль.
И сознавать до боли грустно:
суповарение — искусство,
а ты попроще быть изволь.

И тот воистину блажен и
свят, кто гордыне вопреки,
поймет, что сам несовершенен,
как щи и эти вот стихи.

...Не зарастет на сердце рана,
но твой ребенок сам в семь лет
готовит первый свой обед:
зеленый лук, вода из крана
и соль — вкуснее точно нет.

* * *

Один мальчик думал, что он летчик
Антуан де Сент-Экзюпери.
Только это просто коробочек
спичек: там барашек сдох внутри.

Добрые давалы-звездочеты
на другой планете, но туда
не летят сегодня самолеты
и не едут даже поезда.

* * *

В жаркий полдень прешь, как танк, облитый
пóгом, дома голову забыв.
Майский жук летит в кусты, подбитый.
Во дворе сирени взрыв.

Стрекоза, как беспилотник, зависает.
Мать зовет детей:
— Пора домой!
О войне никто не вспоминает.
А рубашка к телу прилипает.
Все пропитано войной.

МИФ, РЕАЛЬНОСТЬ, ВИРТУАЛЬНОСТЬ...

Кажется, чисто мистическая тенденция в современной российской фантастике начинает уступать место трезвомыслию и материальности. По крайней мере, такое впечатление остается после прочтения подборки, которую мы публикуем в этом номере. Или просто действительность с каждым днем становится все фантастичнее и ирреальнее?

Герои повести Вольдемара Зайцмана — электрики, обслуживающие старую ТЭЦ. Автор в совершенно реалистической манере описывает их работу — пока исчезновение жившей при ТЭЦ старой собаки не приводит к неожиданным, воистину фантастическим последствиям.

Рассказ Николая Баховца рисует мир, где каждый человек может выбрать место и стиль жизни, которые больше всего соответствуют его навыкам и характеру, и быть вроде бы вполне счастливым... Что с ним происходит на самом деле и какую цену ему приходится платить — другой вопрос.

Тимофей Николайцев обращается к стилю паропанка. Его герой наделен мифологическим взглядом на жизнь и технический прогресс, поэтому в своем воображении преобразует обычные события в нечто причудливое, мощное и трагическое.

В забавном рассказе Андрея Станишевского не без сарказма показано будущее, где жизнь «эффективно» механизмуется и цифровизируется. Но привычка решать все проблемы с помощью вживленного в тело чипа рано или поздно приводит к подмене реального — виртуальным, а затем и просто ложным.

Яна Соловьева рассказывает историю о жизни и не-жизни, и это единственный чисто мистический текст в нашей подборке. Героиня не отбрасывает тени и не отражается в зеркалах... Да, это именно то, о чем вы подумали. При всем обилии современных деталей рассказ «Набело» — скорее притча о том, что решение самых трудных проблем лежит совсем не там, где мы ожидаем.

Несмотря на разницу сюжетов, стилей, идей, во всех этих текстах есть то, чего мы обычно ждем от хорошей фантастики: возможность прикоснуться к странному, необычному, непривычному — и посмотреть по-новому на нашу собственную жизнь.

Вольдемар ЗАЙЦМАН

ПРИЗРАК СТАРОЙ СОБАКИ

П о в е с т ь

Посвящается А. Э.

Глава первая

Дневная смена началась как обычно, и, как говорится, ничто не предвещало. Пока проводили тех, кто с ночи, изучили оперативный журнал, чаю попили...

Елена Ивановна, добродушная полная женщина в возрасте, прибежала, как водится, с небольшим опозданием.

— Не ругайся, Максимыч, не ругайся! — начала она оправдываться, заметив, что старший смены недовольно качает головой. — Сам знаешь, пока моих соберешь, пока отправишь...

Она стала доставать из принесенной сумки коробочки и пакетики.

— Где же наша умница? — Она вышла в коридор. — Где наша собачка? Фью-фью-фью... Ах вот ты где, моя хорошая!

Собака, крупная старая дворняга с облезлым хвостом и обвисшими ушами, поднялась ей навстречу со своей подстилки на улице, где находилась по случаю хорошей погоды.

— На, кушай, дорогая, кушай! — Елена Ивановна ласково потрепала ее за ухом и стала выкладывать в собачью миску принесенную еду.

Собака повиляла хвостом, благодарно ткнула носом ей в ладонь и, аккуратно прихватив клыками большую кость с остатками мяса, затрусила вдоль стены здания.

— Никак здесь не жрет, — заметил Ефремов, толстый рыжий мужик с густыми усами, вышедший с Сергеем Максимовичем на улицу покурить. — Все таскает куда-то. На черный день прячет, что ли?

— Может, щенки у нее? — задумчиво произнес Сергей Максимович.

— Да господь с тобой! — Елена Ивановна всплеснула руками. — Какие щенки? Она же старая совсем. Сколько она у нас живет-то? Годков десять, наверное?

— Да где-то так. Еще при прежнем руководстве прибилась...

Из приоткрывшейся двери высунулась голова дежурного монтера Ромы, по молодости лет отзывавшегося на «Ромочку». Волосы его были взъерошены, глаза испуганны.

— Идут! — сообщил он. — К нам идут!

- Кто идет?
- Саньч! И с ним начальство...
- Какое еще начальство? Главный инженер, что ли?
- Выше бери! Старший помощник младшего менеджера!

Все поспешили обратно, и вовремя. В дверь, ведущую из цеха, уже входил Виктор Александрович, начальник участка, а вместе с ним — высокий грузный мужчина в белой каске, ослепительным сугробом сидевшей на его голове.

— А тут у нас находится главный щит управления, — продолжал начальник участка свои пояснения. — Здесь дежурная смена контролирует работу генераторов и обеспечивает исправность электрооборудования...

Лицо старшего помощника было достаточно не приветливо.

Сергей Максимович растерянно заморгал поверх очков. Раньше, в старые добрые времена, если и заходило сюда большое начальство — директор завода, к примеру, или секретарь парткома, то непременно здоровались за руку, могли поговорить за жизнь... А сейчас все было как-то не так. Старший смены уже дождался до светлого будущего (то есть до пенсии) и всерьез опасался, как бы его в это светлое будущее не отправили окончательно. Поэтому, не зная, как себя вести, он на всякий случай беспомощно и заискивающе улыбался.

Высокий гость брезгливо оглядел тронутые ржавчиной щиты с приборами и разноцветными лампочками, давно не мытые окна, облупившуюся краску на стенах и собрался, видимо, выразить свое неудовольствие. Но тут блондинка Эля весьма кстати изобразила на лице одну из своих самых очаровательных улыбок. Старший помощник младшего менеджера задержал на ней взгляд, хмыкнул и от неудовольствия воздержался.

— Покажите мне склад готовой продукции, — надменно повелел он. Дежурные монтеры недоуменно переглянулись.

— Э-э... понимаете... у нас тут ТЭЦ, станция... — начал объяснять Виктор Александрович. — Мы производим тепло, электроэнергию...

Большой начальник кивнул, показывая, что именно это он и хотел услышать, и, неторопливо пройдясь по помещению, вышел в боковой коридор.

— А здесь у вас что? — осведомился он.

— Здесь? Аккумуляторная.

— Какая еще аккумуляторная? Вы что, производите электричество прямо в аккумуляторах?

— Нет... понимаете, система оперативного тока...

Начальник не стал слушать дальше и пошел по коридору в другую сторону.

— А это что за дверь?

— А это аварийный выход на улицу.

Старший помощник проследовал наружу. Следом несмело вышли дежурные и начальник участка. Сидевшие в курилке рабочие-подрядчики поднялись как по команде при виде столь важной персоны. Высокий гость, не обращая на них внимания, неспешно прогулялся вдоль стены.

— Это что? — Его толстый палец указал на цветочную клумбу.
— Это? Да это наши женщины тут сажают... для красоты, в свободное время...

— У них есть свободное время? Так-та-ак...

— Э... нет, знаете, я неправильно выразился... ну в пересменок, в обеденный перерыв...

— Заасфальтируем! — резюмировал старший помощник младшего менеджера и, обведя взглядом окружающий пейзаж, вознамерился войти обратно в здание.

— А эт-то что еще такое?

Собака, успевшая уже вернуться, лежала на своем коврикe, дышала, высунув язык, и дружелюбно оглядывала людей.

— Я спрашиваю вас, что это?!

— Да это у нас тут так... вместо сторожа... — стал оправдываться Виктор Александрович, делая за спиной начальства страшные глаза подчиненным: мол, какого черта, почему не спрятали?

— Животное?! На производственном объекте?! Вы что?! Вы в своем уме?! — Изумлению и негодованию старшего помощника не было предела. Его глаза выпучились, лицо побагровело.

Стоящие у стенки люди испуганно притихли.

— Да мы уберем, уберем...

— Я сам решу этот вопрос! — грозно сказал большой начальник.

Он отошел в сторону и, бережно оттянув борт своего малинового пиджака, извлек из внутреннего кармана кирпичеобразную «Нокию».

— Смотри, смотри, мобильный телефон! — зашептались в толпе.

Старший помощник выдвинул антенну, потыкал в кнопки и величественно приложил телефон к голове.

— Я у южной стороны здания, — молвил он. — Быстро сюда!

Через минуту из-за угла вынырнул блестящий «мерседес», самый что ни на есть шестисотый, а следом — большой черный джип. Из джипа выскочили трое мордovorотов и подобострастно подбежали к шефу. Тот вполголоса кратко обрисовал им задачу. Охранники развернулись в цепь и двинулись в сторону обнаруженного нелегального животного.

Собака, до этого настроенная по отношению к окружающим вполне мирно, зарычала и поднялась на ноги, безошибочно почуяв у подхoдивших людей недобрые намерения. Шерсть на ее загривке встала дыбом, губы задралась, обнажив крупные желтые клыки.

Озадаченные ловцы остановились, перекинулись между собой парой слов, потом один из них вернулся к машине и вытащил из багажника здоровенный серый кусок материи — вероятно, тент от этого самого джипа. Развернув полотнище, они снова двинулись к своей жертве.

Собака метнулась вправо-влево вдоль стены здания, но охранники ловко накинули на нее тент, дернули край, подсекая лапы, и поволокли рычащий и барахтающийся мешок к машине.

— Да оставьте вы ее! Что она вам сделала? — не выдержала Елена Ивановна.

— Молчи, дура старая! — пихнул ее в бок Сергей Максимович. — Уволят!

Елена Ивановна лишь всплакнула, прикрыв лицо рукой.

Охранники запихали скулящую собаку в багажник джипа. Старший помощник младшего менеджера снял свою безукоризненно белую кашку, вытер платком бритый затылок и, не удостоив присутствующих даже взглядом, сопя, залез в «мерседес». Кортёж тронулся, набирая скорость, и, пока он не скрылся за углом, люди слышали приглушенный железной стенкой машины тоскливый собачий вой.

Ночная смена на следующие сутки тоже наступила вполне обыденно.

— Не прибежала еще? — ворвалась Елена Ивановна, по обыкновению слегка опоздав. — Ах ты господи! А я-то надеялась... Думала, они ее выпустят где-нибудь за воротами, а она снова к нам. Я вот ей принесла...

— От них не убежишь, — печально вздохнул Сергей Максимович.

— Ваша псина, — ехидно заметил Ефремов от верстака, — уже, поди, на шашлык пошла. В качестве барашка.

— Сволочь ты, Ефремов! Сволочь! И как тебя земля носит? Я же помню, как ты ее щенков топил! Нет в тебе никакой жалости к животным!

— А чего их жалеть? — флегматично отозвался тот. — Они-то тебя не пожалеют. У медведя вон когти какие — видела?

— И медведя сюда приплел! Ты еще тигра вспомни! Охотник чертов! Тебе бы только душу живую загубить!

— Ну ладно, будешь тут еще мораль мне читать! — рассердился Ефремов. — Избушка на курьих ножках! Ишь, святая выискалась... Животных любишь, а котлетки-то, небось, наворачиваешь!

— Да хватит вам! — не выдержал старший смены. — Что вы все время как кошка с собакой, ей-богу? Алексей, там у механиков сварка не работает — ты бы сходил... Елена Иванна, сегодня у нас режимные сутки, помнишь?

— Да-да, конечно, — засуетилась Елена Ивановна, собирая со стола бумаги. Затем, спохватившись, достала принесенные гостинцы и выложила в миску — может, все-таки вернется собачка...

— Звереют люди, на глазах звереют, — бормотала она, выходя в цех. Ефремов молча собрал инструменты в сумку и тоже ушел.

Остальные занялись текущими делами. Сергей Максимович сверял состояние схемы с записями в журнале, молодой монтер Рома разделявал кабель, блондинка Эля затачивала пилочкой маникюр. Ночная смена имеет то преимущество перед дневной, что нет начальства на горизонте. Поэтому если быстро переделать все дела и ничего не случится, то можно будет пару часов и подремать. А впереди — отсыпной, выходной...

...Елена Ивановна медленно двигалась между рядами высоковольтных ячеек, записывая показания счетчиков.

Подошла к очередной ячейке.

Посмотрела на счетчик активной энергии.

Затем подняла взгляд выше...

И вдруг страшно закричала, вытаращив от ужаса глаза. Но крика ее никто не услышал.

Глава вторая

Начальник участка явился в помещение главного щита управления не с самого утра, а ближе к обеду. За ним следовала незнакомая фигура в просторной, не по размеру, спецодежде и новенькой каске.

— Вот, — объявил Виктор Александрович, — с сегодняшнего дня в вашей бригаде будет новый монтер. Вместо Елены Ивановны...

— Это мальчик или девочка? — насмешливо поинтересовался Ефремов, и все присутствующие заулыбались.

Девушка — ее звали Маша — смутилась, мысленно проклиная свою безразмерную спецовку и тот день и час, когда она решилась на короткую стрижку.

— Ефремов, побереги свои хохмы для более подходящего случая, — начальник раскрыл принесенный журнал. — Мария уже работала раньше в дежурной бригаде, она специалист опытный, так что попрошу относиться к ней с должным уважением. На время стажировки и дублирования она будет закреплена за Ромой. Вот, Маша, твой наставник. Так... тут распишитесь... тут распишитесь... и тут распишитесь.

Наставник Маше очень понравился (не то что тот, с усами!) — невысокий, симпатичный и в разговоре приятный. У него имелся только один недостаток (но существенный!) — кольцо на безымянном пальце.

Пока шли взаимные знакомства и представления, начальник участка просмотрел журналы, собрал свои бумаги и направился к выходу.

— Да, чуть не забыл, — повернулся он. — Сергей Максимович, а где ключ трехгранный, что от Елены Ивановны остался? Ведь ты же ездил в морг принимать вещи по описи?

При слове «морг» Маша вздрогнула.

Старший смены развел руками:

— Так не было его... Пропуск выдали, ключи от шкафчика были, удостоверение... А вот трехгранника не припомню.

— Ладно, Маша, придумаем что-нибудь. Осваивайся пока, — сказал Виктор Александрович и вышел.

Маша сидела на краешке стула и чувствовала себя неуютно под любопытными взглядами своих будущих коллег. Впрочем, так всегда и бывает на новом месте работы.

— Ну что вы пялитесь на человека? — важно произнес усатый Ефремов. — Сперва надо девушку чаем напоить. Эллочка, — высокопарно изрек он, обернувшись, — будьте так добры, соберите схему на чайник!

Блондинка Эля кисло улыбнулась Маше и проследовала к электрочайнику, покачивая бедрами под хорошо пригнанной спецодеждой. Маша непроизвольно поежилась в своей мешковатой робе.

Для чаепития в дежурном помещении был отгорожен угол за щитом постоянного тока, где стояли стол и разнокалиберные стулья, а в самом углу находилось шикарное кресло с подлокотниками и высокой спинкой, какие бывают в самолетах или междугородних автобусах. Машу усадили в это кресло, как почетного гостя, и принялись поить чаем с сушками. Новенькая тоже угостила всех карамельками, которые всегда таскала в кармане (ну не могла она жить без сладкого!). Поскольку у нее еще не было здесь личной посуды, наставник Рома великодушно одолжил ей свою кружку с изображением слегка одетой девицы.

— А ты, Маша, что заканчивала? — спросил он, наливая ей чай.

— Электроснабжение...

— А где работала раньше?

— В горsetях... А у вас зарплату не задерживают?

— Не-е... — ответил Рома, широко улыбаясь. — У нас платят вовремя. Раньше задерживали, пока мы все акции директору не продали. А сейчас не задерживают...

— А у тебя, Машенька, есть акции? — спросил ее Сергей Максимович, всегда живо интересовавшийся финансовыми вопросами.

— Нет, — вздохнула Маша. — У нас ведь не было приватизации. Я свой ваучер продала. Купила себе сапоги... итальянские... из Белоруссии...

Ефремов фыркнул, а блондинка Эля закатила голубые глаза под пышную прическу. Маша смущенно замолчала и уткнулась в кружку с чаем. Она искренне полагала, что настоящая итальянская обувь производится именно в Белоруссии.

Постепенно все монтеры разошлись по своим делам, и в дежурке остались лишь Рома и Маша. Новая работница уже вполне освоилась, и они принялись оживленно беседовать на разные темы. Наставник кратко рассказал о себе: окончил техникум, в армии служил, женат, дочке три годика, а сейчас ждут второго.

— А ты что, не замужем? — спросил он свою подопечную.

Маша помедлила с ответом.

— Это потому что кольца нет на пальце?

— Да даже если б ты имела три обручальных кольца...

— Да-да, Москву, которая слезам не верит, я тоже смотрела! Ну не замужем, ну и что?

— Надоело, наверное, жить с родителями...

— У меня своя квартира есть.

— Своя? У тебя? — крайне удивился Рома. — Ничего себе! Когда же ты успела ее заработать?

— Да не заработала я. Она мне от бабушки осталась.

— Вот повезло!

— В чем это мне повезло? — насупилась Маша. — В том, что у меня бабушка умерла?

— Да не-е... Я не то имел в виду... Ну, это... Своя квартира — это же здорово... — растерялся Рома.

Некоторое время они сидели молча.

— А почему Виктор Александрович у меня выпрашивал, чем я в свободное время занимаюсь? — спросила наконец Маша. — Это так важно, да?

Рома заулыбался.

— Да это все из-за Ефремова. Ну, не только из-за него, конечно... Он раньше в другой бригаде работал. Они там все подобрались: рыбаки, охотники — пробу ставить негде. Ну и поехали как-то всей сменой с ночи на острова порыбачить. Рыбы наловили, «накушались», как положено, утром проспались — а лодки нет! То ли отвязалась, то ли утопили спьяну. Рации у них там никакой, сама понимаешь. Берег далеко, да и вода холодная. Так и робинзонили там трое суток, пока их не нашли.

— Ну и что?

— Так а Саньчу-то каково? Смена в полном составе на работу не вышла! Ну, кто-то с ночи остался, кого-то из дома вызвали. Шуму было... Вот он теперь и отслеживает, чтобы друзья по интересам вместе не работали. Чуть что — сразу кого-нибудь в другую бригаду переведет.

— А ты рыбак? Рыбу ловишь?

— Не-е, — погрустнул Рома. — Я дачник. Грядки копаю у тещи на фазенде...

Маша порадовалась про себя, что у нее нет дачи, и, стало быть, их с Ромочкой (как она про себя уже называла его) не разведут по разным бригадам.

— А ты, Маша, чем дома занимаешься? Какое у тебя хобби? — блеснул Рома культурным словечком.

— Я-то? — замялась Маша. — Ну, я кино люблю, музыку... Живописью увлекаюсь. Вот, например, французские импрессионисты...

— А-а, знаю-знаю! — невежливо перебил ее Ромочка. — Этот... как его... Ван Гоген! И Тулуз... с Лотреком!

Маша не поняла, прикалывается он над ней или нет, поэтому развивать дальше тему про свое хобби не стала. Она робко спросила:

— А та женщина, вместо которой меня взяли... Она что, здесь умерла, да?

— Елена Иванна-то? — Рома печально вздохнул. — Да, знаешь, такая история... Она в «десятку» пошла — счетчики переписывать. Нет ее и нет... Пошли искать, а она там лежит — сердце. Ей всего два года до пенсии оставалось. Хорошая женщина была. Добрая.

Тут в дежурку вернулся Сергей Максимович.

— Ромочка, ты бы сводил Машеньку цех посмотреть, — ласково сказал он. — Ей же интересно, наверное...

Цех произвел на Машу сильное впечатление. Мощно гудели генераторы, производя электроэнергию, шумели громадные, высотой с пятиэтажный дом, котлы, вырабатывая пар для турбин. Под конец экскурсии Рома провел ее по электропомещениям, куда имели доступ только дежурные электрики. Оборудование там было во многом знакомо Маше по прежнему месту работы.

На самом верху, на седьмой отметке, находились распределительные устройства собственных нужд — «шестерка» (напряжением шесть киловольт) и «ноль-четыре». Под ними был кабельный полуэтаж — пыльные, плохо освещенные низенькие залы, заполненные разнообразными кабелями. Ниже, на уровне земли, тянулись помещения главного распределительного устройства — так называемая «десятка», куда выходили шинопроводы от генераторов и откуда осуществлялось электроснабжение всего завода. И наконец, еще ниже, под землей, простирался обширный подвал с боковыми тоннелями, по которым кабели уходили в другие цеха. Туда, впрочем, Рома и его подопечная спускаться не стали — лишь заглянули через открытый люк.

— А почему на полу вода? — изумилась Маша. — Там же кабели, напряжение...

— Так ведь ТЭЦ-то построена где? — ответил ей Рома. — На болоте. Болото не откачаешь.

Подвал произвел на Машу неприятное впечатление. Словно какое-то мрачное сказочное подземелье, где драконы, вампиры и прочая нечисть, притаившись, ждут свою жертву.

Глава третья

Закончились стажировка и дублирование, Маша успешно сдала все положенные экзамены (зря, что ли, столько лет отработала в горсетях!) и была допущена к самостоятельной работе. И в самом начале ее трудовой деятельности на этом месте с ней случилось неприятное происшествие.

Началось все с того, что начальник участка прибежал с утра на главный щит раньше обычного.

— По цеху сегодня комиссия ходит! — запыхавшись, объявил он. — А у нас под четвертым котлом ни одна лампа не горит! Давайте бегом! Вот лампочки, десять штук. — Он поставил коробку на стол. — Сдадите мне поштучно. И хорошие, и плохие.

Сергей Максимович и Ефремов в это время делали где-то по бланку переключения, а блондинка Эля сидела за дежурным столом и весьма убедительно демонстрировала неимоверную занятость. Так что идти менять лампы пришлось Роме с Машей, и они сразу же отправились под четвертый котел, чтобы успеть до комиссии. Бывший наставник тащил лестницу-стремянку и сумку с инструментом, а Маше досталась коробка с лампами. С задачей они справились довольно быстро, зажгли все светильники, которые оказались исправны, и поволоклись обратно в дежурку. Прежний путь оказался перегорожен наглухо — механики вовсю варили какие-то свои железки, и пробираться пришлось по узкому, около метра шириной, выступу, где справа была кирпичная стена «десятки», а слева находился дренажный приямок — своего рода бассейн, куда стекала лишняя вода из пароконденсаторов. Маша засмотрелась на возившихся под генератором людей и, неловко наступив в выбоину в бетоне, потеряла равновесие.

Какое-то время она, выронив коробку, махала руками, словно птица крыльями, на самом краю приямка. От воды поднимался пар, и Машу пронзила ужасная мысль, что она, упав, сварится в этом кипятке заживо. Потом ее холодным душем окатил страх утонуть (плавала Маша плохо). Больше подумать она ни о чем не успела, так как сила тяжести преодолела наконец отчаянные взмахи рук, лишенных от рождения перьев, и Маша плашмя бухнулась в этот технический бассейн.

Вода оказалась приятно-теплой, и свариться в ней не получилось. А под ногами неожиданно обнаружилось дно, и после недолгого барахтанья Маша уже стояла по пояс в воде, протирая глаза и отчаянно отплевываясь.

Ромочка, не мешкая, вытащил ее за шиворот на бетонный уступ.

— Ты что клювом щелкаешь? — зашипел он на нее. — Росомаха! Смотреть надо под ноги!

Маша лишь кивала головой: да, росомаха она и есть, и только ожесточенно сплевывала воду с поганим привкусом машинного масла да размазывала по лицу дешевую китайскую тушь. Рома, чертыхаясь, выловил из приямка коробку с лампами, которые надо было сдать поштучно. Машина каска, наполненная водой, плавала вне пределов досягаемости.

— Пошли уж...

И они потащились дальше, на главный щит. Но Ромочка вдруг, едва выглянув за кирпичный угол, тут же нырнул обратно.

— Там комиссия! Эти, в белых касках! Сюда идут! Черт, что делать-то, а? Куда тебя спрятать? Давай вот сюда!

Рядом оказалась железная лестница, ведущая наверх, и Маша послушно взобралась по ней к двери кабельного полуэтажа. Ромочка взлетел следом, стряхивая с себя летящие от напарницы брызги, и открыл дверь трехгранником.

— Посиди пока тут. Я тебе запасную спецовку принесу, у меня есть. — И дверь захлопнулась.

Кабельный полуэтаж представлял собой довольно запущенное помещение. Когда-то давно, сразу после постройки цеха, ряды кабелей, несомненно, ровно тянулись по железным кронштейнам полок. Теперь же, десятилетия спустя, тут были настоящие джунгли: в ходе многочисленных ремонтов было проложено много новых трасс, некоторые полки обломились, кабели перепутались и местами сползли на пол, покрытый слоем пыли и мусора. Освещение было скудным, светильников мало, да и горели далеко не все. Привести это место в надлежащий вид было, наверное, уже невозможно — пришлось бы обесточивать ТЭЦ и останавливать весь завод.

Маша потопталась в хлюпающих ботинках, ища, куда бы присесть, и, не найдя ничего подходящего, села на корточки, прислонившись спиной к кирпичной кладке. Теплая поначалу вода быстро остыла, и девушке стало холодно в мокрой насквозь спецовке. В довершение всех бед конфеты в кармане (последняя радость!) слиплись и пришли в полную негодность. Делать было нечего — оставалось только ждать возвращения

напарника со сменной одеждой. Маша обхватила себя руками за плечи, стараясь унять дрожь, и стала бесцельно разглядывать переплетение толстых черных жил.

И вдруг замерла от страха, перестав даже дрожать.

Ближайший исправный светильник был заслонен толстым пучком кабелей, и Маша видела лишь большой кусок хорошо освещенной противоположной стены. И вот на этой самой кирпичной стенке она вдруг заметила медленно ползущую громадную косматую тень. Нечто большое и страшное бесшумно перемещалось за кабелями прямо в ее сторону, и Машу внезапно охватил настоящий ужас. Тень остановилась, сместилась немного назад, качнулась туда-сюда и, снова двинувшись вперед, вышла из поля зрения. Но затаившаяся работница отчетливо понимала, что это нечто теперь находится совсем недалеко от нее, за ближайшей кабельной полкой.

Сколько она так сидела, затаив дыхание, Маша не знала и, когда внезапно щелкнул замок, подскочила от неожиданности, словно ее дернуло током. Вернувшийся Ромочка втиснулся через приоткрытую дверь, сунул ей в руки сверток и почти уже выбрался наружу, но Маша схватила его за спецовку обеими руками и втащила обратно.

— Ты что? — оторопел Рома. — Ты это... гы-гы-гы... что, стриптиз мне изображать будешь?

— Дурак! Отвернись вон туда! — Маша развернула Рому лицом к кабелям и принялась стаскивать мокрую робу. — Тут кто-то есть! — громко шепнула она.

— Да кому тут быть-то? — Ромочка поводил лучом фонарика по кабельным полкам. — Ну разве что крыса какая-нибудь...

— Сам ты крыса! Оно большое, лохматое. Я тень на стене видела. — Маша наконец-то справилась с курткой. — Ты бы хоть полотенце какое принес, что ли...

— А? Извини, не догадался. Придется так. Так ведь тень большая, потому что крыса близко к лампе, а стена далеко...

— Да-да, перспектива, я тоже в школе училась! А ботинок, что, не принес?

— Ботинок запасных не нашел. Ходи пока в этих. — Рома заглянул за ближайший ряд кабелей. — Говорю тебе, нет тут никого!

— Что же я, дура совсем, по-твоему? — обозлилась Маша, путаясь в широких мужских штанах. — Стой-стой, не смотри!

— Да что у тебя смотреть-то! — простодушно воскликнул Ромочка в сердцах. — Подумаешь! Вот если бы наша Элька в приямок навернулась...

До дежурки они дошли достаточно удачно — ни на кого не нарвались. Скрыть от коллег произошедшее не удалось, да Маша и не пыталась, потому что явилась в чужой спецовке, чавкающих мокрых ботинках, без коски и с косметикой, размазанной по лицу на манер боевой раскраски индейцев сиу. Сергей Максимович посочувствовал поверх очков, Ефремов поржал, блондинка Эля сделала бровки домиком.

Потом, после смены, пришлось долго отмывать волосы от мазутного запаха.

Маша сидела в душевой, обсыхая, и тоскливо рассматривала свои худые конечности. Слова Ромы больно задели ее: «Что у тебя смотреть-то? Подумаешь!» Неужели она и в самом деле такая костлявая уродина? Ну да, конечно, хорошего человека должно быть больше...

Мимо прошлепала мокрыми тапочками, возвращаясь из душа, блондинка Эля. Маша грустно посмотрела ей вслед. Да-а... Вот она — Афродита Пеннорожденная, достойная кисти Рубенса!

Но постепенно обида на Ромочку ушла из ее сердца, и в нем остался только страх перед загадочной тенью на стене.

Глава четвертая

Очередная дневная смена началась несколько необычно, поскольку никто никуда не уходил с обходом — все ждали квитков о предстоящей получке. Наконец долгожданные листочки были начальником принесены, и персонал смены приступил к их изучению. Для Маши это была первая зарплата на новом месте. Не то чтобы много — меньше, чем у других, — но зато вовремя. На прошлой же работе она до смерти устала растягивать аванс еще с предыдущего месяца.

Ромочка задумчиво вертел в руках свой квиток.

— Что, Ромашка, — весело спросил его Ефремов, — прикидываешь, сколько в заначку оттяпать?

— Да, как же, — уныло протянул Рома, — оттяпаешь тут... У Лариски разговор короткий: «Принеси мне квиток и деньги в соответствии с оным, а я уж сама решу, сколько выдавать тебе на обеды».

Блондинка Эля понимающе усмехнулась.

— Да разве так можно? — всплеснула руками Маша. — Какая же это семья, если между супругами никакого доверия нет?

Ромочка внимательно на нее посмотрел.

— Доверяй, но проверяй! — веско заметил Ефремов. — Особенно подкаблучников!

— А у тебя жена что, квиток не спрашивает? — вскинулся на него Рома, обидевшись, видимо, на «подкаблучника».

— Чего? — крайне изумился тот. — Моя? У меня?

— Да. Твоя. У тебя.

— Моя баба, — Ефремов назидательно поднял палец, — не склонна к суициду.

Оживленная беседа была прервана появлением монтеров-релейщиков, пришедших допускаться по наряду. Михайлов работал в цехе давно, и Маша его уже видела пару раз, а второй работник только что устроился и явился на главный щит впервые. Про него было известно, что он недавно дембельнулся из армии, где служил в десантных войсках, а сейчас учится заочно на инженера-электрика.

Маше новый релейщик очень понравился — высокий, широкоплечий, с крупным волевым подбородком и короткой спортивной стрижкой, делавшей его голову почти квадратной. И, самое главное, без «недостатков» на пальцах. Он широко улыбался всем присутствующим и, на взгляд Маши, чем-то походил на молодого неоткормленного Шварценеггера.

— Ну-с, уважаемые коллеги, — близоруко сощурился Сергей Максимович, — кто пойдет допускать бригаду?

Маша подумала, что ей предоставляется удачный случай познакомиться поближе с новеньким, и изъявила желание. Рома тоже привстал было со скамейки, и даже Ефремов неторопливо потянулся за нарядом с другого конца стола. Но проворнее всех оказалась блондинка Эля. Никто и глазом моргнуть не успел, а она уже сидела за дежурным столом и аккуратным почерком регистрировала наряд в журнале. Потом бережно водрузила каску на свою великолепную прическу, двумя пальчиками взяла бланки нарядов и повела бригаду допускаться на рабочее место.

Маша растерянно захлопала ресницами. Ну что ж, не судьба...

Допущенная к работе бригада возвратилась в дежурку подозрительно быстро. Впереди шел Михайлов, злой и несколько растерянный, а новый релейщик тащился сзади и никаким местом Шварценеггера больше не напоминал, так как был бледен и постоянно оглядывался.

— Черт знает что такое! — Михайлов раздраженно плюхнулся на стул. — Что у вас там творится, в «ноль-четыре»?

— А что случилось-то?

— Да только мы начали, полез я, значит, к трансформатору тока, а у меня отвертка закатилась. Туда, за панель. Ну я ему и говорю: зайди, мол, подбери...

— А оно... как прыгнет! — сорвавшимся в хрип голосом вставил новенький.

— Кто прыгнул?

— Не знаю... такой... мохнатый...

Дежурные обступили вернувшихся релейщиков.

— Да кто прыгнул-то, кто? Кошка?

— Не-е... большой... Во! — Экс-десантник развел руки в стороны, словно рыбак, показывающий размер выловленной рыбы.

— Ничего себе! Собака?

— Не знаю...

— Да ну! Откуда там, на седьмой отметке, собаке взяться?

— Это наша псина с того света вернулась, — саркастически заметил Ефремов. — В качестве призрака.

— Какого призрака? — Михайлов внезапно сменил раздражение на живой интерес. — Так-так, а с этого места поподробней, пожалуйста! Что за собака, что с ней случилось?

Сергей Максимович стал вводить его в курс дела относительно известной всем собаки, и они, оживленно беседуя, пошли в распредустройство — посмотреть на месте, что и как. Ефремов расслабленно развалился в кресле за дежурным столом. Блондинка Эля принялась поить в закутке

нового работника чаем, а тот, размахивая руками, все время пытался ей объяснить, как же оно прыгнуло.

— А почему он такой напуганный? — вполголоса спросила Маша у Ромочки. — Он же в десантных войсках служил. С парашютом, наверное, прыгал. Смелым должен быть...

— Так ведь он в десанте-то служил где? — ответил Рома тоже вполголоса. — В хоззведе, на свиарнике. Парашют только в кино видел. На дембель-то, конечно, как положено ушел: берет, тельняшка, значки на груди — все, какие есть...

— А ты-то откуда знаешь?

— Да так... — Рома помялся. — Общие знакомые. Ты только... это... никому не говори, ладно?

Маша кивнула. Она хорошо понимала опасения собеседника — бывший десантник был выше Ромочки почти на целую голову и вполне мог навалить ему плюх за разглашение совершенно секретных сведений.

Спустя полчаса вернулись ушедшие наверх коллеги. Сергей Максимович имел вполне удовлетворенный вид, потому что в его хозяйстве все обстояло благополучно, а Михайлов был явно разочарован. Ничего странного и необычного они не обнаружили.

Глава пятая

К ночной смене Ефремов явился с большим пакетом.

— Ну-с, уважаемые коллеги, — торжественно произнес он, явно пародируя Сергея Максимовича, — сегодня нам предстоит отметить важное событие.

— А что такое? — поднял голову Ромочка.

— Дяде Леше сорок лет стукнуло! Юбилей, так сказать...

— Правда? — воскликнула Маша. — Поздравляю! Только сорок лет как юбилей не празднуют. И вообще вроде не отмечают...

— Ну, нам другие не указ. — Ефремов вытянул из пакета бутылку. — Сейчас справимся с делами нашими скорбными и приступим. Мари, — галантно обратился он к Маше, грассируя на французский манер, — вы же не откажетесь разделить с нами сию трапезу?.. Напрасно, напрасно... Максимыч, ты-то будешь? Ну и хрен с тобой!

Маша отметила про себя, что блондинке Эле участие в трапезе предложено не было, видимо ответ был предсказуем. Она и сама категорически отказалась от этой авантюры, считая употребление спиртного на производстве занятием крайне предосудительным. Рома же, напротив, с радостью согласился — и много потерял в Машиных глазах.

Поздно вечером, после всех обходов и прочих мероприятий, Ефремов и Ромочка с довольными рожами потащились в закуток. Сергей Максимович лишь печально повздыхал. В былые времена, еще до сухого закона, если и случалось у кого-нибудь радостное событие, то ведь как все было? Поздравляли человека торжественно, по окончании смены накрывали стол, приносили кто чего. Елена Иванна, земля ей пухом, помнится,

какой вкусный салатик делала! Выпивали грамм по сто (ну ладно — по сто пятьдесят), хорошо закусывали и чинно-мирно расходились по домам. Начальство не одобряло, конечно, в открытую, но относилось с пониманием, старалось не замечать. А теперь что? Забились ночью за щит постоянного тока и пьют в две хари...

Маша отсидела положенное время за столом дежурств и прилегла подремать на лавочку. Спалось плохо, она отлежала все бока и решила взять фуфайку из шкафчика, который, как и у всех монтеров, имелся у нее в коридоре. Навстречу ей попался Ефремов, выходявший, видимо, на улицу покурить. Увидев молодую сотрудницу, он заулыбался и развел руки в стороны.

— Гоп-стоп, — пропел он, — мы па-да-шли из-за угла...

Он вдруг обхватил Машу обеими руками за талию и завлек ее в открытую дверь полутемной кладовки, где хранились разные запчасти.

— Ты что, Леша? — опешила она.

А Ефремов вместо ответа дыхнул ей в лицо перегаром и куревом, и уже жесткая щетка его усов больно уколола ей шею, и мясистая лапа уже сползла с Машиной талии куда-то пониже...

Маша испуганно задержалась в его руках, забилась, как птица в клетке, съездила пару раз по наглой усатой морде и вырвалась в коридор.

— Ты че такая гордая? — обиженно спросил Ефремов, выходя следом. — Че нос задираешь? Заземли рубильник-то, милая!

— Я тебе не милая! — всхлинула Маша. — Козел...

— Гы-гы-гы! Ме-е! — Нетрезвый монтер приложил оба указательных пальца к голове, изображая упомянутое животное. — А за козла ответишь! Та-ак... — Он предвкушающе потер руки. — А ну-ка, пойдём-пойдём...

— Куда еще?

— Работать пойдём! Все трудятся, и мы поработаем...

Маша едва успела схватить свою каску. Ефремов протащил ее мимо сладко сопевшей на скамеечке блондинки Эли, мимо Сергея Максимо-вича, клевавшего носом за столом дежурств, и мимо чайного закутка, где из тарелки с закуской торчали уши Ромочки и его стриженный затылок. Маша от испуга и неожиданности впала в ступор и даже не сообразила, что Ефремов ей, в общем-то, не начальник и не вправе указывать, куда идти и что делать.

Ее приволокли за руку к лестнице в полуэтаж.

— Значит так, — важно объявил Ефремов. — С обходом пойдём. Я по «десяточке» прогуляюсь, а ты кабелечки осмотришь. Давай-давай, подымайся!

Маша поняла, что он что-то знает про ее страхи и мохнатую тень на стене. Видимо, Ромочка язык распустил. Уже второй раз за последнее время она спешно карабкалась по этой лестнице, понукаемая сзади.

— А может, вместе? — жалобно попросила она, уже стоя на площадке.

— Какое «вместе»? Ты же со мной дружить не хочешь! — Ефремов поднял валяющийся под ногами кусок трубы и открыл трехгранником

дверь. — Двигай смелее! Ты не думай, я с этой стороны палочкой подперну, а ты вон там выйдешь. Через задний проход. Га-га-га!

— Там же темно... — упиралась Маша, пытаюсь придумать какой-нибудь веский довод.

— Темно? Держи фонарь! — И Ефремов впихнул ее внутрь.

Щелкнул замок, лягнула приставленная к двери труба, и Маша осталась одна в полутьме.

Ей стало страшно. Сразу вспомнилась шутка Ефремова относительно призрака старой собаки. Маша, конечно, уже знала про эту собаку, которая жила при дежурке много лет и была изъята охранниками. Но, будучи современным человеком с высшим образованием, она ни в каких призраков не верила, и перспектива прогуляться одной ночью в полуэтаже несколько бы ее не тревожила, если бы не та страшная тень на стене...

Она включила фонарик, сделала один шаг, другой, осмотрелась по сторонам. Ничего необычного и подозрительного вокруг не было, и Маша, осмелев, двинулась дальше.

Кабельный полуэтаж, как и распредустройства, был разделен кирпичными перегородками на отдельные участки. В перегородках зияли проемы, а кабели проходили сквозь стенки через многочисленные стальные трубки. Маша благополучно преодолела три таких препятствия, маневрируя между завалами, и добралась до последней преграды. И вот, перед самым проходом в стенке, она вдруг шестым чувством определила, что тут кто-то есть.

Собственно, чувство было не шестое, а одно из тех стандартных пяти, а именно — обоняние. Машу еще в школе за исключительный нюх дразнили «немецкой овчаркой», и сейчас она учуяла слабый запах... псины, что ли, или какого-то зверинца. Путь к проему лежал как раз через это место, и Маша направила туда луч фонарика.

— Ур-р-р-р! — раздалось из темноты, и ей показалось, что за переплетением кабелей блеснули огоньками чьи-то глаза. Там находилось какое-то животное, достаточно крупное, насколько можно было судить.

Она отступила в сторону, не зная, что делать. Сердце бешено колотилось. Чтобы дойти до выхода, нужно было потеснить с дороги неизвестного зверя, а спасительная дверь далеко позади нее была надежно «подпернута» железной трубой.

И тут Машу осенила блестящая идея.

Она огляделась по сторонам, подобрала с пола кусок картона и высыпала на него из кармана горсть конфет. Затем отошла в сторону и подпихнула картонку под кабельную полку. Посветила на нее фонариком, привлекающая внимание животного, выключила свет и затаилась в темноте. Спустя какое-то время послышался шорох, сопение и затем громкий хруст — зверушка грызла карамельки вместе с фантиками. И Маша, тихонько проскользнув мимо, почти бегом рванула к тому самому «заднему проходу».

Ефремов уже вернулся на главный щит — храпел в самолетном кресле. Ромочка за дежурным столом пил холодный чай и маялся от головной боли.

— Это ты всем разболтал про полуэтаж? — накинулась на него Маша. — Трепло!

— А что... а я что... — Глаза Ромочки забежали. — Ну сказал... ну посмеялись, ну...

Маша молча отвернулась от него и ушла в коридор. Впрочем, будучи натурой отходчивой, долго дуться она не могла и уже через час поделилась с Ромой, что Ефремов, мол, ну... это самое... приставал к ней.

— Так ты бы пригрозила, что заявление на него напишешь, — беззаботно ответил Ромочка. — Он бы и отвязался. Он ведь ученый уже — сидел.

— Как сидел? — опешила Маша. — Где?

— Где-где... На зоне, где же еще люди сидят.

— А за что?

— Да так, по молодости, по глупости... Рога поотшибал какому-то очкарику. Ему возвращаться в тюрюгу не резон. Да ты его не бойся! Он, вообще-то, мужик ничего и электрик будь здоров — что угодно починит. Это он так... недоперепил...

Маша решила никому не говорить про свое ночное приключение, а то опять разнесут по всему цеху. Она долго обдумывала последние события, включив логическое мышление. Очевидно, в полуэтаже поселилось какое-то крупное животное и оно же до смерти напугало релейщика-десантника наверху, в «ноль-четыре». Но что это за зверь? Для кошки он явно великоват. Собака? А как она вообще могла туда попасть? Все двери — и в полуэтаж, и в распредустройства — закрываются на замок, и открыть их можно лишь трехгранным ключом. Нет, есть еще, конечно, кабельная шахта, пронизывающая все электропомещения снизу доверху — от подвала до «шестерки». Но там даже лестницы никакой нет, и чтобы собака залезла наверх прямо по кабелям... А может, это обезьяна какая-нибудь? Из зоопарка сбежала... И почему прячется, не показывается на глаза?

Вопросов было гораздо больше, чем ответов.

Глава шестая

Обычно Ромочка возвращался с обеда, уныло пересчитывая оставшуюся мелочь, но тут он примчался в дежурку довольный и радостный.

— Вот! — продемонстрировал он окружающим зажатый в руке большое кольцо серой ливерной колбасы. — В буфете выкинули!

Блондинка Эля наморщила носик.

— Да такую колбасу только в перестройку по талонам давали! — презрительно заметил Ефремов. — А сейчас-то! Двадцать сортов в магазине — бери, что хочешь!

— Так ведь дешево... — начал оправдываться Рома. — Ничего! Лариска приготовит как надо... с луком... — В его голосе, впрочем, не было особой уверенности.

Сергей Максимович обернулся к нему от приборов на щите:

— Боюсь, Ромочка, не доживет твоя колбаска до вечера. Жарко здесь у нас.

— А я ее в «десятке» подвешу, в шахте. На холодок, — парировал Рома.

— А крысы не съедят?

— Не-е. Не достанут.

Ромочка убежал, и его долго не было — очевидно, грамотно подвешивал в шахте колбаску. Наконец он вернулся вместе с релейщиками, которые пришли закрывать наряд. Михайлов долго шарил по карманам в поисках своего бланка — мысли его были, видимо, далеко.

— Я понял суть данного нетривиального явления, — задумчиво произнес он, присаживаясь к столу. — С точки зрения банальной эрудиции, собака, некогда проживавшая здесь, ментально срослась с окружающим континуумом и, потеряв телесную сущность, вернула в исходную точку пространства свою духовную ауру.

Он принялся заполнять бланки нарядов, а Маша, сидевшая за столом дежурств, в легком замешательстве стала его разглядывать. Михайлов был крупным, среднего роста мужчиной и, кроме могучего лба, простиравшегося до самого затылка, имел жиденькие усы и бородку скобочкой, что позволяло ему сойти за интеллигентного человека. — Призрак, который попался нам на глаза в прошлый раз, есть не что иное, как отражение наших комплексов по отношению к усопшему животному, — рассуждал он далее, обращаясь исключительно к Маше, так как на лицах остальных монтеров был написан вполне откровенный скепсис. — Тем не менее он вполне материален и способен, в определенных обстоятельствах, на различные действия деструктивного характера...

Маша оторопело слушала всю эту галиматью, стараясь не смотреть на сладкую парочку, сидевшую на скамейке. Блондинка Эля загадочно улыбалась, а бывший десантник и будущий инженер-электрик, активно жестикулируя, развлекал ее историями из своего героического армейского прошлого.

— ...и таким образом, порочный круг причинно-следственных связей теперь неотвратимо разорван, поэтому нам предстоит существовать в тесном контакте с потусторонним миром! — важно заключил Михайлов, впевнив в Машу пронзительный взгляд своих круглых глаз. — Понимаешь?

Маша, конечно, ничего не поняла, но торопливо покивала, чтобы не показаться полной дурой.

— Ты чего его слушаешь? — со смехом спросил ее Ромочка, когда Михайлов наконец ушел, с трудом оторвав своего напарника от его пассии. — Он тебе такого наплетет! Он же... — И Рома выразительно pokrutil пальцем у виска.

— Он что, псих? — испугалась Маша.

— Да не то чтобы псих — медкомиссия ведь его пропускает. Но с приветом. Он же у нас признанный специалист по аномальным явлениям! И летающие тарелки видел, и всякую Шамбалу-мамбалу искал.

Хе-хе... А тогда-то, помнишь? — Рома обернулся к Ефремову, и тот, фыркнув, закивал головой. — Засунул себе под одежду две железные пластины, спереди и сзади, да еще веревочками стянул по бокам. Мужики в душевой смеялись над ним за глаза — мол, это у него типа бронезилета на случай, если бить будут... Так и ходил все время. Ну а потом как-то громыхнул этим железом на проходной по турникету, его и прихватили — что это, мол, у тебя? А он, серьезно так: «Это у меня антенна такая, резонатор, энергию из космоса принимать...»

Маша улыбнулась:

— И чем все закончилось?

— Ну, охрана, понятное дело, покаталась по полу со смеху. А потом стали оформлять ему вынос материальных ценностей. Саньч наш ходил разбираться. Отстояли. Но у него, видно, потом еще больше крыша поехала.

Маше стало жалко Михайлова. Ну подумаешь, увлекается человек загадками окружающего мира, фантазирует. Зла ведь никому не делает. А его на посмешище...

— Сплетник ты, — сказала она Роме. — Все-то тебе про других рассказать надо.

— Почему это я сплетник? — Ромочка надулся как мышь на крупу. — Я же с тобой поделился, как с другом. А ты...

Он обиделся и до конца смены с Машей не разговаривал. Вечером, впрочем, заговорить пришлось.

— Вы не видели мою колбасу? — озабоченно спрашивал он у всех и каждого. — Маша, ты не брала? Где моя колбаса? Леха, ты не брал?

— Да нужна нам твоя колбаса, как эфиопу валенки! — отрезал Ефремов. — Что, пропала?

— Угу.

— Ну так, значит, крысы съели. Плохо подвесил.

— А что я Лариске скажу? Куда, спросит, деньги дел...

— Рома, не переживай, — сжалась над ним Маша. — Я тебе восполню. Потом как-нибудь отдашь.

— У нас где-то крысоловка была, — вспомнил Ефремов. — Не волнуйся, Роман, поймает мы твоего обидчика.

И ведь поймали! В следующую дневную смену Маша с утра ушла на насосную, а когда вернулась, в дежурке было большое оживление. Клетка с крупной рыжей крысой стояла на столе. Ефремов, сопя от усердия, резво крутил ручку мегаомметра, а Ромочка азартно тыкал проводками между прутьев. Крыса громко пищала и металась по клетке, пытаясь увернуться от электрических разрядов в пятьсот вольт.

— Вы что?! — вне себя от возмущения закричала Маша. — Вы что делаете?!

Она метнулась к столу, схватила клетку, получив удар током, и опрометью бросилась в коридор.

— Э! Э! — только и успел крикнуть вдогонку ей Рома.

Маша вылетела на улицу, повозилась с замком, распахнула дверцу клетки и вытряхнула крысу на траву. Та, не будь дурой, сразу же

бросилась наутек, предварительно хорошенько тяпнув свою спасительницу за палец.

Ефремов и Ромочка уже стояли рядом.

— Вот это правильно! — проникновенно и с чувством сказал Ефремов. — Ни одно доброе дело не должно остаться безнаказанным!

— Да вы... да как вы... — набросилась на них Маша, тряся окровавленным пальцем. — Да лучше бы сразу убили, чем так мучить! Фашисты!

— А зачем она мою колбасу украла? — обиженно засопел Рома. — Надо же было ее наказать!

— Да ты что, дурак? Как такая маленькая крыса могла стащить такую большую колбасу?

— Нет, это не крыса была, — задумчиво произнес Ефремов. — Та бы колбасу погрызла, растрепала бы. А тут все исчезло вместе с пакетом...

— А кто же тогда? — не сдавался Ромочка. — Собака какая-нибудь ваша призрачная? Так собака вверх по кабелям лазить не может...

— Куница может, — со знанием дела сказал Ефремов. — Куница по деревьям хорошо лазает. А ты, Маруся, топай в медпункт, прививку от бешенства делай. Это я тебе... га-га-га... как специалист по животным ответственно заявляю!

Маша сходила к медикам, получила укол в положенное место и до вечера не разговаривала с садистами. Забинтованный палец ныл, и настроение было паршивым. Ну почему некоторые люди такие злые?

...Когда-то, в Машином детстве, дома у нее жила в клетке-домике крыса — белая с длинным розовым хвостом и красными бусинками-глазами. Маша очень любила играть с ней, гладить шелковую шерстку и кормить зернышками. Потом крыса состарилась и умерла. Больше Маше животных держать не разрешили. Кошки дерут обои, и от них аллергия, о собаке речи вообще идти не могло.

Разумеется, теперь, когда Маша жила в отдельной квартире, она могла бы завести себе какого-нибудь питомца. Но в ее планах первым пунктом стояли семья и дети. А домашнее животное, по крайней мере на первых порах, могло стать для этого серьезной помехой. Да и вообще, говорят, одинокая девушка с кошкой — это уже диагноз. Может, потом когда-нибудь...

Глава седьмая

Инцидент с колбасой постепенно забылся, тем более что Рома исчез на несколько дней в полном соответствии с коллективным договором. Его супруге подошел срок, и дежурный электромонтер нес теперь дежурство под окнами роддома. Наконец, в очередную ночную смену, он появился.

— Ну что, Ромуальд, родил сына? — приветствовал его Ефремов.

— Девка опять...

— У-у, бракодел!

У самого Ефремова, как Маша уже знала, предметом гордости было наличие аж трех сыновей — таких же толстых, рыжих и, наверное, таких же наглых.

— Не бракодел, а ювелир, — вступилась она за Ромочку. — Девочки, как бриллианты, жизнь украшают. А вот когда много мальчиков рождается, — блеснула Маша знанием народных примет, — так это к войне...

— Типун тебе на язык! — внезапно рассердился Ефремов. — К войне... Да я за сына в гроб лягу, поняла? Мало нам войн нынче — то Афган, то Чечня... Каркаешь тут!

Маша прикусила язык и мысленно обозвала себя душой.

— Да ладно вам, — примирительно сказал Ромочка. — Я вот сегодня взял... Обмыть надо ножки-то.

— А как же? Конечно, надо! — смягчился Ефремов. — Тогда с третьего захода точно пацан будет!

Маша демонстративно повернулась к ним спиной.

— Маш, Маш, может ты тоже с нами, а? — заканючил счастливый молодой отец. — Я ведь специально для тебя «амаретту» принес! Вот, смотри! У Лариски отлил...

Маша сперва хотела, конечно, отказаться от предложенной чести, но такое внимание Ромочки к ее персоне очень ее растрогало. Да и, чего греха таить, попробовать знаменитый ликер «Амаретто», о котором она была наслышана, ей тоже очень хотелось. Ну и, в конце концов, выпить за здоровье родившегося нового человека — дело святое!

Она осторожно поднесла к носу протянутую Ромой бутылку, наполненную на треть коричневой жидкостью. На нее повеяло ароматами шоколада и миндаля с нотками спирта и паленой пластмассы.

— Ну, не знаю... Ладно, уговорил.

И поздним вечером или, скорее, ранней ночью они засели в чайном закутке уже втроем. Сергей Максимович сокрушенно вздохнул. Ну вот, уже и девочку совратили, разбойники!

Ликер оказался сладким, закуска достойной, и вообще поначалу все было очень весело. Пили и за молодого отца, и за маму, и за пресловутые ножки оптом и в розницу. Когда «амаретты» осталось в бутылке совсем на доньшке, Маша внезапно загрустила.

— У меня совсем нет... друзей... как это... по интересам... — делилась она с коллегами. — Недавно вот позвала Элю на выставку... этих... ну, авангард, короче. А она отказалась... Мне кажется, она меня совсем не любит!

— Конечно, не любит, — подтвердил Ефремов, наливая Роме водку в кружку с девицей. — Любая порядочная женщина ненавидит другую женщину, которая ее моложе и тоньше в талии!

Ромочка наклонился вперед и круто сменил тему. Как известно, выпивший человек склонен говорить о том, о чем ему хочется, не слушая собеседников.

— А может, там, наверху-то, и в самом деле кто-то живет? Ну тот, кто мою колбасу спер... кто этого... десантника релейного напугал. И Машу тоже...

Маша, нахмурившись, толкнула его в бок. Рома, спохватившись, сделал виноватый жест руками — пардон, мол.

— Да кому там быть... — промолвил Ефремов, который, в отличие от Ромочки, нити разговора еще не терял. — Разве что зверушка какая-нибудь из леса прибежала... в качестве призрака.

— О! — вскинул палец Рома. — За призраков!

— Га-га-га!

— Гы-гы-гы!

Они опрокинули еще по одной. Маша пить не стала, задумавшись. Может, и в самом деле, там зверек из леса живет? Милый, добрый, пушистый... А вот схожу и посмотрю! Нет, в самом деле, почему бы не посмотреть?

Ефремов закусил колбасой (не ливерной — настоящей!), разгладил усы и выбрался из закутка — покурить. Маша оглядела стол и поднялась.

— Я это... и-ик... с обходом, — заявила она, завернула в газету пару булочек, кусок колбасы, еще что-то и нетвердой походкой направилась к выходу в цех.

У дверей она оглянулась — Ромочка, покачиваясь, смотрел на нее и загадочно улыбался.

Маша шла по цеху и думала о том предполагаемом зверьке, который скучает сейчас в темном полуэтаже, такой же одинокий, как и она сама. Еще вчера она боялась встретиться с ним, потому что любого человека всегда пугает все неизвестное и непонятное. А сейчас почему-то все страхи рассеялись и загадочный призрак стал для нее чем-то вроде несчастной бездомной собаки.

...Когда-то, давным-давно, у Маши была собака, не своя, правда: собака эта пряталась на улице, в щели между железными гаражами. Была она маленькая и запуганная, коричневого окраса, со стоячими ушками, похожая чем-то на медвежонка, и Маша прозвала ее Мишкой. Выходя после школы гулять во двор, она всегда приносила Мишке пирожок, котлету или еще что-нибудь вкусенькое. Собака жадно ела, дрожа от холода и глотая большими кусками, а Маша расчесывала ее специально припасенной для такого случая расческой. Однажды ее за этим занятием застали родители и устроили хорошую взбучку, неделю не отпускали гулять, а когда Маша наконец вышла на улицу, Мишки уже нигде не было...

В пустом цехе монотонно шумели котлы и турбогенераторы. Маша, пару раз споткнувшись на крутых ступеньках, вскарабкалась на площадку по памятной лестнице и открыла трехгранником полуэтаж. У нее еще со времен стажировки был свой ключ, личный. Ефремов сделал за пять минут — подобрал подходящую трубку, согнул буквой «г» и обстучал молотком на трехгранном же напильнике.

— Эй! Ты где? — шепотом окликнула она неведомого жителя кабельного лабиринта.

Никто не отозвался, и Маша двинулась вперед, протянув перед собой свободную руку, так как фонарик она, конечно, забыла. Редкие светильники скупо освещали окружающее пространство, и она то и дело натывалась

на петли кабелей и торчащие кронштейны полок. Постепенно Маша добралась до того места, где с полуэтажом пересекалась кабельная шахта, и тут же сразу почуяла, что вот он — рядом, притаился за ближайшей кабельной полкой.

— Привет! Ты кто? — спросила она, стараясь придать своему голосу самые дружелюбные интонации.

Загадочный призрак, конечно, не ответил, но ей показалось, что он недовольно засопел.

— Ты, наверное, голодный? На, кушай, дорогой, кушай! — Маша развернула газету и подвинула угощение в темноту, поближе к неизвестному животному. Потом отошла и присела в сторонке на толстый кабель, нисколько не смущаясь наличием внутри него высокого напряжения.

Зверушка не заставила себя долго ждать — раздалось шуршание и затем аппетитное чавканье.

Нетрезвой работнице очень захотелось поговорить. Излить душу.

— Вот ты мне скажи, — проникновенно начала она, — почему мне так не везет, а? Только встретишь подходящего... это... кандидатуру, в общем... а он, смотришь, — уже окольцованный! Как гусь лапчатый... или репчатый... ну неважно. А недавно вообще поцен... понтен... и-ик... понтен-ци-ального жениха из-под носа увели — это как называется?

Незримый и безмолвный собеседник перестал чавкать — то ли уже все съел, то ли внимательно слушал.

— А ведь мне уже скоро тридцать, понимаешь? — Из глаз Маши потекли слезы. — Тридцать! Я замуж хочу! Я детей хочу! А тут... а они...

Маша не выдержала и разрыдалась, размазывая по лицу тушь пополам с соплями. Все ее горькие, потаенные мысли, которые она так старательно загоняла на задворки сознания, были вымыты оттуда сладким ликером.

— Н-ны-ы-ы, н-ны-ы-ы, — раздалось вдруг из темноты.

Таинственный призрак сопереживал Маше, сочувствовал ей почти по-человечески, и на душе вдруг стало так радостно и спокойно...

...Она очнулась оттого, что ее трясли за плечо. Яркий луч бил прямо в глаза, и Маша заерзала, отталкивая руку с фонариком. Над ней стоял Рома с угрюмым и слегка опухшим лицом.

— Ты чего сюда забилась? — недовольно спросил он. — Смена уже кончается. Меня Максимыч послал тебя искать — он уже волноваться начал.

— А сам-то ты что, не заволновался? — зло бросила Маша.

— Да нет... это... я тоже хотел...

Маша огляделась по сторонам, прислушалась, принялась. Нет, его рядом не было.

Когда она, непричесанная и неумытая, появилась в дежурке, Сергей Максимович ничего не сказал, только укоризненно покачал головой, и Маше стало ужасно стыдно. И потом — и в душевой, и по дороге домой, в автобусе, — она корила себя и ругала последними словами, клялась

и божилась, что больше теперь ни за что, никогда и ни в коем случае... И в самом деле — нехорошо употреблять на работе спиртные напитки! Очень нехорошо!

Глава восьмая

— Никто не видел? — переспрашивал начальник участка уже в который раз. — Шинки медные, в «шестерке» лежали, для ремонта секции были приготовлены... А? Ефремов?

— Виктор Ссаньч! — Ефремов приложил ладонь к желудку. — Как на духу...

— Да их, наверное, призрак утащил, — хихикнул Ромочка.

— Не смешно.

— Призрак, не призрак, — заметил Сергей Максимович, протирая очки, — а помните, как в прошлом году в ремонтном бомжика поймали? Какой-то кабель в подвале выкусил — и цех полдня стоял...

В последнее время только и было разговоров, что про чертовщину, творившуюся на ТЭЦ. То кто-то слышал странные звуки в «десятке», то кто-то видел непонятную тень, уже в самом цехе, под генератором. А на днях женщина-электромонтер из другой бригады, почтенная дама бальзаковского возраста, примчалась в дежурку с растрепанной бабеттой на голове и ее полсмены отпаивали валидолом, корвалолом и прочими подобными лекарствами. Потом она написала заявление по собственному и на две недели, положенные для отработки при увольнении, ушла на больничный.

— Этого еще не хватало! Меня и так из-за этой собаки чуть не уволили, а тут еще... Ну что за люди! На ходу подметки рвут! — Виктор Александрович тяжело поднялся со стула и пошел к двери.

— А Эллочка-то наша где? — спохватился Сергей Максимович. — Не заболела, часом?

— Она дни взяла, в соответствии с колдоговором. Они сегодня расписываются... с десантником этим из релейки.

Рома присвистнул. Начальник участка вышел, в огорчении хлопнув дверью.

— Надо же, — задумчиво пробормотал Ефремов у верстака, — как он скоропостижно женился...

— Быстро Элька его приручила! — восхитился Ромочка.

— А ты думал! Это ведь девушки, замуж не ходившие, типа нашей Маши, скромные да застенчивые. А разведенная дама с ребенком — существо достаточно агрессивное!

Маша сидела за столом дежурств, грызла от досады ручку, страдала и делала далекоидущие выводы. Быка надо брать за рога. Только в старых наивных романах мужчины-рыцари окучивают прекрасную даму, наперебой предлагая руку и сердце. В жизни же все наоборот. Будешь сидеть сложа руки — не дождешься у моря погоды...

— Ну вот, — оторвался Ефремов от верстака, — аппарат готов к запуску!

— Ух ты! — воскликнул Рома. — Это что, капкан, да?

— Он самый! — Ефремов с усилием отогнул блестящие пластины вниз, взводя тугую пружину, взял молоток и ткнул им в середину. Железные челюсти с глухим стуком сомкнулись на деревянной рукоятке.

— Да вы что! — ужаснулась Маша. — Да вы в своем уме? Да ему же этой штукой лапу сломает! Или вообще убьет...

— Га-га-га! Добрый ты человек, Мария! А зачем он к нам залез? Сидел бы у себя дома, в лесу...

— Ну надо же как-то не так... Вдруг там какое-нибудь редкое животное? Может, нужно сообщить куда следует? В министерство природы... не знаю... в Академию наук...

— Еще чего! — Ефремов вытащил молоток. — Это раньше на каждый чих разрешения спрашивали у партии и правительства. А сейчас у нас свобода и демократия! Как... — Он замялся, подыскивая подходящее слово.

— Как в цивилизованных странах! — пришел ему на помощь Ромочка.

— Точно! Как в Штатах, на Диком Западе. Сначала стреляй, а потом разбирайся, кто там был — куница, лисица, черт с рогами...

— А капкан-то не маленький? — озабоченно спросил Рома.

— На куницу пойдет! Машка, хочешь шапку из куницы?

Маша отвернулась, не удостоив его ответом. Она, конечно, никому не рассказывала, что каждую смену ходит в полуэтаж подкармливать неизвестного зверя. Да и что рассказывать? Она его даже ни разу и не видела. Ну, знает только, что он мохнатый и довольно большой — полкурицы съедает в один присест. А теперь этого невидимку, видите ли, хотят изловить таким варварским способом!

Маша решила, что непременно выследит, куда поставят капкан, и обезвредит его. Но, как назло, для этого никак не представлялось возможности. То ее отправили работать совсем в другую сторону, то на главном щите, кроме нее, никого не было, а отлучаться нельзя. А Ефремов, хитро подмигнув, после обеда надолго куда-то ушел и вернулся уже без капкана.

Так, где оно, логическое мышление?.. В распредустройствах он поставить ловушку не мог — там все доступно для осмотра и освещение хорошее, капкан сразу заметят. Подвал тоже отпадает — на полу вода, а Ефремов сапоги не надел. Остается полуэтаж. Только бы успеть, только бы успеть!

Смена закончилась, пришла бригада, работающая в ночь, а Маше так и не удалось вырваться на поиски. Пришлось пойти на военную хитрость. Она специально оставила свою сумку в дежурке, а потом (ах-ах, забыла!) с полпути к душевым побежала обратно. Расчет был прост — мужская часть бригады не сможет проверить, вернулась она в женскую душевую или нет, а блондинка Эля, как известно, сегодня замуж выходит.

Темные дебри полуэтажа встретили ее настороженной тишиной. Маша пробиралась между кабелями, обшаривая пол лучом фонарика.

Где же он, где? А может зверь уже того — попался? Да нет же, он тогда стонал бы жалобно, плакал бы...

Она прошла весь полуэтаж до конца, повернула назад — капкана все не было. Может, она ошиблась? Может, Ефремов поставил его где-нибудь в «шестерке», между задними крышками ячеек и стеной? Туда ведь редко кто заглядывает. И тут в ее голове блеснула по-настоящему умная мысль — шахта! Ведь призрака видели и наверху, в «собственных нуждах», и в полуэтаже, и в «десятке». А кабельная шахта — единственный путь сообщения между ними. И Ефремов наверняка об этом подумал — не дурак же он.

Маша пробралась к тому месту, где толстые жилы кабелей загибались вверх и вниз, и принялась тщательно исследовать местность вокруг. Вот он, голубчик! Капкан был установлен у самого проема в полу, в небольшой нише, закрытой сплошной стеной из кабелей, и было непонятно, как туда сумел пробраться толстый Ефремов. Разведенные стальные дуги тускло блестели в луче фонарика, а между ними лежал кусок той самой ливерной колбасы.

И тут Маша почувствовала знакомый запах — запах зверинца.

— Стой! — закричала она. — Не ходи туда! Туда нельзя!

Она кое-как протиснулась под свисающими кабелями, извалявшись в пыли и порвав свою новую сумку. Призрака видно не было, но он, несомненно, находился рядом и наблюдал за ней.

— Сюда нельзя! — взволнованно сказала Маша, показывая лучом фонарика на капкан. — Это плохо! Это ловушка! Смотри.

Она огляделась по сторонам и, не найдя ничего подходящего, сунула в раскрытую пасть капкана свой фонарь. Гулко звякнула пружина, и железные челюсти с треском сошлись на хрупком корпусе. Фонарик, естественно, погас, и Маша оказалась в почти полной темноте.

— Не ешь это, — сказала она своему другу. — Я тебе хорошей колбасы принесу...

И замолчала, вздрогнув всем телом оттого, что неподалеку щелкнула замком входная дверь.

По стенам и кабелям заметался слабый луч света — вероятно, ночная смена пришла с обходом. Маша затаилась как мышь в своем укрытии — не хватало еще, чтобы ее обнаружили. Как она объяснит свое присутствие здесь в это время?

Человек вышел на открытое место под светильником, погасил фонарь, и Маша увидела — кого бы вы думали? — Михайлова. А этому то что здесь надо? Он же по дневному графику работает, давно уже дома быть должен.

Михайлов опустил на колени, поднял лицо к низкому потолку и развел руки в стороны.

— О призрак старой несчастной собаки! — торжественно произнес он. — Я обращаюсь к тебе от имени всего нашего коллектива, ибо ответственно сознаю, что избран тобой для установления контакта!

Вот этого Маша никак не ожидала. Ладно, если бы Михайлов пришел с кем-то еще и ломал комедию перед своим спутником. А тут... Он что, серьезно?

— Позволь мне нижайше просить тебя, призрак, — продолжал адепт новой религии, — ниспослать мне, как твоему верному и преданному жрецу, сохранения месячной премии в полном объеме и успешного прохождения ежегодной проверки знаний!

Маша прыснула со смеху и тотчас же пожалела об этом. Михайлов замолчал, опустил руки, подозрительно огляделся по сторонам, потом, поднявшись с колен, включил фонарик и осторожно двинулся в ее сторону. Она испугалась не на шутку. Что будет, если этот новый жрец ее здесь увидит? Ведь он же того — реально сдвинутый! Кто знает, что у него на уме?

Но тут призрак пришел к ней на выручку. Он вдруг грозно заворчал, как во время их первой встречи:

— Ур-р-р-р!

И Михайлов тут же ретировался обратно под светильник, принял прежнюю коленопреклоненную позу и воздел руки к потолку. В его глазах заблестели слезы.

— Благодарю тебя, о всемогущий призрак старой собаки, за то, что явил мне свою волю! — еще громче провозгласил он. — Я понял суть гнева твоего. Мне не следует просить о столь незначительных вещах, ибо на кону стоит существование всего человечества!

Он поднялся с колен и, пятясь и натываясь задом на свисающие с полок кабели, стал медленно удаляться, постоянно кланяясь и бормоча что-то себе под нос. Маша дождалась в своем убежище, когда хлопнет входная дверь, и только потом выбралась на открытое место.

— До завтра, призрак! — ласково сказала она в темноту. — Не скучай.

— Маш, а ты что, сумку не нашла? — спросил ее Рома следующим вечером. — Ты чего с пакетом?

Маша слегка замешкалась.

— У меня молния сломалась, — ответила она наконец.

В дежурку вернулся с обхода Ефремов, бросил на верстак капкан с зажатым в нем фонариком.

— А зверушка-то хитрая, — задумчиво произнес он. — Слышь, Марья, а как твой фонарь-то туда попал?

— Я его в «десятке» забыла, — быстро сказала она, уже готовая к такому вопросу.

— А-а... Ну-ну. — Ефремов неторопливо извлек изувеченный фонарик из капкана, повертел его в руках, вздохнул. — Эх, Маша, Маша, три рубля — и наша... Ну ничего, ладно. Знаю я, где этот призрак живет.

Он замолчал и до конца смены вообще больше не возвращался к этой теме, но в душе Маши уже поселилось стойкое предчувствие чего-то недоброго.

Глава девятая

В следующую ночную смену Ефремов на работу не вышел, и они остались втроем. Блондинка Эля, будучи, как оказалось, в интересном положении, была переведена на легкий труд и теперь в дневное время заполняла своим аккуратным почерком какие-то бумаги в кабинете начальника.

— Опять в историю попал, — ворчливо заметил Сергей Максимович.

— Может, он заболел? — предположила Маша.

— Ага, как же, заболел он... — Рома был недоволен отсутствием напарника, так как работы ему заметно прибавилось. — В прошлый раз тоже думали, что заболел, а он явился через неделю в темных очках, под глазами фингалы — во!

— Избили его?

— Да нет, там не все так просто... Он чего-то не поделил со своими друзьями-бизнесменами (или бандитами — кто их там разберет). То ли задолжал, то ли кинул кого... В общем, поучили его немного и в кессон посадили.

— В какой кессон?

— Ну, знаешь, ящик такой большой железный, в гаражах закапывают — картошку хранить. Вот он там и сидел три дня — думал.

— Ну и как, надумал?

— Надумал. Машину продал — расплатился. Машина-то у него хорошая была — «Жигули», трешка. — Ромочка завистливо вздохнул. — Семнадцать лет, а как новенькая! Реэкспорт! Он за ней в Брест ездил. Теперь на новую копит.

— Да разве можно, на заводе работая, накопить на машину? — удивилась Маша. — И так от полочки до полочки едва тянешь. Да еще цены почти каждый месяц удваиваются.

Ромочка фыркнул — совсем как его старший коллега.

— Это нам с тобой не купить. А Ефремов — мужик ушлый. Он и медь продавал с трансформатора, и алюминий с самолета... Ничего, и сейчас что-нибудь придумает.

Маша в этот раз, как обычно, принесла гостинцы для своего подопечного. Но в конце смены никто не ждал ее в полужтаже. Напрасно она прошла два раза из конца в конец, напрасно прислушивалась и принималась у шахты — таинственной зверушки нигде поблизости не было.

А еще через пару дней рабочие-подрядчики, монтировавшие дополнительные ячейки в самом дальнем отсеке «десятки», уходя на обед, высказали претензию:

— Чем у вас там шманит-то? Крыса, что ли, сдохла? Работать невозможно!

— Где? — встрепенулся Сергей Максимович.

— Да там, у пятой секции. Вроде как из подвала тянет...

После ухода подрядчиков старший смены забеспокоился:

— Надо пойти посмотреть, что там в подвале. Может, и в самом деле умер кто.

У Маши все сжалось внутри. Неужели *он*... там...

— Можно мне с вами? — робко попросила она.

— Тебе? — Очки Сергея Максимовича съехали на кончик носа. —

Ну что ж... пойдём поглядим, если хочешь.

Маша влезла в огромные резиновые сапоги, имевшиеся в дежурке как раз для таких случаев. Они оставили Ромочку на главном щите и отправились в последний отсек «десятки», где находился люк в дальний подвал. Осторожно спустились вниз по крутой и ржавой железной лестнице. Сюда вообще заходили редко — вход далеко, пол затоплен, да и кабелей здесь было проложено немного. Старший смены включил прихваченный им мощный фонарь и повел носом.

— Действительно, попахивает...

Маша со своим почти собачьим обонянием уже давно чувствовала, что не просто попахивает, а несёт, и притом достаточно сильно.

Булькая в воде сапогами, они медленно пошли по подземелью, отыскивая источник запаха. Маше было страшно, но усилием воли она заставляла себя идти дальше. Она должна была увидеть *его*... должна...

Сергей Максимович свернул в один боковой тоннель, осмотрелся, принялся, затем вернулся и вошел в другой. Бетонный пол здесь оказался повыше, и воды на нем не было. Освещение в тоннеле отсутствовало, слева уходило куда-то черными полосами толстые кабели на железных кронштейнах. Под ногами стал попадаться разный мусор: тряпки, кости, какие-то засохшие шкурки. Маша споткнулась о большой бесформенный мешок, ответивший ей металлическим лязгом.

Тоннель в этом месте делал небольшой поворот. Сергей Максимович поднял фонарь повыше — и замер, словно окаменел. Маша заглянула через его плечо и непроизвольно вскрикнула.

Посреди коридора на какой-то растрепанной тряпичной куче лежало распростертое тело человека. Ноги были неестественно подогнуты, руки раскинуты в разные стороны, рубашка на груди залита чем-то темным. А лицо...

— Ефремов! — выдохнул старший смены.

Маша смогла вынести это зрелище ровно одну секунду. Ее согнуло пополам, и она вынуждена была схватиться за кабель, чтобы не упасть на колени. Хорошо еще, что не успела пообедать! Сергей Максимович подхватил ее за плечи и потащил к выходу, что-то бормоча под нос, сокрушаясь и тряся головой.

Он приволок свою спутницу в дежурку, и там они с Ромой, не придумав ничего лучшего, стали отпаивать ее чаем. Вот тут уже Машу вырвало по-настоящему — еле успела выскочить на улицу.

Остаток дня она просидела на скамейке в полном оцепенении. В голове по кругу мотались одни и те же обрывки мыслей: «Как же так... не может быть... как же это... что же это...» Мимо, не обращая на нее внимания, бежали какие-то озабоченные люди, хлопали двери, звонили телефоны. Уже в конце смены к ней подсел бледный и испуганный Ромочка.

— Увезли его уже, — мрачно сообщил он. — Милиция приезжала с собакой. Ужас какой! Что делается, что делается... Там, в подвале-то,

пинки медные нашли в мешке. Ну помнишь, которых Саныч обыскался? Теперь, я слышал, все на Ефремова валить будут — мол, он медь воровал, попал под напряжение, ну а потом уже крысы...

— А его действительно так... крысы? — слабо пролепетала Маша.

— Да какие крысы! — горячо зашептал Рома. — Ему горло перегрызли, сонную артерию, вот здесь! — Он показал на своей шее где. — Я-то думал, это зверек какой мелкий — ну там кошка, куница... А тут натурально хищник свирепый! И собака милицейская хвост поджала, заскулила, в подвал не полезла... Я теперь туда ни ногой! Что делать, как дальше жить будем? Хоть увольняйся...

Он замолчал и согнулся на скамейке, обхватив голову руками. Маша невидящим взглядом смотрела в окно на затянутое облаками вечернее небо. Неужели это он Ефремова так? Неужели он такой злой... Нет, не может быть, он же столько раз встречал ее там, в полуэтаже, радовался, когда она приходила! Ефремов, наверное, его выследил, напал, а он защищался. А Ефремов человек жестокий, он лося раненого ножом добивал — сам ведь рассказывал...

Пора было идти домой. Уже пришли люди из бригады, заступающей в ночь, листали журналы, оживленно обсуждали с Максимычем последние события, и Маша печально поплелась в душевую.

Ночью ее мучили кошмары. Черные бесконечные кабели змеями обвивались вокруг ее шеи, скалили зубы ужасные призраки, парившие под низким потолком, и три маленьких Ефремова, толстенькие, рыженькие и со стоячими ушками, испуганно выглядывали из узкой щели между железными гаражами.

Глава десятая

Маша слегка опоздала с утра на работу — в последнее время она плохо спала и не высыпалась. Выходя из душевой, она чуть было не наткнулась на Виктора Александровича, рядом с которым следовал — ни больше ни меньше — сам старший помощник младшего менеджера в неизменном малиновом пиджаке и ослепительной белой каске. Любой вменяемый человек знает, что от начальства нужно держаться подальше, поэтому Маша притормозила, пропустив вперед себя руководителей, и, сбавив скорость, поплелась сзади, невольно подслушивая их разговор.

— Да поймите же, Анатолий Борисович! — плакался начальник участка. — Людей не хватает! Во второй бригаде двое уволились, в третьей — один... одна... Михайлов, из релейки, умом тронулся, в психушке лежит, и обратно его уже не пустят... Работать некому!

— Проблем с кадрами у нас нет! — небрежно процедил старший помощник. — За воротами толпы голодных безработных.

— Так мне же специалисты нужны! — не унимался Виктор Александрович. — С дипломом, с группой по электробезопасности. А не люди с улицы...

Он предупредительно открыл перед начальником дверь на главный щит, и они вошли в помещение. Маша незаметно юркнула вслед за ними. Высокий гость брезгливо оглядел щиты с приборами и прочее, поискал глазами блондинку Элю, не нашел и, видимо, огорчился.

— Это все? — надменно спросил он.

— Все, — начальник участка оглянулся, увидел Машу и подтвердил: — Все. Анатолий Борисович, я же вам говорю — людей не хватает! Щукина в декрет ушла, Ефремов вот... сами знаете...

— Я этот вопрос обсуждать не собираюсь! — недовольно бросил помощник младшего менеджера. — Извольте обходиться теми, кто есть. А кому сейчас легко? И вообще, на Западе, — слово «Запад» было произнесено им с благоговейным придыханием, — подобного рода объекты обслуживаются одним сотрудником!

— Так а как же? — обомлел Виктор Александрович. — А оперативные переключения? А допуски по нарядам?

Начальник поднял руку, давая понять, что тема исчерпана.

— В общем, так! — надменно заявил он. — Сегодня сюда придет специальная команда. В сопровождении вашего руководителя они произведут осмотр помещений на предмет наличия посторонних людей и животных. Распустились, понимаешь! Развели здесь призраков, привидений каких-то! Руководство этого более терпеть не намерено!

Он выдержал многозначительную паузу. Присутствующие понуро молчали. Старший помощник младшего менеджера окинул их суровым взглядом, снял свою безукоризненно белую каску и вытер платком бритый затылок.

— Попрошу оказать сотрудникам охраны всяческое содействие!

Сказав это, обладатель малинового пиджака, мрачно сопя, повернулся и направился к выходу. Начальник участка торопливо засеменял вслед за ним. Громко хлопнула входная дверь.

— А я-то думал, зачем это у нас строители кабельную шахту зашивали, — тихо заметил Сергей Максимович. — А это они, оказывается, готовились. К осмотру помещений...

Специальная команда не заставила себя долго ждать. После обеда в дежурку заявили несколько здоровенных мрачных типов в пятнистой униформе с надписью «Охрана».

Виктор Александрович, бледный и растерянный, натянул резиновые сапоги.

— Начнем с кабельного подвала, — неуверенно сказал он. — Только прошу вас, ради бога, ничего не трогать, не открывать без моего разрешения. Здесь действующие электроустановки...

— Мы проинструктированы! — оборвал его самый крепкий и, видимо, самый главный.

Спецкоманда ушла. Маша сидела на скамейке, безучастно глядя в окно. Ну вот и все. Сейчас они обшарят все закоулки, найдут этого таинственного обитателя подвалов, который столько времени был ее неизвестным другом, посадят в клетку, и она его наконец увидит — в первый

и последний раз (о том, что его могут просто убить, она старалась не думать). Загадочный призрак почему-то представлялся Маше пушистым и плюшевым, вроде того енота, которого она видела в детстве в передвижном зоопарке. Там было много зверей, хороших и разных, но больше всего она запомнила именно енота с красивым полосатым хвостом и белым животиком. Енот стоял на задних лапках в тесной, грязной клетке и, держась передними за прутья, словно арестант, грустно смотрел на снующих по ту сторону решетки людей...

— Ах ты господи! — вдруг всполошился Сергей Максимович. — Они же сейчас, после подвала, в «десятку» пойдут, а там средства защиты не разложены! Саныч ведь меня опять премии лишит, изверг! Ромочка, Машенька, одна нога здесь, другая там, а?

Дежурные монтеры отправились в «десятку». Маша несла журнал, а Рома тащил мешок с перчатками, ботами и прочим. Глаза его блестели, и вообще он с самого утра имел вид человека, принявшего ответственное решение. Они стали раскладывать защитные средства на предназначенные для этого полки, записывая в журнал номера.

— Маш, Маш, слушай, — начал Ромочка сбивчиво и неуверенно. — Вот если я, допустим, развелся бы... то мы с тобой... это... могли бы вместе... ты как считаешь?

Машина ручка замерла над открытым журналом.

— Да ты, никак, мне предложение делаешь?

— Ну да... в общем-то...

Маша резко обернулась к нему.

— Чем же я лучше твоей жены? Она же у тебя красивая? А? Наверное, красивее меня?

— Ты добрая, — простодушно ответил Рома. — И квартира у тебя есть...

Упоминание о квартире особенно разозлило Машу.

— А как же твои дети? — набросилась она на него. — Твои девочки? Ты что, бросил бы их, да?

— Я бы их не бросил, — важно сказал Ромочка. — Я бы алименты платил.

Маша стала набирать в грудь побольше воздуха, чтобы высказать этому придурку все, что о нем думала. Но вдруг замерла. В дальнем конце помещения отворилась дверь, да так и осталась открытой, и никто в нее не вошел. Дверь, впрочем, была видна не вся, только верхняя треть — снизу ее закрывал выкаченный из ячейки масляный выключатель. Это было непонятно и неправильно, потому что двери в распредустройства всегда должны быть плотно закрыты.

И вдруг...

— Н-ны-ы-ы, н-ны-ы-ы, — раздалось где-то совсем недалеко от них.

Маша вздрогнула.

— Рома, он здесь, — тихо сказала она.

— Что?! — Ромочка присел. — Кто, кто здесь? Призрак?! Призрак, да?!

— Миша, Мишенька, — вдруг позвала Маша неожиданно для самой себя. — Иди сюда! Иди ко мне!

И тут она впервые увидела его. Призрак мягко и почти бесшумно вскочил на короб, в котором проходили шины, взобрался на релейный шкаф и появился наверху, в нескольких метрах от нее. Светильники были подвешены на тросах довольно низко, к тому же один из них находился как раз позади неизвестного существа, и Маша видела только косматый силуэт на фоне беленого потолка.

— Миша, иди сюда, иди! — протянула она к нему руки.

Зверь, осторожно перебирая всеми четырьмя лапами, перелез на соседний шкаф, поближе к ней. Ромочка кинулся на полусогнутых ногах за железный угол секции.

— Маша! — закричал он шепотом, выглядывая из-за крайней ячейки. — Маша, беги! Укусит!

— Мишенька, иди сюда! Иди, мой хороший!

Таинственный призрак, недоверчиво глядя на Машу, перебрался еще ближе. Маша нисколько не боялась его — ведь он не выказывал никакой агрессии, не стремился напасть. Он пришел к ней, пришел за помощью и защитой...

И тут в помещение распредустройства вломилась толпа охотников за привидениями.

— Вон он! — истошно завопил кто-то. — Вон, смотрите! Вон, наверху сидит!

Чудовище оглянулось на крик и вдруг, поднявшись на задние лапы, с размаху ударило передними по висевшему рядом светильнику. Маша даже зажмурилась на секунду, так эта сцена была похожа на кадр из недавно просмотренного фильма, где Кинг-Конг, взобравшись на небоскреб, крушил вертолеты. Осколки длинных ламп дневного света посыпались вниз с сухим звоном, а призрак перепрыгнул на соседнюю секцию и пустился наутек.

— Держи его! Лови!

В «десятке» поднялись шум и суматоха. Люди в пятнистой одежде бегали по проходам, кричали, размахивали руками, а загадочный зверь серой тенью метался наверху по железным ящикам релейных шкафов, разнося вдребезги попадающиеся на пути лампы, отчего в помещении становилось все темнее и темнее. Никто не мог его толком разглядеть. Это была, конечно, никакая не собака — своими ловкими движениями существо больше всего напоминало, пожалуй, громадную лохматую обезьяну.

Маша тоже бегала вместе со всеми между рядами ячеек.

— Оставьте его! — кричала она. — Не трогайте его! Он уйдет, уйдет!

Охранники уже тащили, разворачивая на ходу, какую-то сеть — то ли рыболовную, то ли волейбольную. Неизвестный зверь перебежал по шкафам к кабельной шахте, наглухо зашитой железными листами, покрутился возле нее и бросился к противоположной стене. Там, в похжей нише, за тяжелыми железными дверями, не доходившими на метр

до потолка, находился секционный реактор — три громадные, поставленные одна на другую катушки с намотанной на них толстой медной шиной. Призрак перепрыгнул с секции на секцию над головами кинувшихся врассыпную людей, промчался по шинному мосту и в длинном прыжке ухватился передними лапами за кромку дверей.

— Гоните его оттуда! — закричал Виктор Александрович. — Не пускайте туда! Там же напряжение! Десять киловольт!

Зверь, подтянувшись, уселся на верхнем краю дверей, повернул к подбегающим людям оскаленную косматую морду и издал грозный рев, перешедший в жуткий тоскливый вой.

И прыгнул внутрь.

Яркая голубая вспышка, словно молния, осветила стены помещения. Грохнуло так, что заложило уши. Свет окончательно погас, и в пляшущих лучах фонариков было видно лишь, как, подобно хлопьям снега, сыплется побелка с высокого потолка. Загудел зуммер аварийной сигнализации, тревожно замигали красные лампочки на отключившихся ячейках.

Какое-то время все дежурные монтеры во главе с начальником участка носились по распредустройству, включая и отключая ячейки, выкатывая и закатывая тяжелые выключатели. Повсюду они натыкались на посторонних людей, испуганно жавшихся по углам, путавшихся под ногами и мешавших работать. В «десятке» наступил хаос, не предусмотренный никакими правилами и инструкциями.

Лишь много позже, когда электроснабжение было наконец восстановлено, поврежденный реактор надежно отключен и даже помещение худо-бедно освещено запасным прожектором, Виктор Александрович принес ключи и дрожащими руками открыл тяжелые двери.

Дымящееся тело неизвестного существа валялось на полу возле самого порога, от него исходил тяжелый запах паленой шерсти и горелого мяса. Призрак лежал лицом вниз, вытянув перед собой черную, когтистую, но, несомненно, человеческую руку, в которой был зажат трехгранный ключ.

И Маша, увидев все это, зарыдала в голос.

Пролог в качестве эпилога

В зимнем ночном лесу не было никого, кроме собаки, попавшей сюда, видимо, из находящегося рядом города. Собака — молодая и, судя по набухшим свисающим соскам, недавно ощенившаяся сука — осторожно пробиралась по протоптанной между сугробами тропинке, обнюхивая деревья, прислушиваясь и жалобно поскуливая.

Наверное, искала своих пропавших щенков.

С неба послышался чужой, непонятный шум. Собака задрала голову, всматриваясь в черноту между ветвей. Шум перешел в протяжный гул, затем в низкий могучий рев. Большой пассажирский самолет, кренясь на крыло, появился над самыми верхушками сосен, зацепил этим крылом

одну из них и, опустив нос, обрушился на лес со страшным грохотом, ломая стволы деревьев и разваливаясь на части.

Когда грохот стих, собака осторожно выглянула из густых зарослей. Пугливо озираясь, она стала медленно обходить место падения лайнера, осматривая и обнюхивая упавшие деревья, дымящиеся обломки и неподвижно лежащие тела людей.

Ее внимание привлек какой-то посторонний звук. Она прислушалась, обежала вокруг громадного куска крыла с буквами «СССР» и длинным номером, углубилась в уцелевший чудом ельник и принялась раскапывать передними лапами большой сугроб, наметенный возле густого разлапистого дерева. Звук становился все громче и громче, и вскоре стало ясно, что это надрывный детский плач.

Собака без устали откидывала снег и наконец откопала истошно плачущего ребенка лет двух или трех. Утопав лапами снег вокруг, она улеглась рядом, обернулась вокруг маленького человека своим телом, укрыла его пушистым хвостом и принялась вылизывать теплым языком мокрое от слез лицо. Малыш постепенно пригрелся и затих, успокоившись. Тогда собака поднялась и, выйдя на тропинку, медленно пошла по направлению к городу, постоянно останавливаясь и оглядываясь. Ребенок, замерзнув, снова захныкал, выбрался из сугроба и, протягивая руки, побрел вслед за ней к видневшемуся вдали обветшавшему забору, за которым светилось огнями здание старой ТЭЦ. Откуда-то издалека доносились рокот автомобильных моторов и надрывный вой сирен — ночной город проснулся, разбуженный катастрофой.

Николай БАХОВЕЦ

СМОТРИТЕЛЬ ДОРОГИ

Р а с с к а з

Старый велосипед скрипел на ходу и гремел плохо натянутой цепью. Стальная рама местами покрылась ржавчиной, а верхняя перекладина была обернута куском поролона, прихваченного бечевкой. Впрочем, Егора не волновал даже внушительный люфт руля. Ему нравился этот спуск по камням на шуршащем истертыми покрышками велосипеде.

Он разглядывал открывшийся пейзаж.

Перед ним раскинулась огромная зеленая долина. Медленно текущая широкая и извилистая река впадала в море, виднеющееся на горизонте. Серая лента дороги, виляя между темных пятен садов и разноцветных скоплений кажущихся игрушечными домиков, таяла в складках местности. Сколько уже раз Егор проезжал здесь, но всегда наслаждался этим видом.

Гравий закончился у излома спуска, дальше уклон делался пологим, а дорога становилась гладкой — асфальтовой. Велосипед, уже не сдерживаемый хозяином, покатился плавно, перестав дребезжать. Через несколько минут показался странный дом, формой напоминавший лежащую шестигранную гайку. Потемневшие кирпичные стены с маленькими односторонними окнами делали его похожим на недостроенную оборонительную башню. К одной из стен была пристроена небольшая уютная веранда, на которой, как всегда, в любимом кресле-качалке сидел Леонард.

Егор подъехал к дому, спешил и, приставив велосипед к резной балюстраде лестницы, ведущей на веранду, поздоровался с хозяином.

— И тебе здравствовать, Егорушка, — как обычно, ответил хозяин, отстранив от лица длинный изящный мундштук курительной трубки.

Прежде чем подняться по лестнице, гость обернулся и посмотрел туда, откуда приехал. Дорога уходила вверх, в ущелье, окруженное, словно стеной, отвесными скалами. Над горами висели грозные, массивные свинцовые тучи. Иногда внутри этой мрачной облачности вспыхивали молнии, яркие и длительные, каких Егор нигде больше не видел. Грохот разрядов сюда уже не доходил, но там, в горах, он был необычайно мощным и раскатистым. Эта природная аномалия висела над скалами все время, что Егор жил на этом свете.

Буквально на несколько секунд задержав взгляд на величественном и ужасающем феномене, велосипедист шагнул на лестницу и поднялся на веранду.

— Потому я тут и поселился, — сообщил Леонард. — С одной стороны — эти грозные горы, а с другой — наша долина. Я могу часами просто смотреть то в одну, то в другую сторону.

— Я знаю, — спокойно ответил Егор. — Ты уже не раз рассказывал мне это.

— Прости старика. Склероз и возрастное брюзжание...

— Можешь не приbedняться, — прервал гость. — Все мы тут примерно одного возраста.

— Ну конечно! — ворчливо прокряхтел Леонард. — Ты видел себя в зеркале? По сравнению со мной — с моими морщинами и седой бородой — ты совсем юнец.

Они оба засмеялись хорошей шутке. Затем хозяин вытащил из стоящей рядом тумбочки поднос с пузатой бутылкой и двумя рюмками и поставил на столик перед присевшим в соседнее кресло гостем. Темно-янтарная жидкость с приятным бульканьем была разлита по рюмкам, и собеседники молча, не чокаясь, выпили.

— Настояйка, как всегда, дивно хороша, — похвалил Егор, чувствуя, как по телу разливается приятная теплая волна.

— Пятилетняя выдержка, — с гордостью сообщил Леонард и, немного помедлив, дежурно спросил: — Ну и как там?

— Все так же, — привычно ответил Егор.

И оба, замолчав, выпили еще по одной.

— Знаешь, — начал более серьезным тоном хозяин, — я вот иногда думаю: к чему все это? Зачем нам это все оставили именно таким?

— Ты же сам знаешь, — ответил гость, — все люди разные, нельзя всем угодить.

— Знаю, но раньше было хоть какое-то движение, а теперь... Как давно ты кого-то встречал на дороге?

— Два часа назад, очень симпатичную девушку, — спокойно сообщил Егор. — Думаю, где-то через полтора часа она будет тут.

Леонард открыл было рот, собираясь что-то ответить, но неожиданно замер, затем, мотнув головой, впился в Егора пристальным взглядом.

— И ты не подбросил ее сюда? — возмутился он.

— Я предложил, но она отказалась.

— Хм... — Старик погладил бороду. — Неудивительно, учитывая, что у них там творится.

— Да, — согласился Егор, — хорошо, что не выстрелила.

Хозяин кивнул, а затем улыбнулся.

— Давно я, Егор, в горах не был... Начал забывать, каково на той стороне.

— И хорошо. Нечего тебе там делать, Лео. Налей лучше еще.

И они снова молча выпили.

— Ладно. — Хозяин закрыл бутылку пробкой. — Если ты надо мной не потешаешься, то надо готовиться к встрече с гостями.

Егор лишь вздохнул, провожая Лео взглядом. Он понимал, почему того так взволновало это известие. Для него самого появление человека

на дороге не было рядовым событием, настолько редко это сейчас случалось. Однако воодушевление Леонарда казалось ему забавным. Они не должны были оказывать путникам какие-то почести, но Егор тут гость, и не ему вмешиваться в дела хозяина дома. К тому же он уважал старика и всегда помнил, что именно Леонард передал ему велосипед. Тогда стальной конь был совсем новенький... Впрочем, бывший владелец ни разу не высказывал претензий к текущему состоянию двухколесного.

Девушка появилась как раз через полтора часа: уж что-что, а дорогу Егор изъездил и даже исходил настолько досконально, что хорошо знал, сколько времени нужно затратить на конкретный ее отрезок. К приходу гости они с Лео хорошо подготовились: на печи томился добротный ужин, горячий пирог был покрыт свежим полотенцем, а кипяток в самоваре подогревал чайничек с заваркой.

Увидев двоих мужчин, незнакомка замерла, а затем, сняв с плеча автомат, двинулась вперед медленно, держа оружие наготове. Одетая она была в бесформенную, песочного цвета куртку, такой же расцветки штаны в стиле милитари и тяжелые походные ботинки. Дополняли воинственный образ несколько магазинов для автомата и большой армейский нож на поясе. Черный рюкзак на левом плече, черная же коса, в которую аккуратно сплетены зачесанные назад волосы. Фигуру оценить было сложно, но по осанке и тому, как легко и точно гостя двигалась, было понятно, что она в хорошей спортивной форме. Верхнюю часть миловидного лица с прямым носом и тонкими губами скрывали большие солнцезащитные очки.

Подойдя шагов на десять, девушка остановилась и настороженно спросила:

— Это здешний блокпост?

— Нет-нет, — максимально мягко ответил Леонард. — Это лишь мое скромное жилище.

— И кто вы такой — местный комендант?

— Ну что вы! — Старик улыбнулся. — Максимум местный привратник. Встречаю таких, как вы, и помогаю определиться, куда им идти дальше. Позвольте представиться — Леонард, для прекрасных дам просто Лео.

И он театрально поклонился.

Девушка повернула лицо и ствол автомата к Егору.

— А вы недавно обогнали меня на дороге.

— Да, и вы зря не согласились на мое предложение подвезти, — заметил он. — Уже давно пили бы с нами чай.

— Я не подсаживаюсь на раму к незнакомцам, — с иронией заявила гостя.

— Долго ли познакомиться, — фыркнул он и спокойно сообщил: — Я Егор, смотритель дороги.

Девушка дернулась после его слов, словно ей в голову ткнули раскаленной иглой. Егор хорошо помнил, как подобное произошло с ним,

когда давным-давно ему представился смотритель. Воспоминания — или все же знание? — накрыли так внезапно и сильно, что он тогда с трудом удержался на ногах. И теперь отдал должное незнакомке: она лишь вздрогнула, мотнула головой — и уже снова направляла на них ствол автомата.

— Да уберите вы уже эту штуку! — возмутился Лео. — Все равно в долине порох не горит. Можете проверить.

— Как это? — растерянно спросила девушка.

Потом задрала ствол в небо, нажала спуск — и выругалась. Вместо грохота выстрела прозвучал лишь щелчок.

Незнакомка ловко передернула затвор, скидывая давший осечку патрон, и попробовала снова — с тем же результатом. После четвертой попытки она отстегнула магазин, видимо решив, что его содержимое бракованное, вставила новый и, вновь попытавшись стрелять, выкинула на дорогу еще пять патронов.

Поняв тщетность своих попыток, она растерянно посмотрела на мужчин и опустила оружие стволом в землю.

— Я же говорил! — победно изрек Леонард. — Все эти военные игрушки работают там, в горах, а тут у нас тихий и спокойный край.

Несколько секунд гостя просто стояла и морщила лоб, видимо, что-то вспоминая. Затем выпустила оружие, и автомат с грохотом упал на дорогу.

— Я Марина, — как-то обреченно представилась она.

— Очень приятно, Марина, — весело произнес Лео и позвал: — Давайте уже к столу, а то чай стынет. Знаю, у вас много вопросов, но на голодный желудок какие разговоры...

Она сняла очки и пристально смерила его и Егора взглядом больших светло-голубых глаз, затем утвердительно кивнула и направилась к дому. Но, уже ступив на лестницу, вдруг замерла и, еще раз оценивающе посмотрев на мужчин, заявила:

— Вы не думайте, что я осталась без оружия! — Она демонстративно выхватила нож. — С ним я обращаюсь очень умело.

— Не сомневаюсь, — со вздохом сообщил Леонард. — Понимаю тамошние привычки. Но поверьте, самое страшное, что мы хотим с вами сделать, — это угостить пирогом.

— Сколько раз вас убивали? — серьезно спросил Егор.

— Много, — помедлив с ответом, мрачно произнесла девушка. И добавила: — Это всегда очень больно...

— Больше вам не придется умирать. Если, конечно, вы не решите вернуться обратно в горы.

— Вы так уверены? — Она скептически подняла брови.

— Я точно знаю, — заверил Егор. — Каждая местность оказывает влияние на живущих там людей. Горы — самое опасное и мрачное место. Но вы ступили на дорогу и спустились в долину. Здесь жизнь легка и беззаботна, здесь даже соседи никогда не ссорятся.

— Разве так бывает? — удивилась она.

— Вы сами знаете, что да. Когда-то вы уже здесь жили, Марина. Не удивляйтесь, я смотритель дороги и помню всех, кто когда-либо ступал на нее. Вы тоже вспомните, как только рассеется влияние гор.

Она нахмурилась и некоторое время буравила его испытующим взглядом. Затем, немного поиграв с ножом — демонстрируя, насколько ловко она с ним управляет, — вернула оружие в ножны.

— Что же, — примирительно начала она и даже улыбнулась, — пирог — это замечательно. Я несколько дней питалась исключительно сухпайком. — И, поднявшись на веранду, села за стол.

Смирно стоявший все это время Леонард сразу засуетился. Его стараниями перед гостей появились тарелки с источающими аппетитнейший аромат блюдами. Марина принялась за еду. С каждым кусочком она словно добрела, в глазах появились искорки жизни, она все чаще улыбалась и, похоже, сама была готова начать шутить.

Егор не сомневался, что так и произойдет, поэтому, кивнув Лео, потихоньку спустился с веранды и, взяв свой велосипед, вышел на дорогу. Теперь гостя больше не могла его увидеть: она уже пришла куда хотела и дорога отпустила ее — по крайней мере, до того момента, пока Марина не захочет вновь покинуть долину.

Автомат черным, чужеродным пятном лежал посреди дороги — там, где его бросила девушка. Егор медленно подошел к оружию и наступил на него. Асфальт под вороненой сталью пошел волнами, и смертоносный ствол погрузился в дорожное полотно, словно в болото. Это была одна из функций смотрителя — очищать дорогу от мусора, чтобы идущих по ней людей ничего не отвлекало.

Разобравшись с автоматом, Егор сел на велосипед и поехал в сторону моря. Спешить было некуда: он чувствовал, что никто больше не идет по дороге и, скорее всего, в ближайшие несколько лет только он будет топтать это идеально ровное покрытие. Времена, когда по дороге шли целые потоки путников и прежние смотрители едва справлялись со своими обязанностями, остались далеко в прошлом. А теперь все устоялось, и он, единственный смотритель, большую часть времени просто проезжает по ней, не уставая наслаждаться открывающимися видами.

Какой-то древний мыслитель сказал, что люди сами не знают, чего хотят. Он ошибался: люди точно знают, чего хотят, просто им нужно многое испытать, чтобы понять это. Дорога дает такую возможность: ступив на нее, человек идет туда, куда, как он думает, ему хочется. Но нужно ли ему это на самом деле, он поймет, только попробовав. Большинство уже нашли свое место, но это не значит, что дорога больше не нужна: люди меняются и снова начинают искать.

Сегодня спуск с гор ничем не отличался от тысяч других. Если в прошлый раз, неделю назад, Егор встретил на дороге девушку, то сейчас путь был совершенно безлюдным.

Леонард уже ждал его на веранде. К тому же Егора дожидался богато сервированный стол.

— Извини, но сегодня я один, — с порога сообщил Егор.

— Нисколько в этом не сомневался. Если бы на дороге появился еще один путник, это было бы уже ЧП, — рассмеялся Леонард.

— Тогда по какому поводу пиршество?

— Да просто... — Старик пожал плечами. — Мне захотелось — и вот приготовил для тебя.

— Спасибо.

Егор сел за стол и пододвинул тарелку с супом, над которой поднимался чудесный аромат.

Разговор поначалу зашел не о высоком, как по обыкновению, а о Марине. Еще бы, такое событие — в их-то повседневном болоте! Но не удер- жались и опять съехали на судьбы и моральный выбор.

— Знаешь, в какой-то мере это, конечно, хорошо, что люди нашли свое счастье, — задумчиво произнес Леонард. — Но ведь при этом они почти остановились в развитии! Все сидят там, где им хорошо.

Он затыкнул трубку и, выпустив несколько колечек дыма, продолжил:

— Визит нашей последней гостии показывает, что еще не все засты- ло. Но сколько лет мы будем ждать появления следующего путника?

— Долго. Но так ли уж это плохо? В этом и была цель.

— Возможно, но ведь любое движение лучше застоя.

— Ага, конечно! Войны, революции, бунты... — начал перечислять Егор. — Сплошное удовольствие от движения по трупам.

— Мне кажется, ты передергиваешь, — скривился Лео.

Егор промолчал.

— Ладно, согласен, — тяжело вздохнул старик. — Люди — они та- кие. Может, так и лучше.

— В любом случае это был не наш выбор. Не нам и решать, как было бы правильнее, — грубовато подытожил Егор и, поднявшись, доба- вил: — Спасибо за угощение, мне пора. Дорога ждет.

Уезжал он совершенно спокойно. В таком ключе они с Лео расстава- лись не раз. Споры для того и придуманы, чтобы обе стороны гнули свое. Независимо от результата их дискуссий, он был совершенно уверен, что в следующий раз друг будет, как обычно, рад его видеть.

За размышлениями Егор чуть не проскочил дом Марины — двух- этажный, кирпичный, с лепниной и черепичной крышей. Стоящий у до- роги, этот дом долгое время пустовал. Сейчас же на крыльце с горшками, из которых раньше торчали засохшие стебли, колдовала хозяйка, сажая новые цветы. О ее возвращении с гор говорили только непривычно спор- тивная для этих мест фигура и военная отточенность движений, когда она брала в руки совок или нож. Сменившая военную одежду на пестрое пла- тье девушка стала еще прекраснее, а главное — ее лицо сейчас выражало такое умиротворение, что Егору даже жаль было его нарушать.

Он спешил и некоторое время просто наблюдал за ней. Пока он на дороге, Марина его попросту не видит. Весь вопрос был в том, выходить ему или нет. Если он выйдет к ней сейчас, она его вспомнит. Если не выйдет, то за неделю, до его следующего объезда, — забудет полностью.

Так работает здесь любая местность, и долина не исключение. С памятью о том, что было в горах, Марина вряд ли смогла бы спокойно жить, поэтому воспоминания постепенно размываются, иногда возвращаясь в тяжелых снах, а со временем погружаются глубоко в подсознание. Но какой-то опыт остается, и его достаточно, чтобы человек избегал мест, где ему не понравилось. Снова потянуть туда, где он уже жил, может, только если это и есть искомый идеал.

Видимо, для Марины идеалом была долина, потому что сейчас она определенно выглядела счастливой.

Стоит ли вмешиваться в это счастье? Никакие правила не запрещали Егору сойти с дороги и заговорить с кем угодно, проблема была лишь в одном: дорога останавливала регресс памяти и даже обращала его вспять. Смотритель был частью дороги, а значит, обладал теми же свойствами.

Если он выйдет сейчас, то Марина точно вспомнит их встречу у Лео. Но при этом она может вспомнить и что-то еще из того, что было в горах, а Егор не мог предугадать, что это будет и насколько сильно на нее повлияет. Одно он знал точно: если сейчас не сойдет с дороги, то при следующей встрече будет для Марины обычным незнакомцем.

Тяжело вздохнув, Егор положил велосипед наземь и, сделав несколько шагов, вышел на обочину.

В этом месте дорога проходила через небольшой поселок в пару десятков домов, практически совпадая с его центральной улицей. Стоило Егору сойти с идеально ровного асфальта на обочину, как он оказался на мощенном плиткой тротуаре.

Погода, как обычно в долине, была превосходной — ярко светило солнце, а несущий прохладу ветер раздувал по небу легкие белоснежные облака. Тут всегда была комфортная температура — в отличие, например, от каменного пика, где постоянно бушевали шторма, а ледяной ветер не давал выйти на улицу без теплой одежды. Но даже там кто-то жил и был счастлив.

Марина обернулась, словно почувствовав его, и, увидев, замерла. Радость медленно сползла с ее лица, а глаза расширились, словно от страха. Впрочем, она быстро взяла себя в руки и, вернув улыбку, произнесла:

— Я вас помню, смотритель.

— Здравствуйте, Марина.

— Ой... — Она смутилась. — Здравствуйте! Извините.

— Не извиняйтесь, я понимаю, вы не ожидали меня увидеть.

Она кивнула и, немного помедлив, добавила:

— Я вообще чуть не забыла вас. Столько забот, дом совсем запущен... А вы?..

Она осеклась и смущенно отвела взгляд.

— Проезжал мимо, вот и решил проверить, как вы тут устраиваетесь, — ответил Егор на незаконченный вопрос.

— Все хорошо, смотритель. Вот цветами занимаюсь... — начала она и вдруг засуетилась: — Что же это я вас на улице держу! Проходите! Хотите, я чай или кофе сделаю?

— От чая бы не отказался. — Он невольно улыбнулся, глядя, с какой поспешностью девушка снимает рабочие перчатки.

— Вы уж извините, я еще в процессе уборки, — сказала Марина, когда они вошли в дом.

— Ничего страшного.

Егор огляделся, отмечая, что тут, похоже, развернута инвентаризация. На полу грудой лежали вещи, часть была уже разложена по назначению, остальные ждали своей очереди.

Девушка провела его на кухню. В отличие от холла, здесь царил идеальный порядок.

— Прошу вас, присаживайтесь. Я сейчас приготовлю чай.

Егор сел у небольшого кухонного столика и не без удовольствия наблюдал за суетящейся хозяйкой.

Минут через пятнадцать, когда горячий чай был разлит по кружкам, Марина устроилась напротив Егора за столом и нерешительно взглянула на него.

— Да, — ответил он на незадаанный вопрос, — смотрители обычно не навещают тех, кого провожали. Но это не запрещено. А поскольку вы единственный странник за последние пять лет, можете считать это просто визитом вежливости.

— Ясно, — ответила она.

И в этот раз совершенно не смутилась: в ней, видимо, стало больше от той Марины, что передергивала затвор у домика Лео. Память возвращалась, пусть не быстро, а вместе с ней и уверенность. Когда тебя в присутствии смотрителя захлестывают воспоминания о недавних событиях, о которых ты уже почти забыл, мало кто может сохранять хладнокровие. Марина, снова отметил Егор, держалась очень неплохо.

— Тогда, у Леонарда, — прервав затянувшуюся паузу, начала она, — вы говорили так, словно уже знали меня раньше...

— Знал, — ответил Егор. — Смотритель всегда помнит, как человек шел по дороге, ведь мне нужно указать ему путь или дать совет, если он сам не может принять решение.

— И как часто я ходила по дороге?

— При мне это был второй раз. Но смотрители меняются. Я помню только своих ходочков.

— Ходочков... — Девушка хмыкнула и, похоже, увязла где-то в своих воспоминаниях, опустив взгляд в чашку.

— Что-то вспомнили? — спросил он.

— Вспомнила, как попала на дорогу, — медленно, словно нехотя, ответила она.

— Расскажите.

— Вам-то это зачем? — Марина подняла на него удивленный взгляд.

— Мне интересно. Я помню, как дорога влекла меня. Хотелось бы услышать вашу историю.

Некоторое время Марина молчала, затем тяжело вздохнула.

— Хорошо, смотритель, я расскажу вам... Но только если вы пообещаете рассказать мне, как я отправилась в горы!

— А вам, смотрю, палец в рот не клади. — Егор благодушно улыбнулся. — Что же, это справедливая сделка, я согласен.

Она тоже улыбнулась — победно, но совсем ненадолго, так как начала погружаться в далеко не радостные воспоминания.

— Дорога однажды мне приснилась. Настолько ярко и четко, что я запомнила место, только была уверена, что никакой дороги там нет — просто небольшое ущелье в горах, причем под контролем противника. Вначале даже не придала значения — мало ли что может присниться. Но образ возникал, стоило только закрыть глаза. Пришлось даже напроситься в разведку, которая проходила в том районе.

Она сделала паузу, отхлебнув уже остывшего чая, и Егор этим воспользовался:

— И, конечно, дорога была там на самом деле?

— Верно, но видела ее только я. Спросила разведчика, и он сказал, что нет никакой дороги, а потом до самой базы странно на меня косился. Пришлось на несколько дней затаиться. Однако сон все возвращался, и я, собрав бойцов своего отряда, соврала им. Сказала, что командование поставило задачу любой ценой уничтожить огневую точку противника в том районе. Все понимали, что это самоубийственная вылазка, но никто не спорил.

Она снова замолчала и стала нервно вертеть в пальцах чайную ложку.

— Смерть там лишь условность, — решил подбодрить девушку Егор.

— Нет! — выкрикнула она и, словно сама испугавшись своей реакции, зажала ладонью рот.

Почти минуту они сидели молча, пока Марина не совладала с нахлынувшими чувствами и не опустила руку.

— Вы не поймете... — Голос ее срывался. — Да, умираешь только до утра следующего дня. Но умирать очень больно! И это тактическое поражение — если ты умер, ты уже не можешь сдерживать врага, даешь ему преимущество... Там никто не считает это игрой, война идет всерьез. Мне сложно это объяснить.

— Конечно, сложно, — спокойно произнес Егор. — Потому что это правила той местности. Она ведь не для развлечения такой создана, а для тех людей, чье существование — постоянная война.

— Вот так все просто! — со злостью воскликнула Марина. — Мы там умирали, а это все *просто местность!*

Смотритель развел руками, понимая, что любой ответ будет равносильен выбрасыванию красной тряпки перед разъяренным быком.

Некоторое время девушка буравила его злобным взглядом. Ложку в руке она при этом держала на манер ножа. Егор не сомневался: Марина

легко может убить его этой ложкой. С гор все возвращаются с развитым инстинктом убийства, даже такие, как она.

Проследив за его взглядом, Марина увидела ложку у себя в руке и отбросила ее, словно та обожгла её руку. И стала большим пальцем другой руки растирать ладонь, как будто хотела унять боль.

— Видите... — севшим голосом произнесла она, и ее глаза заблестели, а по щекам покатались слезы.

— Ну-ну, успокойтесь... — Егор встал и виновато добавил: — Извините, я не хотел вас расстраивать. Видимо, мне лучше уйти...

— Стойте, — всхлипнув, хрипловато произнесла она и, сердито вытерев лицо, уже твердо закончила: — Мы заключили сделку — я рассказываю вам, вы — мне. И я еще не закончила.

Смотритель, хмыкнув, вернулся на стул.

— Что же, рассказывайте, я больше не буду перебивать.

Марина встала, налила себе чай, вернулась к столу и, немного отпив, принялась массировать виски, собираясь с мыслями.

— В общем, мне пришлось обманом заставить своих людей принять эту вылазку. Вначале все шло хорошо — мы, подавив пару огневых точек противника, приближались к цели. По плану, у дороги я хотела скомандовать всем отход, а сама уйти по ней. Но когда до нее оставалось метров двести, рядом разорвалась мина. Мне сильно посеколо осколками ноги, так что я не могла даже стоять, не то что идти...

Марина сделала пару глотков чая, как будто у нее пересохло в горле.

— В общем, все пошло не по плану. Сержант решил прекратить операцию и доставить меня в лагерь, а там бы, узнав про мою самостоятельность... Словом, я до дороги могла бы и вовсе не добраться. Пришлось приставить пистолет к своей голове и выдвинуть ультиматум: или они идут дальше, оставив меня тут, или я застрелюсь, чтобы не задерживать их. Сержант повел отряд дальше, но оставил мне одного солдата для охраны.

Она помолчала и, тяжело вздохнув, продолжила:

— Я попросила парня высунуться из-за камней посмотреть, что происходит. И когда он выглядывал, я выстрелила ему в затылок — чтобы не больно и сразу... Будь я на ногах, может, просто оглушила бы. А так...

Говоря это, Марина что-то разглядывала на дне своей чашки. Егор, как и обещал, терпеливо ждал, хотя совершенно не понимал этой рефлексии. Все, кто умирает в горах, возрождаются в пять часов утра, так что это нельзя считать настоящей смертью. Видимо, местность влияла на участников этой вечной войнушки таким образом, чтобы они не считали происходящее фарсом.

— В общем, я поползла к дороге, — продолжила Марина. — Противник меня заметил и даже обстрелял. Попали в плечо, пришлось затаиться, прикинуться мертвой. Видимо, враги купились, потому что потом, когда я поползла снова, никто по мне не стрелял. Самые тяжелые сто метров в моей жизни... Ну мне так кажется.

Марина наконец подняла взгляд на Егора.

— А когда я коснулась дороги, все мои раны исчезли, словно их никогда и не было! Даже одежда оказалась чистой и целой.

— Неудивительно, — ответил он. — Дорога хранит тех, кто по ней идет, скрывает от чужих глаз и излечивает от любых ранений.

— Прямо магия какая-то.

— Верно. Дорога, в определенном смысле, и есть настоящая магия. Только благодаря ей наш мир существует в гармонии.

— Разве то, что творится в горах, это гармония? — возразила Марина.

— А разве нет? Те, кто там сейчас и не видит дороги, — разве они не счастливы? Пусть по-своему, не так, как остальные, но все же.

— Но ведь я же не была там счастлива, — парировала она.

— Поэтому дорога и увела тебя оттуда, — спокойно ответил наблюдатель. — Гармония была восстановлена.

Она замолчала, понимая, что ей нечего ответить.

— Что же, — начал Егор, вспомнив об их уговоре, — я обещал рассказать о нашей первой встрече.

Марина сразу оживилась и закивала.

— Это было пять лет назад. Я почувствовал, что на дороге появился кто-то сомневающийся, и нашел тебя тут, прямо возле этого дома. Ты была в белой блузке, джинсах и с походным рюкзаком. Весьма легкомысленный наряд для того места, в которое ты собралась.

— А я собралась в горы, да? — уточнила девушка.

— Да, только тогда на мой вопрос, куда ты направляешься, ты спросила: «А что это за черные тучи постоянно висят над теми горами?» А услышав ответ, заявила, что собираешься туда, чтобы эти тучи развеять.

— Значит, я была глупа и самонадеянна, — мрачно усмехнулась Марина.

— Самонадеянна — да. Глупа? Не думаю.

— И вы, наблюдатель, даже не попробовали отговорить меня?

— Почему же, пробовал. Это одна из наших обязанностей — направлять и вразумлять тех, кто ступил на дорогу. Я и пробовал вразумить, но это лишь укрепляло твою решимость идти в горы. Пришлось сдаться и отвезти прекрасную незнакомку на войну.

Марина смущенно опустила взгляд после его последних слов и тихо ответила:

— Я дура и чудовище...

— Почему же чудовище? Скорее, наоборот. Порывы были самые благородные.

— К дьяволу порывы! — со злостью ответила она. — Я целых пять лет бегала там и убивала людей! Причем довольно-таки успешно. Я еще помню...

Егор промолчал. Не было смысла сейчас ее утешать, отчасти она была права. Если человек попадал не туда, он редко задерживался больше чем на полгода, а ей, пусть и какое-то время, было по душе то, что там происходило.

Вообще, сейчас наблюдатель был несколько обескуражен ее реакцией. Там, в доме Лео, он понимал, что она, если захочет, легко убьет их обоих. То, что девушка, поначалу желавшая развеять темные тучи, после пяти лет в горах стала машиной смерти, само собой разумелось. На войне

нельзя не измениться, а тут еще и влияние местности. Поэтому сегодняшнее неожиданное самоедство казалось ему неестественным. Впрочем, Егор не разбирался в женской психологии, так что списал все на стресс, вызванный возвращением почти угасших воспоминаний.

— Я, наверное, пойду. — Он встал. — У меня еще впереди длинный путь, а вам наверняка есть чем заняться и о чем подумать.

Марина окинула его внимательным взглядом, а затем неожиданно с надеждой в голосе спросила:

— Вы еще придете, смотритель?

— Меня Егором звать, — вместо ответа напомнил он.

Обращение «смотритель» его в принципе устраивало, но из ее уст это слово звучало как-то слишком сухо и официально. Видимо, привыкла в горах к людям по званиям обращаться.

— Смотрителю нет необходимости посещать тех, кому он помог на дороге. — Он все же решил ответить на ее вопрос. — Но если вам, Марина, хочется поговорить с Егором, то я могу заехать при следующем обходе.

— Да, Егор, мне очень хочется вас еще раз увидеть... как интересного человека и собеседника.

Егор внутренне усмехнулся. Вряд ли он был для нее приятным собеседником.

— До свидания, Марина, — попрощался он и направился к двери.

— До встречи, Егор, — донеслось ему в спину.

Уже на дороге, немного отъехав от ее дома, он остановился и обернулся на стоявшую на крыльце девушку. Марина не могла его сейчас видеть и не знала, в какую сторону он поехал, но каким-то образом угадала направление и смотрела ему вслед.

Егор вздохнул, оттолкнулся от серого асфальта и, поставив ногу на педаль, поехал в своем привычном темпе. Он решил, что заглянет к ней во время следующего объезда. Она не успеет все забыть, а значит, разговаривать им будет интересно. Все же от Лео он уже начал уставать, хоть и не желал признаться себе в этом.

Прошла неделя. На дороге было пустынно и спокойно. Егор, как обычно, заскочил к Леонарду, стараясь ничем не выдать, что потом собирается еще на одну встречу. Почему-то он волновался. На самом деле не следовало заезжать к Марине и в первый раз. Он прекрасно понимал, что сегодня снова всколыхнет ее память, лишив безмятежности. Вот только красивых девушек, которые его не помнят, но при этом будут дружелюбно рассказывать, как замечательно у них прошел день, в этом мире хватало. А таких, что пришли самостоятельно с гор в долину и пытались угрожать смотрителю оружием, больше нет. Такая лишь одна, уникальная, на весь этот мир. И если он не посетит ее сегодня, она вскоре пополнит ряды беспмятных красивых и дружелюбных.

Поэтому, как можно скорее распрощавшись с Лео, Егор направился вглубь долины — к знакомому дому.

Марина сидела на лавочке у крыльца, на этот раз в длинном зеленом платье, и задумчиво теребила наброшенный на плечи платок. Егор оставил велосипед на дороге и, не задерживаясь, направился к девушке. Она вздрогнула, когда он вдруг появился перед ней, как будто из ниоткуда.

— Смотритель? — словно не веря, что видит его, спросила Марина и тут же растерянно добавила: — Я помнила, что кто-то придет сегодня... кто-то важный... но забыла кто. А теперь вспоминаю, что это вы, Егор.

— Да, это я, — подтвердил он, следя, как с пробуждением воспоминаний в ее взгляде появляется осмысленность.

Некоторое время они просто стояли и смотрели друг на друга. Наконец Марина спохватилась:

— Что же это я... Пойдемте, Егор! Я обед приготовила и навела в доме порядок, давайте я вам покажу.

Егор улыбнулся и, одобрительно кивнув, направился за девушкой в дом.

В этот раз у них не было сложных разговоров и душевных бесед. Они словно знакомились друг с другом, просто болтая о том о сем, рассказывая те немногие истории из своей жизни, которые помнили. Точнее, Егор-то помнил все, даже то, что сейчас предпочел бы забыть, а вот с Мариной все обстояло сложнее: ее воспоминания были фрагментарны и довольно скудны. Полностью их открыть ему не под силу, да и не нужно — ей же будет лучше.

Так за столом и разговорами они просидели до самого вечера. Егор спохватился: дорога, конечно, пуста, но необходимо проехать еще много километров, прежде чем он достигнет ее конца.

Марина, вышедшая его проводить, уже на улице спросила:

— Мне ждать тебя, Егор?

— Да, — ответил он, в этот раз не раздумывая. — Через неделю в это же время.

— Почему через неделю? — спросила она. — Неужели дорога такая длинная?

— Нет, дорогу я проезжаю, если без остановок, за девять часов, но в конце пути засыпаю и сплю ровно неделю.

— Так долго? — удивилась она.

— Это плата за то, что я все помню, по-другому нельзя, — ответил он и, уже поворачиваясь к дороге, добавил: — До свидания, Марина.

После чего быстро пересек невидимый барьер и, подняв велосипед, некоторое время стоял, глядя на девушку, которая, уже не видя его, просто смотрела в пустоту и задумчиво улыбалась.

Наконец Марина повернулась, пошла к крыльцу — и только тогда Егор сел на велосипед и поехал. Это было странно. Неужели она вызвала у него какие-то чувства? Определенно да, вопрос только — почему? Ответ был очевиден: он хоть и смотритель, но все же обыкновенный человек со всеми человеческими слабостями и эмоциями.

Неудивительно, что в следующий объезд Лео встретил его долгим пронизательным взглядом, а затем фыркнул и изрек:

— Ты определено влюбился, мальчик мой.

— С чего ты взял?! — несколько опешил от такого «приветствия» Егор.

— Думаешь, у меня нет глаз? — усмехнулся старик и добавил: — В прошлый раз ты так быстро куда-то засобирался, поэтому я на следующий день ходил в гости к нашей общей знакомой, и... Видел бы ты, как она улыбается, когда говорит о тебе!

Леонард засмеялся и, заметив, как смутился Егор, замахал руками:

— О нет-нет, не обращай внимания на старого дурака! В этом нет ничего плохого, Егорушка, я ведь тоже когда-то был молодым. — И он подмигнул, а затем продолжил: — Только, друг мой, ты сам понимаешь, что смотритель не может полноценно насладиться любовью. Будешь приезжать — и каждый раз она будет вспоминать, а потом, когда ты уедешь, постепенно забывать и маяться. Марина, конечно, девушка крепкая, но однажды и она вконец измучается.

— Предлагаешь оставить и забыть? — Егор сник.

— Я ничего не предлагаю. — Старик затянулся трубкой. — Решать только тебе, друг мой, только тебе...

Егор приезжал к Марине регулярно, но для него их роман длился всего одиннадцать дней, а для нее прошло два с половиной месяца. Когда они встречались, то вместе гуляли, ходили в ресторан и театр — других развлечений в долине не было. Впрочем, им достаточно было и просто сидеть на балконе Маринино дома и смотреть на синее море. Пару раз Егор свозил ее на своем велосипеде на побережье.

Но кое-что начало его пугать. Если поначалу девушка вела себя как и полагается — почти забывала его к моменту очередной встречи, то в последние их встречи она все помнила. Так не должно было быть. Возможно, причиной тому стали его постоянные визиты, и если это так, то нужно было их прекратить. Только он уже не мог, не представлял, как будет жить без нее, без их обычного общения. Конечно, если пропустить пару дней, Марина никуда из долины не денется, но забудет его и станет уже совсем другой.

Однако и то, что она все больше и дольше помнит, было ненормально и плохо. Если с ней что-то случится, это будет по его вине...

С такими неприятными мыслями он остановился у домика Лео, намереваясь спросить совета у старика, и вдруг почувствовал, что кто-то вышел на дорогу. Нет, не кто-то — на дорогу вышла она! Егор даже привстал, давя на педали, чтобы быстрее набрать скорость. Прекрасно понимая, что Леонард сильно удивится, увидев уезжающего друга.

Марина стояла на дороге в том же виде, в каком он увидел ее в горах, — в военной форме. Разве что вместо оружия она держала в руках рюкзак.

— Приветствую вас, смотритель, — произнесла она.

— Марина, — удивленно начал он, — что происходит?

Она тяжело вздохнула и как бы нехотя ответила:

— Разве не очевидно? Я хочу уйти из долины.

— Но поче... — начал было он, но она остановила его, выставив перед собой ладонь.

— Все просто — я так больше не могу. Каждый раз, когда ты уезжаешь, начинается настоящая пытка, я забываю... каждый день забываю все больше, ты не представляешь, каково это... — Марина замолчала, и он понял, что она отчаянно сдерживает слезы. Наконец, шмыгнув носом, девушка продолжила: — Я вела записи, чтобы каждое утро читать и вспоминать, но это давалось очень тяжело. Поэтому я проснулась сегодня и увидела дорогу.

— Все верно. — Егор мрачно усмехнулся. — Человек не может оставаться там, где несчастлив.

Она кивнула, подтверждая его вывод.

— И куда ты хочешь отправиться? — как можно более деловито спросил он.

— Туда, где будет много всего. Где будет куча людей и забот. Где я... — Она замолчала и отвела взгляд.

— Где ты не будешь думать обо мне, — закончил за нее Егор и, снова перейдя на безразлично-деловой тон, сообщил: — Думаю, портовый город подойдет как нельзя лучше.

— Везите, смотритель, — согласилась Марина и, подойдя к нему, уселась на раму велосипеда.

— Ну что же... — зачем-то сказал он и, оттолкнувшись, стал набирать скорость, несколько вилая: ехать с пассажиркой было тяжелее.

Некоторое время они молчали. Неожиданно девушка подалась к нему, прижалась лбом к его шее, и он услышал, как она очень тихо произнесла:

— Прости меня, Егор, прости...

Он не ответил, и дальше они продолжали путь, слыша лишь скрип и брэнчание старого велосипеда.

Егор остановился посреди большой улицы. По тротуару непрерывным потоком куда-то спешили люди, а по проезжей части наверняка двигались автомобили, но в пространстве дороги они с Мариной видели лишь примыкающую к пешеходной дорожке серую ленту идеального асфальта.

Марина спрыгнула с рамы и, грустно посмотрев на него, произнесла:

— Прощай, Егор. — Затем повернулась и неспешно пошла к краю дороги.

Почти возле самого барьера она остановилась, словно в нерешительности. На какой-то миг у Егора в душе забрезжила надежда. Но девушка резко обернулась, только чтобы попрощаться.

— До свидания, смотритель! — сказала она спокойным звонким голосом и, ступив на тротуар, быстро растворилась в толпе.

Егор спешил и, используя велосипед как опору, замер, сиясь разглядеть в разношерстном потоке людей знакомую фигуру. Сколько прошло времени, он не мог сказать, но предплечья, которыми он опирался на руль,

затекли. Он перекинул ногу через раму, немного поерзал, устраиваясь в седле, и тяжело вздохнул, прежде чем, оттолкнувшись, начать движение.

Велосипед летел как никогда быстро, ветер завывал в ушах. Егору было о чем подумать. Марина умна и чертовски проницательна: она попрощалась с Егором, но не исключила встречу со зрителем! Об этом же ему говорил и Лео.

А значит, следовало четко решить, кто же он — зритель или Егор. Сейчас — прежде всего зритель, хотя в последнее время Егора в нем становилось все больше. Жизнь, которую он ведет, — это путь зрителя. Если появится кто-то на смену, Егор уступит ему свое место и будет его помощником и консультантом. Совсем не факт, что они с новичком станут друзьями, как получилось у них с Лео. Новый зритель вполне может не навещать своего предшественника или быстро найти себе замену. В любом случае Егор станет обычным человеком, таким же, как Марина, и быстро забудет все, что сейчас с ним происходит. Найдет свое счастье в какой-нибудь местности и, может, даже познакомится с какой-нибудь симпатичной соседкой... Неважно — главное, что он будет просто Егором.

Он вспомнил, как был горд, когда только стал зрителем. Тогда ему казалось, что он в полной мере понимает свою миссию и готов принять на себя весь груз ответственности. Теперь же он не знал, что делать дальше. Хотелось бросить все это, стать обычным человеком — и это выглядело настоящим фиаско! Как он мог после стольких лет, после всего, что увидел и узнал, оказаться таким слабаком?

До самого дома Егор так и не смог найти ответа на этот вопрос. Припарковав велосипед, он, словно не слыша приветствующий его женский голос, молча дошел до своего кресла, сел и, едва успев почувствовать, как умная мебель трансформируется в подобие кровати, провалился в спасительное, восстанавливающее небытие.

После отдыха ему стало намного лучше. Удалось привести мысли в порядок и даже частично вернуть прежнее чувство безмятежности. Оседлав свой побитый временем велик, он первым делом направился к Лео.

— Да уж... — философски изрек старик, выслушав длинный рассказ друга, и затаился трубкой.

— Я помню, — виновато кивнул Егор, — ты меня предупреждал...

— Не в этом дело, Егорушка. Мало ли кто кого предупреждал. Просто мы, люди, странные существа — в личных делах учимся только на своем опыте, постоянно набивая шишки.

Зритель промолчал, не найдя, что сказать в ответ.

— Думаешь, я не прав? — Леонард покосился на его кислую физиономию.

— Не знаю я, что тут думать, — буркнул Егор.

— О чем я и говорю, — проворчал старик и, собравшись с мыслями, стал объяснять: — Все это — наш мир — прямое доказательство, что

человечество, обобщив свой опыт, смогло построить нечто грандиозное. То есть коллективное мы в состоянии осмыслить, переварить и использовать. Но почему в собственных чувствах, куда более древних, чем цивилизация, каждый из нас продолжает блуждать, как в потемках?

Лео замолчал и несколько раз затянулся своим любимым табаком.

— Думаешь, ты первый или последний оказался в этом капкане? Полагаешь, мои или чьи-то еще слова остановили бы тебя?

— Наверное, нет, — задумчиво ответил Егор.

— Даже без «наверное», — подтвердил старик. — Это вечная история того, как голова не может противостоять сердцу.

Они просидели пару часов за разговорами и чаем, а потом Егор, попрощавшись с прежним смотрителем, отправился дальше по дороге.

В этот раз долину он пересек непривычно быстро: больше его тут ничего не держало, в том числе и опустевший двухэтажный дом на одной из центральных улиц небольшого поселка.

Егор притормозил лишь в портовом городе — с глупой надеждой, что Марина будет стоять где-нибудь возле дороги, иначе тут ее никак не найдешь. Он спешил на том же месте, где оставил девушку неделю назад. Сойдя с дороги, прошел пару кварталов и оказался на маленькой уютной площади.

Немного осмотревшись, Егор купил мороженое в небольшом пестром киоске и, сев на лавочку, стал разглядывать проходящих людей. Надежда была призрачной, но он все же сидел и смотрел. Мимо шли счастливые, веселые горожане; кто-то обсуждал, чем заняться после работы, кто-то просто прогуливался... Шелестели золотой листвой посаженные по краям площади деревья. В этой местности царила вечная осень, причем в своей самой красивой поре, когда растительность окрашена в теплые цвета. Для Егора это было по-своему символично.

На площади удивительным образом сочетались брусчатка мостовой, черные фонари в готическом стиле и, как ни странно, вполне гармонирующие с ними футуристичные здания из стекла, бетона и пластика. Кем бы ни был архитектор этого места, он смог мастерски объединить здесь прошлое и современность.

Вот бы и Егору так же профессионально объединить две своих противоречивых черты: ответственность смотрителя и человеческое бунтарство! Впрочем, сейчас ему не хотелось об этом размышлять, хотелось просто сидеть и бездумно наслаждаться протекающей мимо жизнью...

Три часа в парке показались вечностью, но и они закончились. Погрузившийся в вечерний мрак город остался позади. «Теперь уже все равно...» Егору стало несколько легче от этой мысли. Завтра Марина ничего не вспомнит, и даже если они встретятся, то она его просто не узнает.

Может, это и к лучшему? Она будет счастлива в этом шумном и прекрасном городе, а Егор продолжит колесить по миру в надежде, что однажды она снова захочет выйти на дорогу. Тогда они снова смогут

поговорить, пусть недолго, и пусть она затем снова все забудет — главное, что он услышит ее голос и сможет сказать, как скучал...

— Сочувствую, друг мой, — произнес Леонард. — Но это, скорее всего, к лучшему.

— Может быть, — еле слышно выдал из себя Егор и уже громче добавил: — Мне от этого не легче.

Старик лишь вздохнул и затаился трубкой: было понятно, что любая реплика будет бесполезна.

— Я понимаю, что веду себя глупо и нерационально, — нарушил тишину Егор.

Лео лишь засмеялся в ответ, а отсмеявшись, пояснил:

— Хорошо, что ты это понимаешь, но разве не проще перестать вести себя неразумно?

— Я и пытаюсь, — вздохнул Егор, совсем не обидевшись на друга.

Обижаться был смысл только на себя, ведь его задача как смотрителя помогать людям, а не мучить себя и других.

— Знаешь, я благодарен тебе, что ты меня не бросил. Что приезжаешь каждый раз и тратишь время на такого ворчуна, как я, — начал Леонард. — Я-то свою «тень» отпустил уже через пару месяцев. Бедняга был знатным занудой, а мне совсем не хотелось слушать его нравоучения и многословные истории...

— Постой-ка, — перебил его озадаченный Егор, — помнится, ты мне говорил совсем другое.

— Разве? — Лео почесал переносицу. — Ах да, давно это было! Ты же тогда только стал смотрителем. Если бы я правду сказал, то ты, поди, оставил бы меня.

— Лео! Что за глупые мысли! Мало ли что там было. Я всегда ценил тебя за твой ум и жизненный опыт.

— Может, ценил, а может, терпел старого ворчуна. Дело-то не в этом, а в том, что «тень» и нужна смотрителю, чтобы было с кем поговорить. Что я могу тебе советовать? Когда ты встречаешь на дороге человека, то сам лучше, чем кто-либо, знаешь, куда его отвезти, в этом сущность смотрителя. Те, кого ты направляешь, как амебы — счастливы, но быстро все забывают. О чем с ними можно поговорить? Есть, конечно, такие уникамы, как твоя Марина, но даже она обречена забывать...

Лео прервался на новую затяжку, потом сказал:

— И чтобы от общения с этими амебами смотритель не слетал с катушек, ему и дается «тень». Ты поступил мудро, а я настрадался, отпустив свою «тень». Можешь себе представить, приезжал в разные места, бродил там и говорил с местными, а собеседник смотрителя всегда начинает вспоминать...

Старик печально улыбнулся.

— Ох и попортил я настроение разным людям! Впрочем, они все равно всё забыли. — Лео фыркнул и продолжил уже нравоучительным тоном: — К чему я это. Марина твоя тебя забудет и станет жить как

ни в чем не бывало, а вот тебе с этим смотреть. Забыть, конечно, не предлагаю: все равно не сможешь. Но придумай себе какое-то занятие, отвлекись от нее, а там уже время подлечит.

Лео замолчал, и они какое-то время сидели, погрузившись каждый в свои мысли.

Наконец Егор поднялся:

— Что же, спасибо за совет, Лео.

— Если ты больше не вернешься, то я пойму... пока не забуду, — с легкой грустью произнес старик.

Уже направившийся к выходу смотритель замер.

— Брось, Лео! Я если на кого и обижен, то только на себя, — сказал он, не оборачиваясь. — Просто мне нужно подумать в одиночестве.

Подумать он решил на той же площади, где в прошлый раз ел мороженое. Сейчас сюда его привела даже не столько надежда увидеть Марину, сколько желание почувствовать ту же безмятежность, что и в прошлый раз, просто глядя на проходящих мимо людей.

Конечно, появившись тут Марина, он бы был очень рад ее увидеть, но не побежал бы к ней — наоборот, постарался бы скрыться с ее глаз, так как уже решил для себя, что, как смотритель, не имеет права на какие-то личные отношения, кроме душевных бесед с Лео.

Выждав чуть больше часа, Егор вернулся на дорогу и поехал отдыхать. Уже через сутки память Марины о нем невозможно будет восстановить. Конечно, при личной встрече он будет вызывать у нее какие-то воспоминания, связанные с дорогой, но вряд ли что-то кроме них. Впрочем, это действительно к лучшему.

Егор почувствовал облегчение, даже несмотря на тяжесть потери.

Портовый город с тех пор стал его излюбленным местом. Теперь он заезжал сюда постоянно, сразу после визитов к Лео. Иногда покупал что-то съедобное все на той же площади, но чаще просто сидел на лавочке и смотрел на гуляющих людей.

Между тем за последнее время появились еще двое вышедших на дорогу. С одним смотрителю пришлось изрядно помучиться, прежде чем нашлась удовлетворившая его потребности местность. Это помогло Егору войти в прежнюю колею, и он надеялся, что это действительно рабочие моменты, а не попытка системы помочь ему справиться с кризисом.

Впрочем, вряд ли система стала бы так заботиться о смотрителе. Если бы с ним все было так плохо, его бы просто заменили или активировали ему в помощь еще одного. В ранние времена на дороге одновременно дежурили больше десятка смотрителей, и им совсем не приходилось скучать. Тогда у смотрителей даже не было «теней» — зачем, если можно пообщаться с коллегами.

В общем, все шло своим чередом. Егор, смирившись, не забывал о Марине, но больше не искал с ней встречи. Все же он пристрастился

к отдыху на площади, для него это стало своеобразной традицией и возможностью почувствовать себя частью городской жизни.

Вот и в этот раз он просто сидел на лавочке в тени старого разросшегося дуба и думал о чем-то далеком и приятном. Поэтому даже вздрогнул, когда к нему вдруг кто-то обратился:

— Смотритель... Егор!

Он поднял взгляд и обомлел.

— Марина...

— Да, это я! — просияла девушка.

— Но... как? Откуда? — изумленно спросил он, чувствуя, как быстро забилось сердце.

Такого не бывает. Люди не вспоминают его просто так, для этого он первым должен к ним обратиться. Однако Марина стояла перед ним, веселая и прекрасно понимающая, кто он такой, это читалось в ее взгляде.

— Не знаю, — честно призналась она. — Просто утром проснулась, все вспомнила и увидела, как наяву, что ты сидишь тут на лавочке. Вот и прибежала.

Несколько секунд Егор просто сидел и любовался ею. Какая все же она красивая! А он ведь стал даже забывать ее образ... Сколько времени прошло? Почти год, где-то полсотни его дней.

Марина села рядом и спросила:

— А ты что тут делаешь? Просто сидишь?

— Ага, — только и смог ответить он.

— Так и не смог забыть, я рада. Но у меня есть к тебе одна просьба. — Она улыбнулась и уставилась на него совершенно невинно, но при этом беззастенчиво.

— И чего ты хочешь? — удивленно спросил он, не ожидавший от нее такой напористости.

— Хочу прокатиться на твоём велосипеде, — заявила она. — Когда шла сюда, видела, он лежит там, на дороге.

— Ясно. — Егор сразу все понял и почувствовал невероятное облегчение. Встав с лавки, он протянул ей руку: — Пойдем.

Они шли, держась за руки, по дубовой аллее, под колышущейся золотой листвой, а перед ними в недоумении расступались люди, словно чувствуя, что они не простая парочка. Егор ощущал себя очень счастливым. Впрочем, где-то на краю сознания у него появилась мысль, что это все игры системы и что он не желает Марине той участи, к которой она стремится. Он ведь отпустил ее и дал ей нормальную жизнь совсем не для этого. Но теплая и нежная рука, сжимавшая его ладонь, оттесняла эту мысль куда-то глубоко, заполняя его счастьем.

Когда они вышли на дорогу, Егор все же замер рядом с велосипедом и остановил Марину, развернув лицом к себе.

— Подожди! Прежде чем ты возьмешь велик... Знаешь, к чему это приведет?

— Нет, — совершенно спокойно ответила она.

— Ты станешь зрителем вместо меня. Ты это понимаешь? — взволнованно спросил он.

— Так это же хорошо! — восторженно ответила Марина и, потянув его за руку, добавила: — Пойдем скорее!

Егор вдруг отчетливо вспомнил, как сам шел забирать велосипед у Лео: тогда ничто не могло его остановить. Уж точно не какие-то слова — так в их сознание вмешивалась система. Хорошо это или плохо — решать не ему. Для той задачи, для которой система создавалась, такое подавление свободы выбора было вполне оправданно. В любом случае не ему, с его мелочными проблемами, вмешиваться в этот сложный процесс.

Егор отпустил Маринину руку и, подняв с земли велосипед, наклонил его к девушке со словами:

— Бери, теперь он по праву твой.

Она произнесла:

— Спасибо! — и взялась за руль.

Как только Егор передал ей велик, тот сразу заискрился и стал меняться. Буквально через десяток секунд Марина держала за руль уже не старый, побитый временем велосипед, а новенький стильный электроцикл.

— Что с ним случилось? — удивленно спросила она. К ней, судя по голосу, вернулось прежнее трезвомыслие.

— Так и должно быть, — ответил Егор. — У Леонарда тоже был велосипед, но не такой, как у меня. Он так же изменился, когда я впервые его взял.

— Это даже не велосипед, — разглядывая транспортное средство, констатировала Марина.

— Дорога подбирает людям тот транспорт, который отражает их внутреннюю суть, — повторил Егор слова Лео, когда-то сказанные ему.

Марина принялась изучать новую игрушку. Затем села, сделала пару кругов, вернулась к бывшему зрителю и спросила:

— Полагаю, теперь я должна отвезти тебя куда пожелаешь?

— Верно, и теперь я становлюсь твоей «тенью». Иначе говоря, пока ты навещаешь ко мне, как я к Лео, я буду все помнить. Забывать начну только через четыре недели, на шестую стану обычным человеком, как все остальные. Даже если ты после этого приедешь ко мне, я буду помнить только то, что произошло накануне, как ты после возвращения с горы, — по-деловому пояснил Егор.

— Поняла, — ответила девушка и неожиданно улыбнулась: — Ирония в том, что теперь мы меняемся ролями. Твоя очередь страдать, дожидаясь встречи.

— Да, — грустно согласился он. — Если, конечно, ты захочешь приезжать ко мне.

— Перестань.

Она спешила и подошла к нему. Они обнялись.

Марина тихо произнесла:

— Дурашка, я же люблю тебя. — Затем, выдержав значительную паузу, отстранилась и спросила: — Так куда тебя отвезти?

— Отвези к Лео. Он уже завтра все забудет, но у нас еще есть время поговорить. Да и я смогу с ним снова подружиться, уже как обычный человек.

— Хорошо, поехали.

Она села на свой байк, Егор устроился сзади и обнял ее за талию.

— Держись крепче, это не твой дребезжащий велик! — хохотнула Марина и так резко рванула с места, что Егор едва удержался в седле.

— Ты видишь дорогу? — уже второй раз переспросил Лео.

— Вижу, — спокойно произнес Егор, понимая, почему так удивлен и встревожен его друг.

— Эх... — тяжело вздохнул старик, сегодня даже не притронувшийся к своей любимой трубке. — Я привык ее видеть постоянно. Она была так красива на закате! Самое печальное, что завтра я об этом и не вспомню.

— Не печалься, я буду описывать тебе то, что вижу.

— Стараюсь не печалиться. — Леонард снова вздохнул и улыбнулся, как бы говоря: «Плохо получается».

Некоторое время они просто тихо сидели, смотря на уходящую вдаль серую ленту дороги. Вернее, Егор видел дорогу, а Лео — лишь быстро текущую в зеленых зарослях тропу.

— Знаешь, а я рад, что получилось именно так, — нарушил тишину старик. — Я иногда думал, как это будет. Что смотритель когда-нибудь предаст свои полномочия другому — и я просто все забуду. Обидно.

Он встал, подошел к столу и начал набивать трубку. Егора это успокоило: значит, Лео возвращается в норму.

Вернувшись в кресло и сделав несколько затяжек, старик сказал:

— А потом — ваша с Мариной история, вроде бы такая обычная, но, наверное, самая трагичная за последние несколько сотен лет нашего мира...

Заметив выражение лица Егора, он взмахнул трубкой и заявил:

— О, поверь, я не преувеличиваю! Да ты и сам должен понимать, ну не считать же настоящей жизнь остальных.

— Почему же нет? Они все живут вполне нормально.

— Да брось! — Лео хихикнул. — Тут все создано, чтобы они были счастливы, какие уж тут трагедии. Чуть что не так — они бегут на дорогу.

Егору оставалось лишь кивнуть в знак согласия.

— Вот я и говорю, все неплохо получилось, конечно, вы лишь поменялись ролями. Но поверь, как «тень» ты будешь переносить разлуку куда проще. Так что я рад за вас, и мне не так печально уходить.

— Я завтра приду к тебе в гости — знакомиться.

— Хотелось бы мне это увидеть! Зная мой сварливый характер...

— Ты это не только увидишь, но еще и обложишь меня матюгами, — заметил Егор.

Оба засмеялись, представив себе эту картину.

— Вот что, — произнес, успокоившись, Лео, — у меня в баре, в самом углу, прикрытый простыми бутылками, марочный коньяк. Такого уже, наверное, и не достать... В общем, тащи, лучше случая уже точно не представится.

— Ого, уже бегу! — И Егор, встав, направился к бару, отмечая про себя, что прощание со старым другом проходит куда лучше, чем он думал.

Марина выжимала из своего нового транспортного средства максимум, летя по дороге на дикой скорости. Стоило ей только оставить Егора, как на нее нахлынули воспоминания — воспоминания, которых она не ждала и совсем даже не хотела. О старой жизни, такой старой, что, казалось, была даже не совсем ее. О том, где она, что вокруг и почему все это происходит. Похоже, у нее потекли слезы, не от жалости и уж тем более не от горя, скорее от переизбытка нахлынувших самых разнообразных чувств, пришедших с воспоминаниями. Она не знала, плакать ей или смеяться, и, чтобы хоть как-то справиться с этим, давила на ручку газа все сильнее, заставляя электродвигатель урчать на предельной громкости.

Наконец дорога закончилась, уткнувшись в приземистое здание, наминавшее ангар. Возле двери уже была стойка для парковки ее байка. Загнав электроцикл в зарядное устройство, Марина вытерла слезы и направилась внутрь. Она оказалась на светлой дорожке, идущей через темную бездну, полную звезд, и, оглядевшись, медленно пошла вперед.

— Приветствую нового смотрителя, — раздался мелодичный женский голос. — Я Аура, ваша помощница на все время вашего дежурства.

— Очень приятно, Аура, — машинально произнесла немного опешившая Марина.

— Мне тоже очень приятно. У вас есть вопросы или просьбы?

— Да, — почти не задумываясь, ответила смотритель. — Покажи мне меня, если можно.

— Конечно, можно, — ответила Аура и попросила: — Сделайте несколько шагов вперед.

Марина послушалась — и оказалась в огромном зале, заполненном рядами белоснежных капсул, одна из которых была прямо перед ней. Девушка сделала еще несколько шагов, подходя ближе.

На капсуле светилась зеленая надпись: «Марина Белова, состояние превосходное». Окошко капсулы стало прозрачным, и девушка, как в зеркале, увидела саму себя.

Впрочем, нет, не как в зеркале: лицо той, что в капсуле, было безмятежно расслаблено, а глаза закрыты.

«Похоже, мне потом придется скинуть несколько килограммов», — подумала Марина, разглядывая более округлые черты той себя, что лежала в капсуле.

— Внешность можно синхронизировать, — произнесла Аура.

— Нет, не надо. Сейчас я себе более привычна.

Постояв еще немного, Марина сделала несколько шагов в сторону, рассматривая огромные стеллажи капсул.

— Так сейчас выглядит пассажирский отсек, — услужливо пояснила Аура. — Из двух миллионов человек погибло сорок восемь, что много ниже предполагаемых потерь.

— Как долго мы уже летим? — спросила Марина.

— Пройдено семьдесят три процента пути за четыреста шестьдесят восемь лет и шесть месяцев. Состояние «Надежды» хорошее, повреждение обшивки не более восьми процентов, все системы функционируют штатно. Оценка вероятности успеха достижения Шедар — сто процентов.

— Спасибо, Аура.

Зал с капсулами померк, и Марина вновь оказалась на тропе посреди бесконечного звездного неба.

— Это трансляция с внешних камер корабля, — пояснила Аура. — Но я могу заменить ее любыми земными пейзажами.

— Не стоит, Аура.

— Как пожелаете, — ответил компьютер и, когда перед девушкой из пола вылезло эргономичное кресло, предложил: — Присядьте, смотритель. Вам необходим длительный отдых для снижения нагрузки на нервную систему во избежание ее повреждения.

— Спасибо, — автоматически ответила Марина и подошла к креслу.

Но не торопилась сесть. То, что она вспомнила, было невероятным для нее, живущей в этом мире, но и для той, что жила до посадки на корабль, происходящее тут казалось очень странным. Словно девушку разделили на две личности, с опаской смотрящие друг на друга, хоть и понимающие, что они одно целое.

Зато теперь она знала главное — что именно происходит. Для длительного межзвездного перелета всех людей на корабле погрузили в своеобразный стазис, при котором все процессы организма замирают, словно встают на паузу, способную длиться если не вечно, то несколько тысяч лет. Проблема была лишь в одном: сознание человека, поставленное на паузу, уже через десять лет деградировало до такого состояния, что выдержанный из стазиса человек был словно младенец. Попытки как-то обойти эту проблему в конце концов свелись к тому, что человека в состоянии паузы подключали к компьютерной системе и он, продолжая жить в виртуальном мире, оставался самим собой.

Вот только если речь шла о сотнях лет полета, то никакие компьютеры не могли выдержать полностью загруженное в них сознание тысяч человек. Тогда был придуман гениальный ход: люди в симуляции, получив личностную матрицу, проходили очистку памяти. Периодически память точно подчищалась. Все, что не было нужно для гармоничного существования сознания, стиралось, и это позволяло, экономя ресурсы системы, сохранять личность по завершении стазиса.

Для «Надежды» также был придуман хитрый способ отбора людей по специализациям. Виртуальный мир разделялся на множество зон, в которых моделировались разные условия. Люди с определенными

личностными качествами, необходимыми для их специализации в отряде колонистов, приживались в такой местности, где структура их психики и профессиональные навыки закреплялись и оттачивались.

Смотрители дороги были модераторами этого процесса. Выбираемые так же по определенным качествам, они полностью сохраняли свою память и помогали остальным определиться с тем, какая зона им больше подходит в данный момент. Всех тонкостей процесса — например, зачем смотрители вызывали задержку стирания памяти — Марина не знала. Впрочем, это было и не особо важно, главное — она знала, как и зачем система работает. — Можно еще вопрос? — спросила она Ауру.

— Конечно, смотритель.

— Что будет со всей памятью, полученной людьми во время полета?

— По первоначальному плану она должна была просто очищаться, — ответила Аура, затем добавила: — Но подобный вопрос я очень часто слышу от смотрителей, поэтому перед выходом на орбиту целевой планеты все смотрители будут реактивированы и им будет предоставлено достаточно времени для решения этой проблемы. Вы удовлетворены ответом?

— Вполне.

— В таком случае рекомендую вам отдохнуть.

— Хорошо, я так и сделаю. Но прежде можешь сказать, почему я?

— Вы соответствовали требованиям, — сообщила Аура и, немного помедлив, все же добавила: — Я поняла, что вы хотите знать, смотритель. Состояние тех, кто становится смотрителями, отслеживается точно так же, как и остальных людей. Когда смотритель становится несчастен, он заменяется на другого подходящего кандидата.

— Да, но это не ответ на мой вопрос.

— Разве вывод не очевиден?

— Возможно, но я хочу получить четкий ответ.

— Хорошо, — сдалась Аура. — К сожалению, замена на другого смотрителя не сделала бы Егора счастливым. Став «тенью», он бы продолжал все помнить, и, чтобы это исправить, нужно либо менять правила, либо искать выход в рамках существующих. Проверив ваши параметры, я выяснила, что вы подходящий кандидат на роль смотрителя, а ставший вашей «тенью» Егор весьма быстро вернется в состояние душевного равновесия.

— Все так просто... — Марина усмехнулась и спросила: — А что произойдет, когда подойдет моя очередь становиться чьей-то «тенью»?

— Я привыкла решать проблемы по мере их появления, а ваши отношения не поддаются долгосрочному анализу, — заявила Аура и потребовала: — Настоятельно рекомендую вам отдохнуть. Индекс вашей личности неуклонно приближается к критическому. Отдых позволит вам собрать себя воедино.

Марина вздохнула и села в кресло, чувствуя, как оно распрямляется, превращаясь в подобие кровати, а затем ее сознание стремительно скользнуло в водоворот сна.

Найти Егора оказалось несложно: он занял ее дом в долине. Марина припарковалась у обочины и вышла к стоящему на крыльце возлюбленному.

— Ну как, мозгораздирательный был «вечер»? — дружелюбно поинтересовался Егор.

— Еще какой, — ответила Марина и невольно потянулась пальцами к вискам. — У всех зрителей так?

Он кивнул и добавил:

— Лео вроде рассказывал, ходили слухи, что пара зрителей не пережила этого.

— Ого, а что Аура сказала?

— Сказала, это лишь слухи. — Егор пожал плечами. — Но гарантий, что она не врет, нет.

— Это ты меня так подбодрить хочешь? — Марина нахмурилась.

— Нет-нет, что ты! — Он заулыбался. — Просто глуповато пошутил.

Марина тяжело вздохнула и, чтобы сменить тему, поинтересовалась:

— Здесь будешь жить?

— Да, если ты не против. Дом хороший, мне нравится.

— Конечно, живи. Это лучше, чем если он будет пустовать.

— Пойдем внутрь, я обед приготовил. А то стоим на улице, привлекаем внимание...

— Давай, я как раз проголодалась.

Обед оказался достаточно вкусным. Приготовил его сам Егор или это была доставка, Марина из вежливости уточнять не стала. Главное, за едой они болтали о том о сем, пока разговор как бы случайно не коснулся Леонарда.

— И как там Лео? — поинтересовалась Марина.

— Как тебе сказать... В тот момент, когда замахивался на меня палкой и кричал что-то о гнусных нарушителях чужого покоя, — выглядел грозно. Хотя потом мы с ним таки подружились, — бодро стал рассказывать Егор. — Он сам придумал план. Перед тем как потерять память, отдал мне свою трубку: мол, я ее нашел на тропе, когда проходил мимо его дома. Как ни странно, сработало и сильно помогло для восстановления дружеских отношений с новым Лео. Я уже пару раз навещался к нему, поболтали вполне по душам.

— Это хорошо. Я знаю, как тяжело терять старых друзей. — Марина ощутила грусть, в памяти всплыли картины столь давно минувших дней, что даже стало не по себе.

— Марина, ты чего? — заметив ее состояние, забеспокоился Егор.

— Да так, вспомнилось кое-что, — успокаивающе ответила девушка и, чуть подумав, вдруг спросила: — А ты зачем полетел в космос?

— Глупо, наверное. Хотел чего-то нового, увидеть иной мир... В общем-то, это и все.

— Почему же глупо? Вполне понятная цель. Все мы в той или иной степени любопытны.

— Это да. Но также и глупы.

Марина посмотрела на него вопросительно.

— Я хотел извиниться за те свои визиты. — Егор опустил голову. — Я не до конца понимал, каково это — ждать целую неделю, маяться, особенно если твоя память потихоньку исчезает. Последнее до конца в полной мере я не смогу понять, но видел, как это было с тобой, и видел, что стало с Лео. Я бы никому такого не пожелал! Но я приезжал и мучил тебя так долго... даже не представляю, как ты можешь теперь так спокойно со мной говорить.

— Оставь, — произнесла смотритель. — Это правила системы. Мы прекрасно знаем, зачем они такие и для чего установлены. Просто мы все люди, а значит, так или иначе будем пытаться их ломать.

— Но я вел себя крайне эгоистично, — зачем-то возразил он.

— Возможно. Но я бы не сказала, что смотрителю так уж легко: я села в кресло и забылась, оставив тебя со всеми проблемами и мыслями на целую неделю. Только когда испытаешь это сам, понимаешь, насколько тебе тогда тоже было непросто.

— И сколько мы теперь так продержимся?

— Думаю, столько, сколько нужно, а потом, когда прибудем на место, надеюсь, сможем начать уже все по-настоящему в новом мире.

— Ты уверена, что не разругаемся? — с тревогой спросил Егор.

— Я ни в чем не уверена, — ответила Марина с легким возмущением. — Ни в том, что кто-то из нас не умрет или сможет нормально выйти из стазиса. Даже в том, что корабль завтра не взорвется. И что теперь? Все бросить, замкнуться в себе и ждать у моря погоды?

— Нет, — ответил он, немного помедлив. — Конечно, нет. Если уж упал с горы, почему бы не попытаться полететь?

— Именно. Мало ли что там будет дальше. Может, нам все же сотрут всю память о полете... Может случиться что угодно, но, если мы не будем пытаться делать то, что считаем правильным, кем мы тогда будем?

Егор согласно кивнул и не нашел что ответить, поэтому Марина продолжила:

— Знаешь, я уже однажды бежала от своей жизни. Бежала настолько далеко, насколько смогла. — Она грустно вздохнула. — А теперь куда мне бежать отсюда? При всем желании некуда, да я и не хочу уже, иначе придется убежать всю оставшуюся жизнь.

— Ты права, тут остается убежать только от себя. И сейчас только мы двое на этом корабле можем этого не делать.

— И не будем, — твердо заявила Марина. — Может, я и не знаю, что именно нас ждет в будущем, но я знаю, что будет завтра — я встану из кресла и поеду к тебе, и, пока корабль летит, у нас впереди еще двести лет этой «муки»...

Тимофей НИКОЛАЙЦЕВ

ТЯГУЧИЕ ЦЕПКИЕ ВОДЫ

Р а с с к а з

Левиафанов день выпал сегодня на долю лоцмана Ирвы.

Саам повторил это про себя, глядя с мостков на вечный и тягучий напор реки.

Что теперь стонать, что теперь корчиться, что хлопать себя по бестолковому лбу? Что рвать на голове спутанные патлы? Ни к чему это...

Ничего это уже не решит и не исправит. Левиафан извечно смотрит на тебя из реки, распластав прозрачное жидкое тело по дну. Река темна... река мутна после дождей... по реке плывут взбитые пузыри, древесный и лиственный сор. Закручиваются водовороты, открывая белесую изнанку воды. Говорят, это бельма в глазах Левиафана. Река неторопливо смаргивает их, выталкивает на стоячую воду заводей, и стрежень реки уже почти чист.

Ошметья коры и щепки качаются на воде, словно игрушечные лодочки. Множество их прибило под доски причалов, и, бултыхаясь, они скребутся снизу, будто просясь на волю. Но течение шлепками мокрых ладоней загоняет их все глубже, в скользкое от водяной гнили нутро.

Гулко шлепает вода, обгладывая дощатый край мостков. Говорят, это Левиафан дышит с темного дна. Время от времени ему надоедает лежать без движения на глубине и он поднимает к поверхности свою украшенную бурунами голову, в космах которой запутались кости топляка, — и тогда, разомкнув жадную пасть, он сглатывает кого-либо — просто так, без всякой цели и без всякого выбора. Так это бывает — расходятся волны, обнажая знобкую стремнину языка и коряжистое горло, булыжники донных камней лязгают друг о друга, перекусывая хребет плоту, с треском и хрустом оживают тогда ползучие бревна под ногами. И люди, и груз скачут по ним, как блохи по зубьям банного гребня, — спаси и сохрани. Брызги фонтаном ударяют меж бревен, словно и впрямь кто-то огромный нырнул под плот и дохнул снизу пузырящейся, вспененной водой. Ничего не сделаешь тут. Левиафанов день может оказаться любым из следующих дней твоих. И тогда, скача по взбесившемуся настилу плота, можно лишь гадать и молиться, чтобы день этот оказался чьим-то, но не твоим.

Кто-то непременно уйдет тогда в мутную воду, чтобы никогда из нее не вернуться. Пусть только не ты, пусть не ты...

Так сегодня и случилось. В точности так...

Когда на ровном месте, на чистом стрежне, на сплавной тропе, хоже-ной уже сотни раз, вдруг оскалился из воды заостренный клык топляка, Саам отчего-то почувал сразу, что Левиафан всплывает сегодня не по его душе. Он хотел было оглянуться на лоцмана Ирву, но не успел — плот вдруг ударило снизу и швырнуло, аж приподняло. Осевые бревна затре-щали, какой-то миг сопротивляясь напору, ломавшему плот, но треск поч-ти сразу же сменился хрустом... балки лопнули, выскочив из пазов, ве-ревочные узлы хлестнули и ослабли — и заплясали бревна, задержалась опора, выворачиваясь из-под ног. Оглушительно переломилась кормовая гребь, и щепка полетела высоко вверх — намного выше голов. Плот накре-нился и кормой вперед скользнул под цепкую воду, роняя с настила людей, тюки и бочки. Река поднялась и хлынула через плот, который был теперь не плавучим островом, а деревянной мелью, — и, кружа водоворотами, понесла прочь все барахтающееся и плавучее. Вода рябила от всплесков. Потом плот рывком освободился — словно выплюнула его пучина. Ша-рахнулась из воды притопленная корма, мотнув размочаленными облом-ками погребницы*. Но лоцмана Ирвы уже не было видно при ней. Саам упал на локти и, вцепившись в настил плота, долго глядел сквозь воду, на-сколько она пускала взгляд... но нигде его не нашел — ни подводного парус-са куртки, что плавником взмахнула бы напоследок... ни взмоченной пакли волос... Одна только зеленая рябь да пузыри с далекого дна.

Сглотнул Левиафан лоцмана Ирву. Сглотнул кормильца и воспитате-ля. Искорежил плот, истребал и ополовинил поклажу. Он, словно ночной грабитель, безжалостно вывернул карманы Саама и приотвешей его се-мьи — мгновенно, но основательно вычистив все, что было ценного. Пу-сты теперь карманы Саама.

Саам поежился и утопил руки поглубже в карманах полотняного пла-ща. Потом почудилось ему движение в наплывающих сумерках — он вгля-делся туда. Последние две лодки возвращались к пристани. Они были пу-сты — шли больно уж ходко. Вот подняли весла, вывесили их над водой. Заскребли деревянные борта о торцы досок. Ни в одной лодке, ни в дру-гой не было ничего даже на дне — только темная вода ополаскивала го-ленища сапог гребцам и ловчему. С задней лодки выставил багор смутно знакомый ловчий — толкнул им переднюю, что замешкалась у сходней. Саам поспешно отвернулся, чтобы прибывшие не увидели его лица... не увидели бледной тоскливой паники на нем. Все, что удалось выло-вить из реки, откисало сейчас на берегу. Приказчик, который осматривал и записывал спасенный груз, посмотрел на лодки мельком и сделал знак рукой, чтобы мужики обвязывали куцый штабель. Вся поклажа с раз-битого плота уместилась под единым куском парусины. Мужики, тихо пе-реругиваясь, разматывали веревку и тянули узлы. Саам побрел прочь — сначала по одним доскам, качающимся и плюхающим, потом по другим, что вминались и чавкали... наконец, просто по грязи... по мелкой вытоп-танной траве... по раскатистой и твердой булыжной мостовой. Он шел

* Погребница — на плоту: большая уключина для гребки (кормового весла).

бесцельно, а потому шел медленно — уже и лодочники выволокли лодки, перевернули их пузами кверху. Управившись, они гурьбой потопали следом. Саам издали услышал, как они бухают сапогами и сипят промокшими портянками. Довольно быстро его нагнали, но не стали останавливать и требовать денег — Левиафанов день был сегодня для утонувших и выплывших. Не время взыскивать долги, а время пить и горевать, обхватив голову руками.

И Саам пошел туда, где ожидали видеть его этой ночью. И лодочники, чуть приотстав, тоже пошли — держа его как бы в центре большой молчаливой подковы. Благо, что топать было недалеко. Саам высоко поднял воротник, хоронясь от взглядов из окон — жалеющих вроде, но пристальных и хмурых, как бы оценивающих — насколько ссутулена его спина, насколько шаркает походка... Не задумал ли чего? Идет ли в кабацк праздновать чудесное свое спасение или пропивать последние медяки, куда и их назавтра не отобрали. Все, кому Саам вдруг стал должен в тоскливый этот день, потащились за ним, неотвязно и молча, до самых кабацких дверей. Не оставят они его, не спустят глаз и, уж конечно, не дадут выйти — ни к околице, ни вниз, к реке и мосткам, к черной спасительной воде — последнему приюту разоренного.

Заскрипела дверь, и притих при его появлении гомон и пересуды — вести летят быстрее крика, быстрее всплесков и треска бревен с воды, летят на пятках босоногой пацанвы, на коромыслах баб. Его уже ждали тут — молча раздались с самого края, освободили стол у стены, затеплили желтый керосиновый огонь. Поднесли выпить... настороженно поднесли — без пожеланий, без хлопков по плечам... выставили на стол одинокий штоф и мятый жестяной стакан, который выбросить не жалко, когда он допьет и сморится. Положили ломаный каравай, крупную соль горкой поверх. Он сел и пил... и смотрел долго-долго в закопченное стекло, где прыгало шаткое пламя, а потом и в глазах стало по-копченому темно... и он лег тогда лицом на твердые шершавые доски, отодвинув рукавом хлебные крошки и крупинки рассыпанной соли, чтобы не впились они в горячую твердую кожу лба, и... прежде чем уснуть, прежде чем забыться сном черным и тревожным, как омут... увидел он в щели промеж досок свои тряские, ходящие ходуном колени — те стукались одно о другое, и звук этот был — как от трения двух сосновых поленьев, сухих и щепастых...

Еще даже утро не пришло, как опять протяжно заскрипела дверь, и многие шаги продавили половицы; потом задвигали стульями — и тогда Саам поднял голову со стола, провел пятерней по щеке и по лбу и остался доволен пусть только тем, что ничего не просыпалось из-под его ладони. Он был хорошим плотогоном, в этом никто не мог бы сказать ему поперек, да и лоцман Ирва, утопший вчера, знал этот участок реки так же хорошо, как хозяин знает свой двор. Левиафанов день случается даже у лучших плотогонов, чего уж теперь... Их было четверо, сидящих напротив. Саам не знал, с кем вел дела Ирва и чьим был вчерашний груз, — его место было у носовой гребни, и только. Но лица трех людей, оседлавших

стулья, были ему знакомы. От них всех одинаково кисло несло лошадыми, как от погонщиков, да и их собственный пот, напитавший одежду, еще не вполне просох. Чем богаче одежда, говорят, тем виднее на ней пот и грязь дороги. Саам мигнул и нахмурился, стараясь скрыть страх, закипающий внутри. Черные бороды двух братьев были густы и курчавы кольцами, и словно яркое утреннее солнце просвечивали сквозь эти бороды золотые зубы... а выше, под черными же кустистыми бровями, пучились на него бешеные глаза. Саам лихорадочно гадал, что из потерянного груза принадлежало братьям Сарпетян, хотя что тут гадать — это же разбойники, — не мешки с мукой же, не бочки с рыбой... Должно быть, те два окочеванных жестью тяжелых сундука, над которыми лоцман Ирва трясся, как курица над яйцом, — поместил в самый центр плота и накрепко принайтовал их к самым толстым, опорным бревнам, обложил вокруг и поверх прочими мешками и тюками. Ни одного из сундуков не осталось на обломках плота, потому как именно эти бревна переломил Левиафан — Саам с тоской припомнил плещущий брызгами пролом в середине и как трепыхалась в нем трубаха разворошенных и перекрученных волнами алых и синих тряпок — точь-в-точь как внутренности в распоротом брюхе. Владелец этих дорогих крашенных тканей тоже был здесь — сидел на стуле верхом, будто под ним все еще находилась скачущая во весь опор лошадь, кнут в яростной бледной руке извивался как змея — то крутился раздвоенным концом по половицам, разметая сор от вчерашнего застолья, то лкнул к голенищу мягкого сапога. Он был взбешен и опасен нисколько не меньше, чем братья Сарпетян, потому как был богат — владел десятью красильнями, и полями льна, и ткацкими мастерскими, и бог весть чем еще владел, а таким богатством трудно владеть, если ты не опасен. А вот четвертого из пришедших по его душу Саам видел впервые и удивился, когда этот четвертый заговорил вдруг первым — ни яростные братья, ни всадник, терзающий кнут, отчего-то не решились ни начать раньше, ни прервать его. Значит, решил Саам, этот невысокий невзрачный человек и есть самое главное мое несчастье, с ним нужно говорить и он будет решать, какой будет отныне моя жизнь... и будет ли она вообще...

Что-то странное было в нем, в этом четвертом...

Он не был похож ни на хозяина, потерявшего груз, ни на приказчика, считающего убытки, — не выглядел сердитым или даже расстроенным. Он поприветствовал Саама, назвав того по имени, и сдвинул шляпу набок — одновременно почтительно и насмешливо.

Он, наверное, снял бы ее совсем, если б под шляпой не таилась обширная плешь, слишком позорная для столь молодого мужчины. Потому шляпа сдвинулась аккуратно до границы плеша, но глаз Саама, наметанный на то, чтобы отыскивать среди бликующей воды малейшие признаки далекой мели, различал эту плешь совершенно отчетливо — по тому, как редуют волосы, словно пучки водорослей, случайно выбравшихся из тихой ямы в быструю воду.

Стараясь не подавать виду, будто заметил плешь, Саам поклонился поочередно братьям Сарпетян и владельцу красилена, чтобы ненароком

не вызвать их гнева, а потом склонил голову перед лысеющим незнакомцем и принялся ждать, когда его о чем-либо спросят.

Странная сосущая тоска наполняла его, как вышедшая из берегов река наполняет водой размытый погреб. Он знал, что будет худо — у семьи, его приютившей, но так внезапно осиротевшей вчера, вряд ли осталось достаточно денег, чтобы покрыть ими хотя бы часть потерянного груза, не говоря уже о тяжелых разбойничьих сундуках. Да и не посмеет он, Саам, помыслить об их деньгах. Доброта приемной семьи имеет свои границы, а уж теперь, после потери кормильца, и вовсе нет у них никакой надежды. Старуха — жена лоцмана Ирвы, две его худые некрасивые дочери, что будет теперь с ними? Одна, без мужа, старуха наверняка сляжет, а девки в отчаянии будут выть над ней. Плачем и причитаниями наполнится изба, и будет скулить, вторя им, лохматый пес — такой же старый, как лоцман Ирва, и такой же невезучий, как Саам. Жалобным бляньем ответят ему костлявые козы, привязанные в траве у высокого берега. Коз, конечно, зарежут. Свернут головы патлатым курам. Возможно, отнимут посуду и навязанные про запас сети. Даже если не погубит семью гнев этих четверых, так ведь и сельские мужики, что доверили лоцману Ирве свои мешки, пройдутся частым гребнем по небогатому хозяйству, по сениям и погребу, по сеновалу, по дровянику, который Саам старательно наполнял, таская вечерами тяжелые колоды от реки.

Вот бы старуха успела хоть что-то припрятать, подумал Саам.

Еще вчера он храбрился, надеясь этот громадный свалившийся долг хоть как-нибудь отработать. Он же хороший плотогон. Владелец краслен, например, мог бы купить хорошего лесу на свой собственный плот — и Саам бы его построил, он ведь умел не только стоять на гребни, но всем плотогонным ремеслам лоцман Ирва его обучил; он без усталости стучал бы топором, делал бы по удару на каждый стук сердца, и все удары пошли бы впрок. Новый хозяин мог бы нанять ему помощников среди бездворовых мужиков — бестолковых, но сильных и согласных трудиться задешево. Он мог бы поручить это Сааму — обслуживать сплавом весь десяток своих краслен и таскать лен с лугов, это ведь будет выгоднее, чем покупать каждый раз место на артельном плоту, — Саам бы водил плот, а мужики бы тянули его через шиверы* и плесы. Да и братья Сарпетян... Тоже могли бы измыслить что-нибудь своим разбойничьим умом, неужели не пригодился бы им смысленый и насмерть обязанный плотогон? Но в проклятый тот день лоцман Ирва связался со всеми троими разом — и такой долг весил куда больше одной человеческой жизни.

И был еще этот... незнакомый четвертый... в присутствии которого не решались нарушить молчания ни бешеные братья, ни богатый мануфактурщик, способный купить хоть пяток деревень, как эта, — вместе с мужиками, бабами и их худыми козами.

* *Шивера* — мелководный участок реки с беспорядочно расположенными подводными и выступающими над поверхностью воды камнями и быстрым течением.

Плешивый незнакомец пугал его до смертного холода, хотя не тряс кулаками и не твердил угроз. Просто буравил Саама взглядом, будто оценивая... будто пробуя его отчаяние на вкус... и не говорил ни слова. Чудилось Сааму, что он слышит, как понемногу растет плешь у того под шляпой.

Потом вдруг зарядил дождь снаружи — Саам услышал, как барабанил, все набирая и набирая силу, по крыше кабака. Тогда плешивый кивнул своей шляпой, словно до того и не раздумывал вовсе, а просто ждал этого дождя. Тотчас ожила, шевельнулась плеть в руках владельца красилен — Саам решил, что тот ударит сейчас ему поперек рожи... но не ударил. Зато оживились, подскочили братья — облапили его, заломили руки, потащили кверху, упираясь курчавыми жгучими бородами.

Они были выше Саама на две его бедные головы — он почти висел у них на руках, едва-едва находя опору каблуками. И опять — не стали его лупить с размаху о столешницу мордой, как непокорную рыбину... просто держали.

А плешивый дал знак еще кому-то — открылись двери, за ними был сплошной поток воды с неба, и оттуда, снаружи, прямо сквозь дождь протащили длинный ящик на веревочных петлях. Саам, обмирая, решил — то его гроб вносят прямо в кабак... но ящик со стуком швырнули на ближайший широкий стол и раскрыли ломами — он оказался не гробом, и в нем было не тело, а что-то похожее на доспех из кольчуги, только черное, а не стальное серое. Помощники растянули это на руках и примерили к Сааму — так буднично и просто, что тот помимо воли принялся вырываться. Он мельком разглядел плотную ткань, пропитанную резиной, увидел трехслойный складчатый воротник в лямках ремней. Потом из ящика достали как бы ведро, но такое тяжеленное, толстое, клепаное, что при одном только взгляде на него нестерпимо заломило шею. Среди заклепок там было еще и круглое стекло в рамке. Саам с ужасом посмотрел на плешивого, тот все кивал и сдержанно улыбался...

Все было как-то странно, все шло не так. С самого Левиафанова дня, прямо с того мига, когда Саам хотел оглянуться на лоцмана Ирву, но не успел... Еще тогда Саам понял, что запутался и не понимает теперь, какое событие должно следовать за каким. Он налег на гребь, пытаясь зачем-то сдвинуть бревенчатый нос плота со стржня, и сразу почувствовал дробящий удар снизу и рывок гребни из рук — содранные ладони до сих пор его помнили.

Гребь, сделанная из молодой сосны, была ровной и гладкой, как восковая свеча, в крепкой оболони; она сопротивлялась, не желая быть сломленной, она упруго выгибалась, но вода вскипела под ней, и невидимая, но порождающая водовороты тяжесть перла напролом, дерево не успело согнуться с такой поспешностью и сдалось — скрутилось, выпустив длинные заусеницы, треснуло вдоль, раскрыло щепастое нутро и вывернулось из рук, полностью... навсегда... Невозможно сопротивляться Левиафану. Саам тоже смирился — дал себя упаковать в эти жесткие, пахнущие резиной одеяния, что весили едва ли не больше, чем он сам, — только отчаянно набирал воздуха в грудь, когда с силой утягивали его ремнями.

От тяжелого тугого запаха плыла голова — затянули последний ремень на шее, обернув ее многими слоями резины, как кочерыжку капустными листьями. Жесткие складки уперлись в подбородок, и Саам теперь не мог опустить голову, не мог смотреть под ноги, пока его рывками вели к реке. Внизу, на хлябающих чудных сапогах было навешано железа — чуть не по пуду на каждый. Главный из помощников — смиренный усатый дядька, что затянул и проверил каждый ремень и каждый узел, — объяснял ему на ходу, как передвигать теперь неподъемные эти ноги. Словно учил ходить младенчика. Ничего-ничего, это пока трудно, пока тяжело — в воде будет все не так... легче... медленней... Дождь хлестал по реке, как ополоумевший, — она раздулась внизу под пригорком, опоясала берег беспокойной тугой петлей, исходила брызгами и кругами. Говорят, в такую непогодь Левиафан приходит на место недавних своих проказ — навестить тела тех, которых намерен был сглотнуть вчера, да не сглотнул почему-то... Приходит пошуровать под корягами, разгрести топкий донный ил, подсобрать замыленные кости. Говорят, дождь потому и гонит уцелевших от реки, чтоб не искушали судьбу дважды подряд. Говорят, нужно в воде прямо держаться, столбиком — когда железо на ногах потянет в пучину. Не дергаться, не пытаться плыть, упаси господь, — не выплывешь никуда, только зазря утопнешь. Кто так говорит, удивился Саам. Эй, да это ж уже дядька его наставляет, еще и еще раз проверяя на ходу узлы и пряжки. Ослабил бы хоть, дышу же через раз. Нельзя, нельзя — так нарочно будет. Чтобы башкой не крутил, водолаз, чтобы под ноги себе не заглядывал ненароком.

На причалах горят фонари, стекла их горячи и курятся паром.

Они уже внизу, спустились — Саам не видит реки, не видит мостков и трапов, не видит даже, на чем поплывет, — только качается все вокруг него и под ним, проседают и выпрямляются доски, брякает железо о мокрое дерево... с шуршанием разматываются за спиной веревки и плоские брезентовые шланги, пока еще пустые. Братья Сарпетян на самый берег за ним не пошли, погрозив напоследок да посулив что-то неразборчивое за свои сундуки. Где ж их искать, пробовал увещевать Саам — не братьев, нет... Хоть усатого дядьку. Но тот, пусть и смиренный, и вовсе слушать его не стал. Все проверял и проверял узлы и ремни, все щупал — правильно ли заходят одна на другую складки этой плотной, нечувствительной к дождю ткани. Все твердил о том, чтобы прямо Саам держал башку, как канет в воду. Даже привязал поплавок на макушку этого шлема-ведра. Саам с тоской озирался на берег — все село собралось, несмотря на дождь. Экое ведь диво. На мостки их не пустили, так толпились по обрывистым берегам... заглядывали сверху, ухватившись за космы высокой травы, рискуя оскользнуться и сверзиться в реку.

А дядька все дергал ремни, все укладывал петли и все твердил про то, как ноги пошире ставить да не поднимать их высоко, а сами шаги чтобы помельче, по чуть-чуть — там, на дне, и коряги, и скользкие камни... шагнешь не так, упадешь... или даже просто наклонишь башку сильнее,

чем можно, и... все. Упустишь воздушный пузырь сквозь воротник — сразу булькнет на его место вода.

Заскрипело и заплескалось сквозь дождь... и Саам, всем телом оборотившись назад, увидел, наконец, на чем поплывет. Лодка подходила к причалу — утлая, гнилая по бортам... что-то длинное волочило за ней по воде. Лодочники, вымокшие до нитки, в изнеможении бросили весла, вцепились в протянутые им багры. Замелькали среди брызг и ряби глубокие ковши, вычерпывая из лодки. Веревка, что тащилась за ней, ужом извивалась в течении — закрепленная, должно быть, на том берегу... А вот не пойти, осмелился вдруг Саам. Упасть, вцепиться в причал — что они сделают-то? Прибьют, что ли, при всем честном-то народе? Да и пусть бы — всё не Левиафану в глотку идти. Саам, напрягая шею, посмотрел вверх — там, среди всех других людей, братья Сарпетян всё грозили ему, неслышимые сквозь ливень. Старуху тоже прибьют, если не пойду, понял Саам. Страшно ведь прибьют, размолотят батогами прямо в постели. А девок сволокут к реке и насильничают, засунув головы под воду, — даром что страшненькие... Он зажмурился и поторопил усатого дядьку — давай уже, ведро-то свое... нахлобучивай...

Дядька, однако, не спешил с ведром — прилаживал Сааму на грудь, закрепляя ремнями крест-накрест, плоский ящик с линзой. Про дагерротипы Саам знал и на ярмарке видел, как такими аппаратами мастерят портреты, а потому, поразмыслив про себя, решил, что воспользоваться им как нужно вполне сумеет: удивительная вещь, но в общем-то не сказать, чтоб сильно мудреная. Дядька заставил его несколько раз дотянуться рукой и нашарить вслепую нужный рычажок. В резиновой рукавице это было совсем несподручно, словно крутое яйцо топором чистить. Что ж, подумал Саам, сияясь усмехнуться про себя, не только сундуки отыскать велено, но и Левиафанов портрет. Не вышло у него усмехнуться — дрожал и кривился перекошенный рот, зуб на зуб не попадал. Задраивай меня уже, служивый, мочи нет... Подняли ведро, тяжело подняли — вдвоем... надвинули, отсекая дождь. Тот барабанил теперь несильно и неслышно — изнутри ведро было обито мягким. Дядька покрутил его, осаживая, поправил — через стеклышко только усы и были сейчас видны Сааму.

Раздулись и напряглись шланги, закрепленные на плечах. Зашипело в ведре, мгновенно затуманилась стекляшка перед глазами. Нагнетаемый воздух резко пах горячим маслом и кожами. Почти полностью ослепший, но направляемый добрым десятком рук, Саам спустился в лодку, пристроил неподъемные ноги и сел наконец, нащупав мягковатую гниль бортов и свежую совсем, твердую поперечину. Воздух давил и давил, раздувал воротник, потом нашел неплотное место и с шипением попер наружу. Стеклышко чуть прояснилось, сквозь него видел Саам, как копошатся тени, колотя ломами, — дно лодки хрупнуло и булькнуло водой. Торопясь, его оттолкнули от берега. Веревка шарахнулась из реки, натянулась — и лодка нетерпеливо рыскнула носом, ровняясь по ней. Воды уже набралось — по щиколотку... Слишком быстро — то ли перестарались, ломая дно, то ли дождь сверху так хорошо наливал. Не утонуть бы

у самого причала. Вот же конфуз будет. А плешивый-то, подумал вдруг Саам и скрипнул зубами, даже из кабака под дождь не пошел.

Впрочем, что ему Саам.

Важная он, видать, шишка, раз замыслил такое. Сундуки разбойничьи спасать — это дело, конечно, гиблое, и не стоит оно того. А вот добыть портрет Левиафана, что испокон веку топит плоты на реке... Зачем только? Любой малец на реке скажет — не имеет Левиафан одного облика, но имеет многие... Да и разве спасет плоты то, что лодчманы будут знать свою смерть в лицо? Ирва, с тоской взмолился Саам, кормилец ты мой, отец, хозяин, да что ж мы творим, куда ж идем... Он вспомнил вдруг, как упал на колени на покореженном плоту и, глядя в тягучую цепкую воду, пожалел о том, что так молча и внезапно ушел от него наставник — не оставив ничего прощального взгляду. Неужели, подумал теперь Саам, неужели для того и иду в бездну, чтоб проститься с ним, как было должно? Эта мысль вдруг придала ему сил. Он сел ровно, вцепившись в борта и глядя вперед — сквозь дождь и плескучие волны.

Лодка уже порядком осела — всплески падали прямо через борт, как яблоки. И дождь, хоть и так был ливнем, но тут совсем припустил — колыхалось вместо неба сплошное полотнище. А ну как найду сундуки, гадал Саам, елозя ногами в зеленой воде, дадут ли братья-разбойники старухе да девкам хоть что? Верно — дадут, положено же так: утопившему лапти — горевать, а спасшему сапоги — радоваться. За спасенное из реки добро всегда награждают. Хоть бы и один сундук отыскать, и тому обрадуются братья. Обязаны дать. Старуха все одно сляжет без мужа, пусть хоть девки...

Вода бурлила около самых колен, будто сатанея оттого, что не может промочить насквозь, добраться до волглой кожи. Было чудно и странно уходить под воду вот так — сухим, не промоченным.

Нет, точно, решил Саам, сам Левиафан придет посмотреть на такое диво. Сам выпучит мутные перекрученные бельма, разинет пасть в изумлении. Неужто вправду будут у него донные бульги вместо зубов? Вот он разъярится должно быть, когда увидит сухого Саама в своем мокром царстве.

Нос лодки был уже неразличим, скрыт бурунами. Веревка больше не тащила его по воде, но тянула сквозь толщу, на самое дно. Саам упирался ногами в скользкую изнанку бортов, удерживая равновесие. Только бы не перевернулась эта рухлядь, только бы ногами вниз начать тонуть, как дядька учил. Столбиком... Громадные тугие пузыри всплыли вдруг одновременно справа и слева... и лодка заплясала по ним. Левиафан ударил хвостом из глубины — скорчилась вокруг лодки мгновенная стоячая рябь.

Пришел — замерев всем телом и даже мыслями, подумал Саам.

Пришел Левиафан.

Пришло его, Саама, Левиафаново время.

И вдруг опустилось на Саама неведомое ему доселе спокойствие.

Придержало огромными шершавыми ладонями с боков, потом стиснуло и растерло между... Все уже сделалось, все само совершилось,

и не было смысла дергаться, не было смысла биться во вскипевшей разом воде, как дурачку. Просто не было больше жизни впереди. Левиафан шел на него из глубины — снизу вверх, выдыхая суматошную белую воду. Хоть не напрасно тонуть буду, понял тогда Саам. Он вообще все вдруг про себя понял. Вспахивал воду нос лодки... Саам балансировал, налегая поочередно то на один борт, то на другой, чтобы утлая дрянь не вывернулась из-под него некстати. Волна дохнула прямо в лицо, ополоснув стекляшку... потом поднатужилась и накрыла его с головой, и стало вдруг видно все и сразу — прозрачно и ясно.

Поднималась мимо глаз вода, наполненная великим множеством мелких суетливых пузырей. Шипел воздух, с избытком наполняя ведро и сдерживая у подбородка толкающую снизу воду. От воздуха было тесно в ведре, давило виски, мысли прыгали туда-сюда, будто ударяясь о мягкую обивку и отскакивая обратно в голову.

А если и правда добуду вдруг Левиафанов портрет, обрадуется ведь плешивый? Наградит? Схоронит ли старуху по-людски, по-над рекой, на высоком берегу, на ровном месте, где мужики не косят траву и не привязывают коз пастись? Позаботится ли о девках, назначит ли им смиренных мужей, чтобы жили и помнили отца? Заставит ли братьев Сарпетян отблагодарить за спасенные сундуки, если вдруг найду их на дне, среди пузырей и ила? Саам опомнился — проверил дагерротипный аппарат на груди, проверил веревку на поясе, коей будет цеплять сундуки... Лодка, нырнув как большая рыбина, наконец сбросила его, наподдав напоследок новой поперечиной под поясицу. Он оттолкнулся от нее, потеряв пару громких, но нестрашных пузырей воздуха через воротник, — вода чуть приподнялась, затрепетав под нижней губой, но Саам вытянулся столбиком в воде, и тогда воздух, нагнетаемый мехами с берега, поборол воду, оттеснил ее вон из ведра.

Помня наставления усатого дядьки, Саам удержался, не посмотрел прощально вверх, где прыгал дождь по светлой пленке реки, выбивая из нее запятые и точки... Но и вниз тоже не велено было смотреть — надвигается ли дно, ошетинилось оно корягами или уготовило ему иловую трясику на многие века. Саам уставился прямо перед собой. Пузыри, которые порождало его погружение, быстро сносило прочь — он был, видимо, на самом стрежне, в главном русле реки. Он почувствовал, как сдавливает грудь, как чаще и мельче становятся вдохи-выдохи, как начинает потаенно и грозно шуметь в ушах. Какая ж тут глубина? Никто из плотогонов не мерил глубину реки на стрежне... Зачем? Стайка стремительных рыбешек брызнула вдруг прямо за стекляшкой, улепетывая от кого-то. Саам и глазом повести не успел. Вокруг угрюмо и медленно гас свет, из желтых сумерек обращаясь в цепкий придонный мрак. Что-то совсем темное шло на него снизу — Саам заметил его в последний миг, судорожно поджал ноги... и оно плавно, почти нечувствительно надавило на его подошвы. Тотчас вялая вода вокруг ожила — извернулась тугой воронкой, болтанула его и уронила... Саам едва сумел устоять, отчаянно перебирая по дну

непослушными сапогами... он растерял почти весь воздух из ведра, пока плясал и выпрямлялся, — вода насмешливо коснулась ноздрей... замерла... нехотя выцедилась вниз... он задышал и выкашлял то, что не успел проглотить...

Облака придонной мути, поднятые его падением, потихоньку опадали. Он сделал первый робкий приставной шаг, как учил дядька.

Идти было совершенно невозможно — скользкая спутанная трава почти до колен. Саам делал один шаг, потом отдыхал, привыкая к мысли, что все еще жив... и лишь тогда начинал делать следующий... Всего тысяча шагов, или что-то вроде этого, понадобилась ему, чтобы выбрести на ровное дно.

Здесь было даже светлее — песок снизу отсвечивал желтым, и ил больше не набухал вокруг бурными кляксами от малейшего движения. Где же Левиафан? Переступая, Саам оборотился кругом, путаясь в веревках и шлангах... и почти не удивился, вдруг напорвшись взглядом на сундук.

Тот косо торчал из дна, до половины затянутый в песок.

Саам брел на него, пока не перестал его видеть при таком строгом положении головы... а потом, еще через полсотни осторожных шагов, ткнулся коленом в острый край. Он присел, по-прежнему глядя перед собой, ощупью нашел железное кольцо, пропустил в него веревку, обогнул сундук дважды или трижды... изнемогая в негнущейся рукавице, соорудил неряшливый, но надежнейший узел.

Второго сундука не было нигде, сколько Саам ни таращился сквозь стекляшку, сколько ни делал бестолковых оборотов. Не было, хоть провались... Хватит ли братьям одного, чтоб не обидели старуху, не тронули девок? Саам отважился спуститься в заросли травы и принялся рыскать по ней, ворошить и раздвигать спутанные стебли. Шланги тянулись за ним рывками, натягиваясь, и в ушах хлопало, когда очередной колтун водорослей рвался и отпускал... они уже сплошь сочлились торопливыми пузырями, когда ему снова повезло — он опять выбрался из ямы на чистое дно...

Гладкие камни лежали здесь всюду — огромные и округлые, как утонувшие коровы. Над их боками мерно колыхалась вода. Саам увидел вялое движение там — надулась и опала кожа одежды на утопленнике. Он приблизился, совершенно позабыв дышать и потому почти не расходуя воздуха.

Течение таскало туда-сюда лоскуты серой ткани, тело парило в воде, не касаясь дна — что-то удерживало его, не позволяя всплыть. Саам пошарил ногой по дну — и оно шевельнулось и звякнуло, почти беззвучно, но осязаемо. Цепь была тяжелее трупа, большая часть ее лежала на дне, и песок успел затянуть ее, но второй сундук братьев Сарпетян валялся на боку рядом, окованный железом угол касался валуна... и совсем дурачком нужно быть, чтобы чего-то тут не понять.

Саам протянул рукавицу, отвел отвороты одежды и открыл покойнику лицо — словно распахнул занавески.

Лоцман Ирва страшно распух в воде и был уже бел, словно брюхо рыбины. Саам вряд ли признал бы его по лицу — тут, в неверном подводном мраке... но знакомая борода клинышком торчала вперед и была, как и прежде, солнечно-рыжей.

Саам стоял подле наставника неведь сколько времени, потом очнулся вдруг, снова ощутив мылкие касания воды на щеках. Вода опять поднималась в ведре — медленно... медленно... Должно быть, надорванные рывками шланги уже не справлялись с давлением — тот, что был у Саама в поле зрения, походил скорее на сплошную гирлянду пузырей.

Он обмотал веревкой и второй сундук и только потом дал волю гневу...

Братья Сарпетян, стоя на берегу, конечно, не услышали его проклятий. А плешивому и вовсе было плевать на них. Саам, стоя на дне, в ярости сжимал рукавицы — жалкое подобие кулаков. Саам ненавидел их всех — братьев-разбойников, приковавших Ирву к проклятому своему сундуку... плешивого, который совершенно точно был с ними заодно... лодочников и работников пристани, что стерегли Саама в кабаке до самого рассвета... зевак на обрыве, лапотников, пацанву, баб с треклятыми их коромыслами...

Только владелец красилен был тут, скорее всего, совсем ни при чем — просто красные и синие тряпки в белой кипящей воде...

Нет здесь Левиафана, понял Саам. Не сглатывал он Ирву, отца родного двум худым некрасивым девкам и его, Саама, отца. Не нужен никакой Левиафан, когда тут такое... Приковали лоцмана к сундуку, горбоносые! Девки не троньте, заорал он впустую с самого дна. Старухе дайте самой помереть!

Он вспомнил об узле в руках — затянул последнюю петлю, несколько раз что есть силы дернул веревку. Где-то там, на невообразимо далеком берегу, его сразу поняли — веревка натянулась, едва его самого не опрокинув, потянула увязавший углами сундук из песка. Саам поспешно отступил в сторону.

Медленно возносился сундук над желтым дном, вот уже на ладонь поднялся, потом на целый локоть... Всплыл наравне с Ирвой — того топила своим весом длинная цепь, изогнутая теперь кривоватым бабьим коромыслом. Саам вдруг понял, как ему попроситься с отцом, — нащупал рычажок на дагерротипном аппарате, взвел его и отпустил, целясь линзой в лоцмана Ирву и на утопивший его сундук...

Вот вам — Левиафан.

Вот вам всем, сказал он окрашенным в голубое от химического огня пузырям. Вот тебе, плешивый, получай свой Левиафанов портрет.

Порошок в стеклянной колбе поверх аппарата выгорел и погас — свернулось голубое пламя, сомкнулся снова зеленовато-белесый мрак. Сундук ушел на ту высоту, где было опасно следить за ним взглядом.

Звено за звеном следом воспаряла цепь, освобождаясь из песка. Наконец, она выбралась вся и потянула за собой тело лоцмана Ирвы.

Не зная, что ему делать теперь, Саам отстегнул аппарат с груди и отпустил его — тот медленно начал подниматься, влекомый собственным

поплавком. Какая-то заплывшая рыба сразу клюнула его в линзу и испуганно порскнула прочь. Вдруг хрюкнуло из шланга, будто поросёнок... шипение воздуха прервалось, сбилось, потом пропало совсем. Саам глянул вдоль пузырящего только что рукава... но там больше не пузырилось. Сам шланг, мягко прогибаясь, падал на дно — то ли порвавшийся, то ли просто отрезанный. Вот, значит, вы как, отрешенно подумал Саам.

Шланг задержался у него на плече — злым червем спешила по нему вода. Саам перехватил шланг быстрым узлом — вода ткнулась в узел и осеклась. Медленно, боясь расплескать последний воздух из ведра, Саам встал абсолютно прямо. Сейчас, когда обрубил воздух, не стало и мешающих пузырей — донный мрак по-прежнему оставался мраком, но без суматошного этого мельтешения стал просматриваться на добрые пару десятков шагов. Или, быть может, наверху всходило солнце, пронизывало лучами неподатливую воду, чуть просветляя ее, — куда бы ни смотрел теперь Саам, предел его зрения отодвигался все дальше и дальше...

Он увидел — где колыхалась трава, собираясь у самого дна в спутанные пучки, там кишело великое полчище раков, что не осмеливались, однако, выйти на голый песок. Их клешни с жадностью стригли пустую воду, а глаза и тонкие стебельки усов — высовывались и скрывались.

Не зная, сколько осталось еще ему времени, Саам тратил его впустую — просто стоял и смотрел на этих копошащихся тварей. И они — видели, что Саам смотрит, они знали, что Саам уже принадлежит им, они трепетали от нетерпения... выглядывая... прячась... снова выглядывая... затеявая жестокие безмолвные драки... но ни о чем не шли на песок. Саам не мог понять, чего они медлят, и это с ума его сводило. Чего ждут? Почему не ползут к нему, торопясь успеть раньше, чем соседи? Ведь чем дальше они тянут, тем яростнее им придется сражаться за последние кусочки Саама. Он поперхнулся вдруг вдохом и закашлял — прямо в воду. Раки всполошились, аж подпрыгнули, засучили клешнями, но опять не пошли из укрытия — и Саам понял, что они и впрямь боятся. Нет, не его боятся, уже вполне себе утопленника, — сколько таких, уже покорных или все еще трепыхающихся, им приходилось пробовать. Не на дохлой рыбе же они отождрались и расплодились. Что-то за его спиной пугало раков больше драки, больше несправедливой дележки. Саам обернулся, уже не скрывая заботы о безопасном положении головы. Там, из-за лоснящегося бока валуна, чуть подалее того места, где плавал недавно бедный Ирва, глядел на него из тускнеющего мрака Левиафан...

Он был полуневидим, он висел неподвижно в толще воды, и он был огромен. Его шарообразная бронированная голова была усеяна сплошь тяжелыми ржавыми шипами. Скользкая донная зелень прирастала снизу, и оттого казалось, что Левиафан бородат. Саам смотрел — уже корчась от потуг вдохнуть воду, уже теряя остатки разума. У Левиафана не было глаз. Он тупо таращился в никуда, словно прислушиваясь к тому, как громко и отчаянно лупит в воде сердце Саама. У Левиафана не было плавников, только витой железный хвост, что волочил по дну привязанный груз. Когда вода шевельнула его, развеяв патлы водорослей и до смерти

перепугав раков, — Левиафан послушался воду и толкнулся по ее течению... — тогда груз рывком проволочся по дну, оставив рваную борозду и потревоженную взвесь песка, наскоро врачующую ее. У Левиафана не было пасти... или, быть может, он пока держал ее стиснутой — Саам, теряя сознание, уже не мог поручиться даже за это. Он сделал инстинктивную попытку отступить прочь, но руки и ноги отказали ему — он уже был мертвецом, игрушкой подводных течений. Если бы не железо на сапогах, его бы уже тащило прочь, переворачивая по дну и корежа. Но железо удерживало его на месте, болтаемый водой песок собирался вокруг щиколоток. Левиафан снова качнулся, еще чуть придвинувшись, — будто раздумывал, стоит ли отверзать пасть из-за столь малого и ничтожного, как Саам. Шипы на его голове дрогнули и испустили мгновенную рябь, искажившую и без того неверную перспективу. Смелые рыбешки, что вились между этих шипов, тотчас брызнули прочь. И раки в панике застригли клешнями и попятились задом, забираясь один на другого. И Саам, захлебываясь... помирая... почувствовал вдруг, как той же мгновенной дрожью отозвалось Левиафану железо на его сапогах, отозвалось железо на голове — ведро загудело, заклокотала вода в беспомощных ушах... Саам заорал от ужаса, пуская последние пузыри из немого рта, попытался сорвать это ведро с головы, но не справился с ремнями... и умер... А Левиафан, наконец почуяв и распознав Саама в воде, все же разверз чудовищную свою пасть и ринулся во все стороны разом перекрученным, белым от ярости, пара и ослепительного пламени взрывом...

Андрей СТАНИШЕВСКИЙ

НЕДОИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

Р а с с к а з

Пикирующий дрон с синей эмблемой почтовой корпорации зацепил бельевую веревку, после чего балансировал еще секунду и все-таки рухнул к лапам бигля. Пес с рваным черным ухом привычно ждал, когда карбоновый паук подкатится к самой морде. Радостно залаял, схватил поверженного гостя за лопасть и, виляя хвостом, подбежал к хозяину.

— Триколор, фу! Выплюнь, кому говорю! — Макар выбрался изпод битого ржавчиной фургона, бросил баллонный ключ и протянул руку к принесенной добыче.

Узнав логотип: двукрылый дрон с кредиткой в одной лапе и планшетом — в другой, Макар брезгливо скривился и отшвырнул устройство на траву. Черной щепкой от дрона отскочила флешка с мигающей лампой — призывом прослушать сообщение. Макар какое-то время смотрел на нее, после чего подобрал и флешку, и дрон и направился к навесу у дряхлого забора. Дрон аккуратно положил в садовую тачку — отчего-то скупщики лома платили за них дорого и наличными. Флешку закинул в эмалированную миску на верстаке. Ваньша приедет на каникулы — пусть разбирается. Накопитель щелкнул о сколотый край миски, перевернулся в полете и улегся поверх своих пыльных собратьев. От неосторожного падения активировалось звуковое сообщение сразу с нескольких устройств, как будто в миске собрался с десятков маленьких наглых механических женщин: «Тихонов Макар Александрович — андрович — ич. Настоящим — ящим — им федеральная почтовая — товая корпорация информирует вас, что задолженность — должность по кредитному — дитному — ому договору — ору составляет двести — триста — пятьдесят — восемьдесят тысяч — сяч четыреста тридцать — дцать тысяч — сяч рублей. Поскольку вы не отвечаете на сообщения корпорации — рации, к вам направлен — авлен специалист — ист службы взыскания — ания корпорации — ции...»

Не дослушав сообщение, Макар вернулся к машине и снова взял в руки баллонник. Колесо еще не поменял, а скоро Наташку с работы забирать. Это был единственный заказ на сегодня. Макар таксовал уже шесть лет — с того времени, когда всех охранников в банке заменили биометрией на входе. Но в последнее время и с заказом такси стало худо: всему виной «беспилотники». Такси без водителей были очень популярны, и только в местах с ухабистыми дорогами или со слабым покрытием сетью

встроенные навигаторы давали сбой — это давало возможность как-то зарабатывать.

— Макар Александрович! — раздалось из-за забора.

— Петр? Здравствуй, ты чего здесь топчешься? Заходи!

— Первым делом хотел справиться, как палец у Ваньши с того раза, все ли зажило?

Петр, бывший сельский фельдшер, оставался верным призванию даже после разгона медпункта. Для участников программы корпорации на смену участковым медработникам пришла мобильная разработка «Доктор-софт». Диагноз, рецепт, прием виртуального врача — все умещалось в обычном смартфоне. Для остальных в деревне оставался Петр, который мог измерить давление, поставить укол, заштопать порез от болгарки и много еще чего. Брал недорого, в основном в валюте «потом сочтемся», но от десятка домашних яиц никогда не отказывался.

— Все хорошо, Петь, руки золотые у тебя. Жаль, по делу применять не дают!

— А второй вопрос: волокно не хотите себе? Вот, через всю улицу тянем, будет теперь интернет везде, могу и вам подключить, первый месяц бесплатно.

— Да на кой он мне, живем как-то и не жалуемся вроде.

— Ну как на кой, Макар Александрович, — новости вот под рукой, а захочется — одноклассников отыскать можно.

— Одноклассники — так вон они все: кто за горкой уже, а кто по утрам прибегает до сих пор. «Саньч, дай сотку», тьфу. А Наташенька моя — самая главная одноклассница, как сорок лет назад нашли друг дружку, так держимся вместе.

За воротами раздалось «пффф» тормозов беспилотника.

— Бог в помощь, мужики!

К воротам приближался Герасим. Когда-то его никто в деревне, кроме как Гера Нос, и не называл, но в последнее время многое в Герасиме изменилось, а с переменами ушла и обидная кличка. На Гере был приталенный трикотажный пиджак, узкие черные джинсы и мокасины из натуральной замши. Ничто во внешности Герасима не напоминало уже того лесхозовского бухгалтера, вечно поправлявшего роговую оправу на длинном носу.

— Гер, тебя не узнать прям, на costume. — Петр первым ответил на рукопожатие.

— Ну что ты, Петр, не на costume, а смарт кэжуал!* — хохотнул Гера. — Макар, я в общем-то к тебе, по делу.

— А-а, так ты из этих, — протянул Макар, разглядев на лацкане пиджака синий корпоративный значок почтовиков.

— Ну, тем проще, значит, ты уже догадываешься, чего вокруг да около ходить. — И Герасим начал листать что-то в планшете. — Значит, так, Макар Александрович Тихонов, что мы с тобой имеем

* *Smart casual* — повседневно-небрежный стиль (англ.).

по единой системе досье? Просроченный долг четыреста восемьдесят тысяч без учета пеней, плюс штрафы, плюс за электроэнергию, налог на имущество, страховка не оплачена, и вот за воду еще. Как быть-то будем, Макар?

Макар сжимал баллонник крепче, но, кроме мысли, что он опоздает за Наташкой, идей не было.

— Ну хорошо, — Гера снял очки, — у тебя, Макар Александрович, есть два варианта. Первый, эм-м... назовем его «стандарт»: твоя машина стоит, эм-м... — он на секунду приложил пальцы к вискам, — порядка четырехсот, дом плюс участок — восемьсот, собака... Собаку оставишь себе, наши юристы против таких изъятий. Все остальное корпорация забирает себе, и знаешь, ты еще получаешь разницу — должно получиться тысяч сто пятьдесят. Не сказать чтобы на спокойную старость, но тоже какие-никакие деньжата, верно?

— Да вы охерели. — Макар расправил плечи и поудобнее перехватил гаечный ключ в правую руку. Бигль зарычал.

— Не горячись, не горячись, Макар. Есть же еще второй вариант. И мне кажется, он намного проще и человечнее, что ли... Чипирование.

Макар покраснел.

— Ну что вы, в самом деле, с Натальей живете как пещерные люди, — продолжил Гера. — Все, все уже поставили себе чип. Это же просто паспорт, только у тебя в голове. Сам посуди: бесплатная медицина, сразу же пособие себе справишь, а ты тем более участвовал же где-то, так? Вот, плюс двадцать процентов к базе. Дальше — бесплатный «Доктор-софт» в телефоне, черт возьми, бесплатный телефон! Естественно, реструктуризацию корпорация по всем кредитам тоже даст. И сразу же — под размер пособия — еще и кредитная карта. Подумай, Макар: ну сколько можно в магазин ногами ходить да наличными на кассе расплачиваться? Особенно когда наличных этих не густо, согласен? Опять же, о будущем подумай: ну пять лет пройдет, еще пять: ты так и будешь на «ларгусе» своем гайки крутить? Кстати, не поверишь, как эта штука прочищает мозги: я вот никогда технарем не был, но смотрю на твое авто и знаю, что эту модель сняли с производства в 2024 году, кузов ржавеет на пятнадцати тысячах пробега, а сцепление — отдельная болячка. Макар, старость не за горами. Я вон мать устроил — и голова не болит! Коворкинг для «Олд Чайлд»* — слышали такое? Ну, старики — они же как дети, все по интересам, у каждого своя траектория, забота, уход.

— Да знаю я, Наташка в пансионате этом работает!

— Угу, я тоже пытался устроиться, но — конкурс, зараза. Взяли какого-то городского, с дипломами. — Петр развел руками. — Только это не коворкинг никакой, а самый натуральный дом престарелых, разве нет?

— Ай, да что я рассказывать вам буду — вот, послушайте письмо от мамы, вчера только получил.

* *Old child* — букв.: старый ребенок (англ.).

Герасим нажал что-то в планшете, приставил его к шее и заговорил лучистым, теплым голосом:

— Герушка, здравствуй! Сегодня состоялась наконец наша постановка «Чайки». Как я готовилась, как я готовилась, — и все не зря. Это был большой успех, но приятнее всего, что режиссер — ну, тот самый Доронин, если помнишь, — рукоплескал мне стоя. После был фуршет с моим любимым полусладким и эклерами с заварным кремом. Но — в меру, так что не нужно тебе переживать ни за мой холестерин, ни за давление, ни за вес. Кстати, давно уже выше ста тридцати — верхнее — не было. Спасибо, что определил меня сюда. Ну, достаточно. Знаю, ты человек теперь занятой и важный, так что стараюсь не отвлекать своими стариковскими чудачествами. Целую, мама.

Гера засиял, убирая планшет. Макар растерянно осматривал двор с пока еще своим добром.

— О, Герасим, давненько ты у нас не был. — В калитке появилась Наталья — раскрасневшаяся от ходьбы, с переполненной вещами холщовой сумкой.

— Наташка, ты как так рано сегодня? Или я проворонил? — спохватился Макар и выхватил у жены сумку.

— Все, Макарушка, и не рано, и не поздно. Нет больше нянечек в пансионате. Клининговые машины зато есть, — ответила Наталья с горечью. — Теперь они и полы вымоют, и белье поменяют, и со старичками нашими обо всем поговорят, и все вопросы им растолкуют. Представь себе, у них даже модуль есть, чтобы в дурачка играть.

— Вот видите, еще одна причина соглашаться: чипирование — это стабильность, это забота от корпорации. Наталья, ну скажите хоть вы ему! — Герасим переключился на хозяйку.

Наталья молчала, будто пытаясь рассмотреть что-то за тонкими линзами Гериных очков. Затем отвела глаза вниз, к развалившейся боками сумке. Подперев одной рукой поясницу, достала зажатый между кульком сахара и пакетом гречки сложенный листок.

— Это что, рецепт на бумаге? Винтажно, винтажно, давно уже желтую бумагу не встречал. — Гера нацепил обратно очки.

— Что же ты, Гера, про мать-то совсем забыл?

— О чем это ты, Наталья? Вот — только вчера мейл получил, делился как раз с мужиками.

— Нет ее уже, месяц как. Ты прости, может, конечно, при других обстоятельствах тебе сказать нужно было. В общем, вот — держи. — Наталья протянула листок Гере.

Герасим медлил, перескакивая взглядом с Натальи на Петра и обратно, но потом все же взял письмо, приложил к планшету и снова поднес гаджет к шее.

Все тот же голос, но теперь усталый, с нотками печали, зазвучал из Герасима.

— Здравствуй, Герушка. Пишу тебе и не знаю, дойдет ли. Как странно здесь: хочу звонить — но каждый раз или нет связи, или не берешь.

Наверное, вот что значило «Оберегаем вас от суеты большого города» на путевке сюда... Ни в чем не виню тебя — ты большой человек теперь, весь в делах. А пишу затем, чтобы знал. Тускло мне, хоть и потолки здесь белые да с глянцем. Слабость такая, что веки как ставни из свинца, не поднять, а поднимешь — не удержать. И так не каждое утро, а каждую минуту. Врачи хорошие, но качают головой и говорят, что, видимо, возраст пришел. Никак не пойму, возраст — это такое животное, которое смотрит-смотрит на тебя со стороны, а потом берет и приходит? Вчера был нотариус, а священник отказался, сказал, что по «зуму» достаточно. Обоим наказала, чтобы похоронили за горкой — помнишь, рядом с отцовской могилой на старом кладбище. Жалею о двух вещах. Что в «Чайке» так сыграть и не получится... да сдалась она мне, самодеятельность эта. Я ведь в трупку записалась, только чтобы к тебе ближе быть. Помню ведь, как ставил пьесу эту в конце десятого класса. Ну и тебя повидать, разок хотя бы. Фото приколото к стене над подушкой — его и целую. Мама.

Щеки Геры расчертили две мокрые дорожки, они начинались где-то под серебряной оправой очков и заканчивались у ворота водолазки. Сам он не осунулся, но взгляд его замер на руках Макара. Коровьей лепешкой выскользнул в траву планшет. Пуфф! Во дворе вдруг запахло пальной проводкой. Под подбородком Геры что-то полыхнуло, и он стал заваливаться набок.

— Тише, тише, клади его сюда, — засуетился Петр. Под задранной кофтой обнажился рыбий живот Геры, затем — впалая грудная клетка, в центре которой крепился блок с проводами. Среди непонятных кодов на тусклом металле читалось: «Turing winner* — 2025» и виднелась пиктограмма черного зонтика под каплями дождя. От блока во все стороны расползлся едкий дым.

— Убирай, убирай его скорее! — скомандовала Наталья.

Макар ловко поддел железку ключом, блок с чвкающим звуком отлетел в сторону. Гера выгнулся дугой, замер, задыхался, осмотрелся. Ощупью нашел в траве планшет, покрутил в руке, отбросил его и поднял голову к Макару.

— Макар Саньч, а ты это, за горку проедешь? Два счетчика плачу.

— Да не надо мне два счетчика, Герасим. Садись, поедем сейчас.

Гера неуверенно встал на ноги.

Наталья исподлобья глянула на него:

— Ты бы лучше, это, досье бы наше удалил.

Гера наклонился к планшету, взял его, провел пальцами вверх по дисплею.

— Уже, Наталья, уже. — И, уронив гаджет, выпрямился. — Поехали, Макар Саньч.

* *Turing winner* — лауреат премии Тьюринга (англ.). Премия Тьюринга — самая престижная премия по информатике.

Яна СОЛОВЬЕВА

НАБЕЛО

Р а с с к а з

Грузная дама в пуховике в обтяжку протопала вниз по лестнице и с опаской приоткрыла помятую железную дверь, всю в клочках оборванных старых объявлений. Найти ту дверь было непросто: следовало свернуть в переулок, не обращая внимания на закрытый шламбаум, обогнуть по дуге охрану у вертушки сияющего входа в офисы и по крутым ступенькам под жестяным козырьком спуститься в подвал. Однако те, кому пришился особый сон, знали дорогу.

По ту сторону двери было темно, но из дальнего конца подвала шел свет. Дама бочком протиснулась между вешалок с белой одеждой, нырнула в извилистый проход, сдавленный стеллажами. Стеллажи были забиты вещами. Тоже белыми.

— Сюда! — крикнул молодой голос.

Дама, прижимая к груди целлофановый пакет с аляповатым новогодним рисунком, наконец достигла источника света. Пламя единственной свечи — в подсвечнике в виде белого фарфорового слоника — отражалось в бесчисленных висевших на стенах зеркалах. Под ними, положив на стол босые ноги, раскачивалась на стуле девушка. Прямые черные волосы спускались по обе стороны бледного лица, открывая высокий лоб. На пальцы она задумчиво наматывала белую нить, тянущуюся от упавшей на пол катушки.

— Белое? — спросила она, подняла на даму бархатные южные глаза с пушистыми ресницами и встала, стряхнув нитки с рук.

— Да, — ответила дама, глядя в зеркала за спиной девушки — ни в одном из них та не отражалась.

Взгляд дамы, в смятении порыскав, упокоился на собственном отражении, и она машинально поправила прическу. Потом вывернула пакет, расправила его содержимое и приложила к груди. Платье. Белое, в рюшах и кружевах. Теперь оно налезло бы только на полдамы, если не на треть.

— Немного пожелтел корсаж, — смущенно сказала она. — Двадцать два года лежало как-никак.

Девушка выдвинула ящик стола и достала овальное зеркальце с ручкой и бумажный пакетик.

— Какое белое, такова и моя плата, — сказала она и разорвала упаковку.

Там оказался ланцет, каким берут кровь из пальца. Дама отшатнулась.

— Но сперва нам надо познакомиться. — Девушка исчезла и в тот же миг с ланцетом и зеркалом в руках появилась перед дамой. Взяв за ладонь, отогнула безымянный палец, уколола.

«Медсестра?» — подумала дама, рассматривая короткие белые штаны и стянутую поясом рубашку девушки. На стекло упала капля крови. Через неуловимое для глаз мгновение девушка уже опять сидела за столом. Поднесла зеркальце к лицу — и неожиданно слизнула кровь длинным узким языком.

— Ум-м, Зинаида Ивановна, отдел камеральных проверок. — Девушка прикрыла глаза. — Будем знакомы. Мариам.

«Тьфу-тьфу-тьфу, нежить!» Рот Зинаиды Ивановны стянулся влево, губы слегка зашевелились, и она вновь бросила взгляд на стенные зеркала.

— Чего вы хотите за это белое? — спросила Мариам, которая беззастенчиво гладела на нее с видом нагловатого подростка.

— Любви хочется, — сконфузившись окончательно, сказала Зинаида Ивановна.

— Посмотрим, подойдет ли белое под желание. Что тут у нас? — Мариам взгляделась в ручное зеркальце, наклоняя его туда и сюда. — Ну конечно, время!

Она сунула руку в ящик стола.

— Принято. Вот залоговый билет.

В ее руке появился клочок бумаги, и, с явным удовольствием, она вывела ручкой с обглоданным колпачком каллиграфические буквы с росчерками и завитушками. «Кафе “Встреча”, сегодня в 19:00, столик у окна», — прочитала Зинаида Ивановна.

Боком, не поворачиваясь к девушке спиной, Зинаида Ивановна попыталась к выходу. За стеллажами обернулась на голос и подсмотрела в зазор между полок с белыми носками и перчатками.

— Не-жить, не-жить, — будто перекатывая на языке слоги, нарастав в задумчивости повторяла Мариам, качаясь на стуле и разглядывая потолок. — Не-жить.

Зинаида Ивановна поспешно перекрестилась и вырвалась на волю.

В девятнадцать ноль-ноль она вошла в кафе. У окна сидел Петр Олегович — тот самый, которому она насчитала миллионные пени.

— Какая встреча! — воскликнул он и криво усмехнулся. — А я вот ходил апелляцию подавать. Зашел согреться и ждал не пойми чего. Уж не думал, что вас.

Зинаида Ивановна нерешительно присела за столик и поняла, что ждала, ждала тоже.

— Только по названию белое, по цвету не совсем, — сказала Мариам, вертя в пальцах два обручальных кольца белого золота.

— Но нам очень нужно! — воскликнула девушка.

Ее спутник кивнул. Они уже познакомились с Мариам: девушку звали Алена, мужа — Алекс. Супруги хотели забыть друг друга.

— Почему только белое подходит? — с напором спросила Алена. — Нам же приснился сон, значит, мы можем...

— В белом скрыты все краски. Разноцветные истории. Я рассматриваю белое и проживаю жизнь в зеркалах, — перебила, вглядываясь в ручное зеркальце, Мариам и, помолчав, добавила: — Но даже в них никогда нет меня.

— Не проще ли выйти на улицу и проживать там? — саркастично заметил Алекс.

— Алеша, перестань...

— Я не просила советов! Посоветуй лучше змее летать, а безногому — ходить! — воскликнула Мариам. — Не каждый способен выйти за дверь.

В глубине зеркала двигались тени.

— Вы принесли любовь, — в конце концов сказала она, отодвинула на край стола кольца и откинулась на стуле. — Но любовь не может исчезнуть, даже если ее продать, не говоря уже о том, чтобы заложить.

— Она давно исчезла, — сказала Алена. — Иначе мы бы и не пришли.

— Исчезла, — кивнул Алекс.

— Вы не понимаете! — Мариам прикрыла глаза и задумалась. — Впрочем, беру.

Она подписала залоговый билет.

— Ступайте. Жить жизнь...

Пара вышла на улицу. Алекс закурил. По переулку быстрыми шагами удалялась стройная девушка, и он отшвырнул сигарету.

— Пойдите!

Она обернулась.

— Не знаю, что со мной, но это дело жизни и смерти, — пробормотал он. — Я — Алекс. Можно с вами познакомиться?

Она улыбнулась:

— А я — Алена.

Мариам еще раз нажала под подушечкой иссушенного пальца. Наконец на зеркальное стекло упала скупая капля.

— Даже крови не осталось, — слабо улыбнулась худенькая пожилая женщина. — Ничего не осталось.

На ней было коричневое пальто из крепа, как носили лет сорок назад, с поеденным временем, но аккуратно расчесанным норковым воротником в форме рогалика. На груди под выточками пальто проваливалось, будто плоти в старушке не осталось тоже.

— Александра Константиновна, — произнесла Мариам, распробовав кровь. — Сокращена по возрасту, педиатр... Вы не поставили молоко в холодильник.

Александра Константиновна вяло махнула узловатой ладонью и клацнула замком сумочки. Оттуда она извлекла коробку конфет с помятыми уголками. Придвинула к Мариам.

— Возьми, деточка.

Мариам встряхнула коробку, и та зазвучала, словно внутри были камешки.

— Шоколад уже побелел от старости, хорошо, — сказала она, прислушиваясь.

— Да? Я не знала. — На блеклых щеках Александры Константиновны выступил розоватый румянец. — Мне хотелось сделать подарок.

— Вот как? — Мариам удивленно приподняла бровь.

— Белое — вот.

Взяв из протянутой руки ожерелье из мелкого жемчуга, Мариам пробежалась по нему тонкими пальцами, как по четкам. Схватила зеркало.

— Я вижу... Я вижу память, — сказала она.

Старая женщина кивнула.

— Но люди не могут жить без памяти, как без воздуха!

— Именно. — Губы Александры Константиновны сжались в упрямую нитку.

— Совсем-совсем незачем? — Мариам растопырила ладонь и начала загибать пальцы: — Внуки — раз, в серванте список дел на пенсию — два... Собаку, в конце концов, завести — телефон принюта вы сами выписали в прошлом году, синий блокнот, страница пятнадцать. Это три. Надо просто искать!

— Молодым все просто, а я устала. Ничего не хочу.

Мариам фыркнула, а Александра Константиновна вдруг подалась вперед.

— У тебя анемия, деточка, надо больше гулять. — Она положила ладонь поверх руки Мариам. — И руки холодные. Я тотчас домой сбегая, принесу мумие и мед гречишный. Сосед делает. Свежие, тот год. Мне уже не надо.

— Вы хорошая, — сказала Мариам и подцепила на палец жемчужное ожерелье. — Но мне тоже надо не это.

— А что? — с любопытством спросила Александра Константиновна.

— Все-таки что-то да интересно, не так ли? — хмыкнула Мариам и обвела рукой ломбард: — Я тоже ищу. Что-то белое, тогда я не буду не-жить.

Александра Константиновна сочувственно выдохнула и украдкой оглянулась:

— Это же сколько лет так надо...

Мариам звонко рассмеялась и почти по-приятельски потрепала ее по рукаву.

— Ай, да ладно, меня все устраивает. Я не люблю перемен и, по правде сказать, совсем не против, чтобы их и дальше не происходило.

Она вдруг дернула нитку ожерелья, да так, что та порвалась и жемчужины раскатились по столу. Придирчиво отобрала три штуки, а остальные ссыпала в сумочку посетительницы.

— Этого достаточно для вашего желания. Идите, все будет.

Дома Александра Константиновна первым делом поставила молоко в холодильник. Потом постояла, глядя в окно на морозный бульвар и закутанных прохожих. Открыла синюю записную книжку, долистала до буквы «П» на пятнадцатой странице и придвинула к себе телефон.

В феврале пришла лысая девочка. Она принесла снег.

— Я хочу, чтобы мама не грустила, — сказала она.

— Чистота, хм-м... Это слишком сложное желание для такого белого, Оля. Богатство, любовь — что угодно. Но не мать, которая вдруг забудет, что у ее дочери лейкемия, — сказала Мариам, запрокинув голову и катая на языке кровь. — Однако что-то в тебе есть...

— Я принесу другое, я найду!

Мариам схватила зеркало, с которого слизывала кровь, и долго смотрела в него.

— Да, у тебя есть то, что мне нужно. То, что мне надо найти, — наконец сказала она, и голос ее стал хриплым.

— Что это? — воскликнула Оля.

— Я не знаю, — печально ответила Мариам. — Я не могу рассмотреть ничего, что касается меня самой, ты же видишь.

Она махнула рукой на зеркала, в которых отражались Оля, пламя свечи, уходящие в темноту стеллажи и в которых не было Мариам.

Назавтра Оля принесла бинты — боль. Потом оригами из белой бумаги в виде ангела — небо. Она приходила каждый день, а потом пропала.

Вернулась она весной, и от нее осталась лишь тень. Она принесла цветков вишни — надежду.

— И я надеялась, что ты придешь, — буркнула Мариам, потом посмотрела в зеркало и грустно добавила: — Не то.

Оля сползла на пол, прислонилась спиной к стеллажу с запыленными искусственными белыми цветами и стопкой постельного белья.

— Как это — не жить, Мариам? — слабым голосом спросила она.

Та обвела белую лавку рукой и яростно закачалась на стуле.

— А как это — жить? — спросила в ответ.

— Если бы не мое белоокровие, я бы тебе показала, — засмеялась Оля.

Грохнуло, и Мариам, потирая спину, поднялась.

— Белая кровь! — вскричала она и, будто ноги разом подогнулись, осела на пол. — Ты принесла смерть.

— Это все, что у меня осталось, — сказала Оля.

Мариам не ответила. Смотрела Оле в глаза. Дважды пыталась сказать что-то, но мотала головой.

— Не-жить, — наконец прошептала она и решительно кивнула сама себе.

Подползла поближе и, взяв Олину руку, перевернула запястьем вверх. Поднесла губы к незащитной голубоватой вене.

— Больно не будет, — прошептала она, и больно Оле не было.

А потом Мариам поднялась, оправила белую рубашку и бросилась к зеркалу размером с дверь. Она отразилась в нем с головы до ног. Шагнула — и вошла в него.

...На железной двери с той поры появился амбарный замок. Мама Оли больше не грустила — только иногда, когда дочь повзрослела и слишком поздно возвращалась домой. А в те ночи, когда полная луна светила в окно и особенно тонки были грани между мирами, Оля видела сон и видела Мариам, которая жила жизнь.

Светлана ЧЕРНЫШОВА

ДОЛГАЯ ОСЕНЬ В КРЫМУ

* * *

Ход вещей не нарушен,
то есть времени ход:
снова лета макушка —
цикорий цветет,
он всегда на макушке у лета —
невозможно небесного цвета.

Будто небо упало и — вдребезги, и
больше нет постаревшей, иссохшей земли,
только — море и небо, и небо, и море,

только в зное полуденном волны цикория,
просто руки раскинь и плыви...
Как-нибудь доплывешь до земли,

где дома и деревья засыпаны снегом,
и еще...
С позапрошлой зимы не дочитана книга —
про бескрылых людей? Или птиц?
И цикория бледный цветок
меж страниц.

* * *

В детстве была плаксой,
в юности — не лучше.
Рыдала над пустяками:
например, над латынью,
что мертвой бабочкой
летала близко-близко,
в руки не давалась.
А у человека больше двухсот костей,
вы в курсе?
Выучи-ка все, еще и на латыни.
Губы шептали, спотыкаясь о незнакомые звуки,

незнакомые бессмысленные слова,
и слезы заливали красочные рисунки
анатомических атласов
с мышцами и костями.

Дура, какая дура, плакала над рисунками!
Так все слезы истратила.
Нету их больше, нету.
А оставшиеся иссушило
раскаленное крымское лето.
Теперь мои глаза —
два пустых татарских колодца.

Я иду мимо госпиталя,
вижу
юных — на костылях или в инвалидных колясках,
безруких, безногих,
губы шепчут: fibula — tibia — femur —
нет их.

Слез нет, выплакала все, дура.
Надо было для *этого*
настоящего оставить.

* * *

говорят, скоро будет зима.
будет долгой зима — без конца и без края.
а пока... тяжелеет хурма,
всплески скудного солнца на землю роняя.

сколько нынче хурмы...
на деревьях, прилавках торговых палаток.
повторяй же: хурма, от хурмы
пусть во рту станет терпко и сладко.

чтоб на тоненький первый ледок,
спотыкаясь от мертвого света,
вышел ты, как всегда, одинок,
но с оскоминой сладости этой.

* * *

ветер сегодня солон штормист
с клена сорвал огнедышащий лист
кружится
кружится он

девушка что-то кричит в телефон
катятся слезы голос дрожит
все это
все это жизнь

встречи-невстречи
любовь-нелюбовь
слава тебе безысходная боль

отсвет кленовый в ее волосах
даже в отчаянии
даже в слезах
даже у боли на остром краю
юность прекрасна
как осень в крыму

долгая
долгая
осень в крыму

* * *

— скажи-ка мне, родина,
кто я тебе?³
— так дочь ты мне... родинка.
ветер в трубе
завоет, забрызжет прозрачная кровь
из гулких березовых дров.
присядешь, беззвучна, пуста, у печи.
— ты поговори со мной, а?³ не молчи.
— ты дочка мне, родинка.
тугой узелок на цветной кисее,
сдьмая вода на чужом киселе.
поди, я тебе приласкаю,
катись ко мне, глупенький жбанчик пустой.
до всех заусениц, до гиблого края
наполню любовью своей непростой,
чтоб сладким стал горький и быт твой, и дом.
а время придет умирать молодой,
чтоб было легко умирать молодой.
за эту любовь непростую
давай я тебя расцелую.
чтоб ты, как березовый жбанчик пустой,
гордилась беззвучной своей пустотой.

* * *

ты вернулся в октябре
мы махнули в Коктебель

пить на берегу вино
с карадагской кислицей

нежен день и ночь нежна
желтолобая волна
берег вылизала чисто
от поэтов и туристов
благодать и тишина

колыбеленка моя
коктебеленка моя

что там в будущем? не знаю
а как прошлое помянем —
с неба катится звезда

помнишь жили мы давно
в балабановском кино?

было весело и страшно
огнестрельно бесшабашно

ведь на то и есть оно
настоящее кино

но
как молоды мы бы
но как искренне люби

юных волн и настоящих
песня плещется в крови

колыбеленка моя
коктебеленка моя

* * *

да что же такой городок неказистый —
за десять дорог объезжают туристы.
заеду, пожалуй. ох, боже мой, здравствуй —
от улицы Ленина до Карла Маркса,
по Энгельса сделав задумчивый круг,
на Либкнехта выйдешь и — до Люксембург.

но если спуститься по Красноармейской,
ты встретишь отель никому не известный,
здесь все современно — комфорт и уют,
кондишка бормочет, wi-fi раздают.
и груша ветвистая смотрит в окно.

развалишься в кресле, откроешь вино.
и только глотнешь ледяной совињон —
услышишь из крохотной церкви напротив
вечерний густой перезвон.

и выйдешь во дворик, чтоб слушать и слушать,
как бьются о землю тяжелые груши,
как падают груши под звон колокольный...
и сладко, и больно.

* * *

подойдет вальяжно
на колени ляжет
ты кота погладишь
я кота поглажу

ничего что в жизни
радости так мало
и касанья эти
вроде ритуала

ничего что помним
знаем наизусть
ты меня коснешься
я тебя коснусь

так и проживем
эту жизнь втроем

* * *

По лету в Крыму просыпаются рано,
пока, опрокинутая вверх дном,
просохших небес, в мелких трещинках, ванна
не стала с кипящей смолою котлом.

Вставайте. В беспечном раю на рассвете
спят в солнечных слепках и каплях росы
каштаны, чертята вопящие — дети,
бездомные розы и ангелы-псы.

На цырлах крадитесь меж ними, и — к морю,
где, может быть, будет свободен лежак,
а если не будет, то можно и стоя,
и сидя на камне, и эдак, и так

смотреть, как шипучая бухта разлита
по чистым бокалам, и в легком свече-
нии пены выходит сама Афродита
с улыбкой дитя и тату на плече.

* * *

на рынке, и в саду, и по дороге к морю —
езде она сейчас, багрова и бела,
всё про нее одну с особою любовью:
во двор зайдешь, и тут — черешня тяжела.

согбенных веток дух — как будто расплескали
невидимой рукой под солнцем теплый брют.
и скачет ребяшня — сережи, тани, вали:
клюют черешню, косточки плюют.

наклонишь ветку так, чтоб поспелей, побольше.
а надоест их гвалт, к подъезду побредешь
и дома обнаружишь косточку в подошве,
да будто приросла — не оторвешь.

и думаешь: ну да-
же если мир кромешный
опять пойдет ко дну, какой там к черту Ной?
бог всех нас повторит — из косточки черешни.
и, может быть, из этой вот одной.

В отечественных толстых литературных журналах существовал отдельный жанр очных и заочных дискуссий. Он неизменно привлекал к себе читательское внимание благодаря полемической заостренности высказываний, ясности и проговоренности позиций. Но на долгие годы жанр оказался в тени.

«Сибирские огни» считают необходимым вернуть практику журнальных дискуссий. Предмет сегодняшнего обсуждения — сталинизм — непосредственно связан, как раньше говорили, с «текущим политическим моментом». Не секрет, что недоброжелатели нашей страны пытаются навязать миру и нам самим образ России как окостеневшего общества, в котором царит унылое единомыслие. Снова звучат слова «тоталитаризм», «репрессии», «цензура». Мы отвечаем на этот вал пропаганды свободным и честным разговором. Позиции авторов — Веры Калмыковой и Андрея Рудалева — во многом противоположны, что нормально для развитого общества. Надеемся, что читатели журнала не просто ознакомятся с текстами, а станут участниками непростого, важного для всех диалога.

Вера КАЛМЫКОВА

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Нас — тьмы

Только приступив к чтению «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева, невозможно не заметить, как часто повторяется на страницах этого труда определение «обширный». Все у нас огромно, всего у нас много. Первые русские владыки испытывали недостаток в людях, способных заселить и освоить новоприсоединенные земли. К XX веку этот вопрос перестал казаться первостепенным.

Русский человек мыслит масштабно, поскольку за спиной он ощущает громадное пространство. Сколько современных воронежцев сумеет побывать во Владивостоке? Но он все равно «свой», «наш». Не имея возможности охватить просторы родины физически, мы, едва выйдя из младенчества, уже обжили ее ментально.

И так же, как к земле, мы относимся к людям, оперируя *массами*. Любому супротивнику ответим по Александру Блоку: да, «*миллионы — вас*», но нас-то «*тьмы, и тьмы, и тьмы*».

месяца. Общество, верившее в долгосрочность благополучия, поняло, насколько оно иллюзорно. Военный конфликт, в который никто не хотел верить, стал реальностью и для глубокого тыла. Прозвучала песня Шамана (Ярослава Дронова) «Встанем», в которой мертвые и живые представляли единым, нераздельным, связанным памятью народом.

Россия встала за *каждого* из своих погибших.

...К постсоветскому тридцатилетию 1992—2022 годов можно относиться как угодно, но несомненно одно: прожив эти годы, мы впервые в своей истории перестали мыслить «*тьмами*». Теперь мы смотрим в глаза любому. Единица перестала быть нулем. Нет различий между живыми и мертвыми: мы один народ. Нет различий между историей и современностью: это единый поток времени, и мы живем в нем. И если мы хотим — а ведь хотим! — великого будущего, следует научиться смотреть в глаза отдельной личности. Называть ее по имени.

Новая мифология

...Наша история парадоксальна. Удивительнее всего, что идеологию власти большинства в СССР с конца января 1924 года (официально с 1925 года) проводил в жизнь индивидуалист редчайшей, высшей пробы, на собственном примере показавший, сколь несостоятельна позитивистская концепция незначительной роли личности в истории. Его звали Иосиф Виссарионович Джугашвили. Он обрел всемирную известность под псевдонимом Сталин. Накрепко укоренились в народной памяти такие понятия, как «сталинские пятилетки», «сталинская индустриализация» или «сталинские соколы». Словосочетание с этим прилагательным неизменно приобретало сакральный статус. Сегодня как анекдот звучит история о том, что в 1950 году некий студент-технар, позволивший себе на чертеже сокращение «сталинские пят-ки» (слово полностью не влезало), был изгнан из вуза с волчьим билетом...

Чем позже родились социально активные граждане, ныне прославляющие Сталина, тем лучше и чище выглядит его образ. На наших глазах оживает фигура компетентного во всех областях великого гуманиста, способного наладить жизнь в огромной стране великого управленца и великого полководца. Становится все больше людей, желающих вычеркнуть из нашей истории еще два именных явления — «сталинские репрессии» и «сталинский террор». Неосталинизм напоминает архаичную первобытную религию, когда миф значительно жизнеспособнее реальности. *Творимая легенда* начинает выглядеть настолько привлекательно, что воспринявшие ее не желают разрушать ретроидиллию 1920—1930-х, тщательно выстроенную по грибоедовской модели: «Где ж лучше? — Где нас нет». Лишь с одной поправкой: *когда нас не было*.

Таким образом, один и тот же уважаемый человек сегодня может предлагать переименовать Волгоград в Сталинград и провозглашать «С нами Бог!». Экллектизм такого способа мышления завораживает, но он не историчен.

Сравнительная арифметика

Анализ феномена сталинизма начался в конце 1980-х. Главным предметом обсуждения были сталинские репрессии, узники и жертвы ГУЛАГа. Однако уже через несколько лет в новой России произошло нечто подобное ситуации

в Европе после холокоста. Да, признают европейцы, было-было, но как вы нам со своим холокостом надоели! Давайте поговорим о чем-нибудь более приятном...

То Европа, а в России все развивается гораздо круче. Не успев толком сформироваться, постсоветское общество расколосось уже в начале 1990-х. Одна часть читала поэму «Реквием» Анны Ахматовой, «Колымские рассказы» Варлама Шаламова, «Крутой маршрут» Евгении Гинзбург, «Непридуманное» Льва Разгона и ужасалась открывшимся безднам. В это время вторая часть рьяно доказывала: то не бездна, а равнина ровная, в худшем случае с незначительными нарушениями рельефа.

Тому есть причины. Во-первых, когда-то давно первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев озвучил неверные, произвольные данные, что при репрессиях пострадало 10 миллионов человек. Большая ложь породила большое недоверие: раз здесь наврали, может, и в других случаях то же самое?..

Проблема в том, что статистические данные по жертвам большого террора 1937—1938 годов и по пострадавшим за всю эпоху сталинизма в 1930—1950-е годы не собраны до сих пор. Наиболее распространенная цифра — 3,5—3,8 млн человек. Но разве этого мало?.. В человеческом сознании равно не умещается ни десять, ни три, ни даже один миллион. Максимум, что можно себе представить, это количество людей на большом стадионе, вроде «Лужников», — 81 000 человек. Их можно объять взором, хотя увидишь лишь как массу, как *тьму*. Названная чуть выше цифра — это суммарное население Екатеринбургa и Новосибирска...

Но давайте вернемся к доступным данным. По сведениям современных исследователей, только расстрелянных в сталинскую эпоху советских писателей — 464. Еще 252 человека сгинуло в ГУЛАГе. Чтобы понять масштаб, обратимся к данным британского философа Бернарда Рассела. Рассуждая об эпохе Возрождения, он писал, что деятелей Ренессанса — ученых, художников, литераторов, оплодотворивших культуру на несколько столетий вперед, было всего... человек *двести*.

Народ и его ценности

Другое основание, призванное *отменить* сталинский террор (кстати, о *культуре отмены!*), выглядит гораздо серьезнее: при Сталине страну подняли из руин после революции 1917 года. При Сталине победили фашизм. При Сталине восстановили народное хозяйство. При нем стали великим советским народом. Он наша часть, и те, кто отрицает его роль, покушаются на наше величие.

Народ велик, пока неприкосновенны его святыни. Однако Сталин посягнул на многие из них, включая Московский Кремль. С 1918 года он стал резиденцией нового большевистского правительства во главе с В. И. Лениным. По преданию, председатель Совета народных комиссаров, юрист с университетским образованием, первые три дня жизни на новом месте посвятил его изучению: вооружившись подготовленным С. П. Бартеневым двухтомником «Московский Кремль в старину и теперь» (1912), Ленин исходил всю территорию. Легенда легендой, но факты говорят, что при первом главе советского государства здесь уже в 1918 году было снесено два памятника — Александру II и Великому князю Сергею Александровичу. После смерти Ленина фактическим руководителем государства стал генеральный секретарь ЦК РКП(б) И. В. Сталин, бывший выпускник Горийского православного духовного училища (1894),

исключенный в 1899 году за прогулы из православной Тифлисской духовной семинарии. За время его правления в Кремле были снесены Церковь святых Константина и Елены (1928), Вознесенский и Чудов монастыри, Малый Николаевский дворец (1929), Львиные ворота (1930), церковь Благовещения на Житном дворе (1932), древнейший московский храм — собор Спаса Преображения на Бору (1933).

При этом народное предание гласит, что после окончания Великой Отечественной войны Сталин якобы посещал Всехсвятскую церковь на Соколе в Москве. Проверить эти сведения невозможно. Разве что можно прикинуть: во-первых, здесь почитаются грузинские святые; во-вторых, отсюда до Кремля от силы минут 15 прямого пути на автомобиле...

Обращение к мифологии оправданно, когда мы говорим о долитературном обществе, а у нас есть что почитать. Обратимся хотя бы к советскому образованию. Сейчас оно так себе, а при Сталине, говорят, стало лучшим в мире. Да помилуйте, это не заслуга послереволюционных деятелей. В учебном пособии «Русское литературоведение XVIII—XIX веков. Истоки, развитие, формирование методологий» (2016) М. Б. Лоскутникова показала, что основные методики были разработаны и отточены еще в начале XX века. Как говорится, при цареватюшке. После 1917 года ими воспользовались, обильно сдобрив большевистской идеологией.

Как известно, Сталин был склонен к гуманитарному знанию, писал и публиковал стихи на грузинском языке, ощущал себя причастным к цеху литераторов. Его взаимоотношения с *собратьями* по перу — по его собственному определению, «инженерами человеческих душ» — подробно описаны Б. М. Сарновым в исследовании «Сталин и писатели». В 1932 году вождь оказал положительное влияние на судьбу Михаила Булгакова, в 1934-м — Осипа Мандельштама. В телефонном разговоре с Борисом Пастернаком о Мандельштаме он несколько раз уточнил, можно ли считать арестованного поэта «мастером». Творчество социально близкого литератора Андрея Платонова, наоборот, было подвергнуто резкой критике самим Сталиным... Туго писателю пришлось.

Один и многие

Случай Платонова показывает, как рьяно глава государства защищал свой народ от чуждых лично ему элементов. Пока это были представители враждебных большевизму политических партий, ситуация выглядела понятно — государство защищало себя. Со 2 ноября 1923 года действовало секретное постановление Совнаркома «О создании Соловецкого лагеря принудительных работ» (Соловецкий лагерь особого назначения), где поначалу содержались меньшевики и иже с ними, причем в условиях, близких к человеческим. У них даже свой журнал выходил, кто писал стихи — публиковался.

Однако к концу 1920-х отношение к оппонентам РКП(б) переменялось. Даже если человек не был политическим противником, его стало позволительно назвать таковым и наказать. Иногда даже без суда. Он мог вообще не быть противником, напротив — верным ленинцем, пламенным революционером, коммунистом до мозга костей. Но как только его называли *врагом народа*, он превращался во врага без возможности оправдаться. Потому что обвинение держалось на безликом, безымянном свидетельстве.

На современный взгляд это почти магия: имени у обвинителя нет, донос не подписан, а человек исчезает навсегда или очень надолго. Как только персональным врагом Сталина называется, допустим, Лев Давидович Троцкий, так в любой профессиональной среде появляются троцкисты, которых обнаруживают бдительные анонимные сторонники вождя. В союзники Сталин брал не конкретных деятелей, а *весь советский народ*. Поэтому враги были не лично у него, а у народа, который получил возможность себя защищать после появления в 1926 году печально известной 58-й статьи Уголовного кодекса, предусматривавшей ответственность за контрреволюционную деятельность. Любое высказывание, хоть как-то похожее на антиправительственное, таковым становилось, если того желал слышавший.

Не сам «отец народов» написал *тьмы* доносов, однако он создал предпосылки, при которых это стало возможно. Трудно требовать представлений о личной чести и достоинстве от потомков вчерашних крепостных, которым словами коммунистического гимна «Интернационал» посулили: «Кто был ничем, тот станет всем». Меж тем в перечне первоочередных задач советской власти всеобщее образование ставилось рядом с электрификацией: свет духовный со светом материальным. Государство, объявившее себя *просветителем темной массы*, поощряло в собственном гражданине развитие наитемнейших человеческих черт.

Правомерны возражения, что доносительство не было исключительной прерогативой сталинизма. Оно практиковалось в те же годы в США и до сих пор не считается пороком у англосаксов. При этом в царской России доносчику издревле полагался первый кнут, а ябедничать отучали с малолетства...

Свобода и счастье

Так начала формироваться масса политических заключенных СЛОНа, в 1930 году унаследованных ГУЛАГом. Академик Дмитрий Лихачев, на чьих «Письмах о добром и прекрасном» молодые люди воспитываются до сих пор, в 1929 году стал узником СЛОНа лишь за доклад о старой русской орфографии в студенческом кружке «Космическая академия наук». «Космисты» любого профиля в те годы редко оставались на свободе. Большинство из тех, кто устремлял взоры в бесконечность, были вынуждены в итоге созерцать тюремные стены. К этому времени обстановка в СЛОНе коренным образом поменялась, и выжить там можно было только чудом.

Потом революция начала пожирать своих детищ. Даже один из трех создателей СЛОНа Н. П. Горбунов был расстрелян в 1937-м как враг народа. Разве это не удивительно? Большинство государственных лидеров во все времена стремились создать вокруг себя группу единомышленников, соратников, работающее правительство. Но не у нас...

Предвоенные годы получили название *Большого террора*. После политических процессов середины десятилетия началась «партийная чистка». Она стартовала на верхнем уровне власти, скатываясь вниз со все более широким захватом. Об этом времени написаны тома воспоминаний. Их авторы, как правило, сами прошли ГУЛАГ или пострадали из-за осужденных близких. Пресловутая 58-я статья предусматривала ответственность за недоносительство, поэтому среди подразделений ГУЛАГа действовал АЛЖИР — Акмолинский лагерь жен изменников Родины. Мемуаристы делились с читателями тем, чему стали

свидетелями и прямыми участниками. А в учреждениях, где содержались дети врагов народа, висели плакаты: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство».

Лица «врагов»

Один из крупнейших философов рубежа XX—XXI веков Г. С. Померанц (1918—2013), участник Великой Отечественной и орденоносец, осужденный в 1949 году «за антисоветские разговоры», еще в 1960-е годы сформулировал: «Думайте о Боге, пишите по-русски, вот и будет русская культура». Тот самый Померанц говорил о себе: «Я в лагере был *придурком*». Так называли тех, кто по роду занятий не был задействован на тяжелых физических работах. В 1965 году этот «политический» прочитал в Институте философии доклад «О роли нравственного облика личности в жизни исторического коллектива». Он же чуть позже записал слова, ныне знаменитые: «Дьявол начинается с пены на губах ангела... Стиль полемики важнее предмета полемики. Предметы меняются, а стиль создает цивилизацию».

Возьмем пример из другой области. Микробиолог Л. А. Зильбер, создатель отечественной вирусологии и иммунологии, один из сотрудников Института эпидемиологии и микробиологии им. Н. Ф. Гамалеи, арестовывался три раза. В 1930-м Зильбер провел в заключении 4 месяца. В 1937-м он, согласно доносу, пытался заразить Москву энцефалитом; освобожден в 1939 году. И в последний раз отбывал срок с 1940 по 1944 год. За это время известный «вредитель» разработал препарат от пеллагры и исследовал природу рака. Об этом и о многом другом написано в книге автора «Двух капитанов» Вениамина Каверина «Эпилог».

Это — враг?.. Может быть, *какие-нибудь другие* люди были реальными *врагами*? Чем тогда объяснить волну реабилитаций, прокатившуюся по стране после смерти Сталина? Реабилитация возможна лишь при отсутствии состава преступления. Для сравнения — расстрелянный за госизмену в 1953 году глава МВД СССР Лаврентий Берия, которого нынче стремятся прославить как куратора советского проекта атомной бомбы, посмертно не реабилитирован.

Вопросы без ответов

Возникает масса вопиющих вопросов. Почему признательные показания выбивались с помощью пыток? По-другому доказательств обвинению добыть не получалось? Значит ли это, что их и не было? Почему родственникам осужденных на расстрел сообщали ложный приговор — «десять лет без права переписки»? Государство обнаружило преступника, государство его покарало. Но оно не вправе вмешиваться в частную жизнь, не имеющую отношения к преступлению. Самый закоренелый злодей может иметь мать, для которой он мальчик, жену и ребенка, которые его любят. Они имеют право получить тело казненного и похоронить его. Почему семьям врагов народа было отказано в этом священном праве?

Почему начавшееся дело врачей-убийц, стремившихся, согласно обвинению, к уничтожению советских лидеров, было закрыто спустя ровно месяц после смерти Сталина, 5 апреля 1953 года? Почему все фигуранты были отпущены на свободу и восстановлены в правах?..

Но незачем спешить, перескакивать в послевоенное время. Остались неупомянутыми раскулачивание, коллективизация и строительство силами заключенных Беломорско-Балтийского канала, о котором В. Б. Шкловский сказал: «Страшнее, чем на войне». Бывшему эсеру-боевику было с чем сравнивать... Война застала СССР внезапно, и опять-таки в источниках согласия нет; как будто все сходится на том, что по количеству вооружений Красная армия превосходила противника, а по численности войск была почти вдвое меньше. Как получилось, что несмотря на неоднократные предупреждения резидентов о скором нападении нацистов вражеская армия докатилась до Москвы и Волги, откуда впоследствии с большим трудом, очень долго, ценой невероятных усилий и потерь наших войск изгонялась? Почему так? Почему во время Великой Отечественной голодала вся страна?..

Статистика, величие, личность

Точных данных о числе погибших в первые месяцы 1941 года до сих пор нет. Приводятся разные величины, от полумиллиона до трех миллионов и выше. Однако уже «минимальные» — допустим, 600 000 — ужасают. Сталин, кстати, озвучил данные по итоговым потерям в Великую Отечественную войну в количестве семи (по другим источникам — восьми) миллионов человек. Что показатель занижен, было ясно уже тогда.

До сих пор добровольные поисковые отряды поднимают из болот, выкапывают из-под древесных корней останки наших воинов, возвращают им имена и семьи. Кто-нибудь скажет: «Мертвым все равно». Но кто из нас согласится быть «потерянным» после смерти? Каждый заслуживает имени и двух дат на надгробии.

Нынешние патриоты любят проводить аналогии между Специальной военной операцией и Великой Отечественной войной, рассуждая: мы доделываем то, что по тем или иным причинам не завершили наши деды. Корректным сравнение назвать нельзя, и прежде всего потому, что отношение к человеку, к бойцу, к сохранности его жизни теперь коренным образом изменилось. Не значит ли это, что и отношение к истории, к народу тоже постепенно начнет меняться или подспудно меняется уже?

Российский народ имеет право задать самые неудобные вопросы и получить ответы. Великому народу не страшны оценки прошлого. Значительно хуже рецидивы в настоящем. Пусть школьник, открывший учебник по истории, прочитает несколько весьма неприятных страниц. Мы имеем право и должны проанализировать и понять свое прошлое *в человеческом измерении*, чтобы раз и навсегда восстановить представления о добре и зле, нравственности и пороке.

Тогда нам, вооруженным знаниями, не понадобится оправдывать массовую гибель людей мифическими причинами. Нам вообще не понадобится мифологема неосталинизма. Мы сможем жить в реальности, *созидая* или *обывая* по личному выбору. Но даже обыватель будет знать — он часть великого народа.

Понятие «великий народ» неразделимо с историческим опытом, рефлексией и критическим осмыслением фактов. Самое лучшее образование бессмысленно, если не освящено идеей ценности отдельно взятой человеческой жизни. Каждый. Всякой. Любой.

Андрей РУДАЛЕВ

ДЮЖИНА НОЖЕЙ В СПИНУ СТАЛИНИЗМА

Где-то в начале нулевых в местной газете у меня выходила статья о феномене Иосифа Сталина. Ее посыл состоял в том, что этот правитель соответствовал своему времени и был необходим, в том числе чтобы победить в Великой войне. Статья, что называется, пошла в народ. То там, то здесь я видел газету, развернутую именно на ней. Это отлично отпечаталось в моей памяти.

Обычно подобный интерес к персоне знаменитого советского вождя трактуется как тоска по суровой руке, ностальгия по советскому времени, традиция рабского преклонения или обостренная жажда социальной справедливости. А кто-то узрит в этом примету человеческой деградации и разрушения генофонда нации.

По моим ощущениям, в росте популярности фигуры Иосифа Сталина виноват не его культ, не попытка повернуть все вспять, начать «закручивать гайки» и «рубить лес так, что щепки летят». В этом феномене проявляется тяга к восприятию истории как единого процесса в противоположность к нагромождению разрозненных кусков плохо сшитого, нелепого лоскутного одеяла. Что бы про нее ни говорили, история одна.

Хочу сказать сразу: то, что у нас принято считать за антисталинизм, не имеет отношения к реальной истории, ее советскому периоду и личности Сталина. Он представляет собой мировоззренческую концепцию, в крайнем своем выражении доходящую до экзальтации и безоговорочной религиозной веры. Причем данное учение располагает своими действенными «кулаками».

Три волны

Можно схематично обозначить три волны антисталинизма: хрущевскую, перестроечную и постсоветскую. Хрущевская десталинизация довольно эффективно использовалась в качестве средства противостояния советскому строю. В романе Всеволода Кочетова «Чего же ты хочешь?», опубликованном в 1969 году, говорится о том, что через развенчание Сталина «удалось в некоторых умах поколебать и веру в то дело, которое делалось тридцать лет под руководством этого человека». Оно стало главным идеологическим оружием времен холодной войны, призванным изнутри разрушать советское общество.

Звездный час отрицания сталинизма пришелся на советскую перестройку. Идеологически это было равносильно термоядерному удару по устоям страны. В этот период критически настроенные незрелые умы увидели в Сталине

и его наследии приметы текущего и грядущего апокалипсиса. К примеру, авария на Чернобыльской АЭС в 1986 году трактовалась как наглядное последствие сталинизма.

Примечательно, что провозглашенная в апреле 1985 года новым генеральным секретарем ЦК КПСС Михаилом Горбачевым перестройка изначально была заявлена как продолжение дела Великого Октября. Якобы она потребовалась, так как развитие страны пошло по ошибочному пути. Пресловутый отход от идеалов марксизма-ленинизма был увязан с личностью и деятельностью Иосифа Сталина.

Вскоре демонизация Сталина и времени его правления достигла уровня абсолютного нигилизма. Все советское было априори объявлено неправильным и преступным. По этой причине все созданное за эти десятилетия пошло на слом под лозунгом «борьбы со сталинизмом». Ибо если этой «заразой», которая для многих критиков советской власти хуже немецкого нацизма, пропитано все, то сломанного не жалко.

Под прикрытием призывов к правдоискательству началась профанация взгляда на историю СССР. В атмосфере всеобщего нигилизма и пестования комплекса советской неполноценности, как писал известный советский философ Александр Зиновьев, началась «оргия любования своими язвами». Перестройка трансформировалась в «катастрофу». Действительно, чем гордиться, если за семьдесятю годами истории СССР стоят только сталинский тоталитаризм и брежневский застой. Тем более что от этих «язв» мы не отреклись, не высекли себя и продолжаем их волочить за собой...

В «лихие» 1990-е этот жупел успешно справлялся с отторжением жителей бывшего СССР от недавнего прошлого и примирением их с новыми шокирующими реалиями. Общество запугивали, что иного не дано. Якобы, если «шоковую терапию» не пройти, будет только хуже. Хотите назад в ГУЛАГ? Нет? Тогда терпите, пока не убьете в себе Сталина. Сами виноваты. Ведомые западными «консультантами» идеологи «рыночных реформ» нагнетали атмосферу страха, убеждали, что наше общество через страдания очищается, чтобы больше не вернуться к ужасам прошлого...

В новейшей отечественной истории, начиная примерно с «болотных» столетних волнений 2011—2013 гг. и киевского майдана (государственного переворота на Украине в 2014 г.), заговорили о необходимости новой десталинизации, «Перестройки 2.0». В качестве аргумента утверждалось, что страна окончательно не очистилась и не избавилась от этого греха своей истории, потому как не узнала всю правду и многое попыталась забыть. Поскольку неизжитые пережитки сталинизма вновь подталкивают страну к опасной черте, необходима новая, более глубинная волна десталинизации параллельно с перестройкой российского общества...

Принцип отказа от сталинизма отлично представлен в культовом фильме Тенгиза Абуладзе «Покаяние» (1984), где обыгрывается выкапывание тела покойного из могилы и сбрасывание его со скалы снова и снова. Именно по этой круговой композиции выстраиваются аргументы и обличения сторонников тотальной десталинизации. Современные призывы к десталинизации лишь перепев перестроечной демагогии и кампанийщины и не привносят в осмысление феномена ничего нового. Более того, они делают рациональное переосмысление этого периода советской истории невозможным, уводя его в плоскость «голых» эмоций. В этой сфере работают не аргументы, а экзальтация со спекулятивным

жонглированием цифрами жертв репрессий и любых других воздействующих на эмоциональную сферу «жареных» фактов.

При этом реальными результатами десталинизации становятся вовсе не оздоровление российского общества, его преобразование и духовный подъем. Вспомним распад СССР, изгнание миллионов русских из бывших советских республик и то, что происходило с Россией в 1990-е. Так что это? Торжество свободы и гуманизма либо опосредованные массовые репрессии в отношении бывших советских людей? Если начинать раскапывать ужасы «святых девяностых» (фраза супруги первого президента РФ Бориса Ельцина Наины. — *Ред.*) и их отложенный в будущее катастрофический эффект, они с лихвой перевесят масштабы раздутых борцами со сталинизмом «сталинских кошмаров».

Переформатирование прошлого

Разрушительный механизм десталинизации продолжает работать и сейчас. Сталинский период советской истории не принято подвергать комплексному научному осмыслению. Мы пребываем в успешно привитой извне нигилистической идеологической матрице, оперируем ее примитивными мифами, идеологемами и штампами. Стереотипами бездумного ниспровержения всего отечественного. Ведь если любой свой путь в России ведет к репрессиям, топору и ГУЛАГу, необходимо равняться на «свет западных истин».

Опять же, если Сталин такой плохой и ужасный, значит, позорные 1990-е в истории России и преступление, которое произошло в 1991 году (год начала так называемых рыночных реформ), вполне естественны и оправданны. Очевидно, что постсоветская десталинизация служит инструментом идеологической защиты и сбережения «завоеваний» демократии.

Таким образом, мы получаем идеологическую «черную дыру», поглощающую все вокруг. В ее основе лежит идея исторического греха русских, убийственный выстрел по формуле известного советского философа Александра Зиновьева — «метили в коммунизм, а попали в Россию». Спекулятивный штамп про страну, в массе своей строчившую доносы в НКВД, выводит этот «грех» в разряд первородного с поисками причин в истории отечественной цивилизации. Среди истоков «грехопадения» фигурируют принятие православия и наследование традиций Византии. Как утверждают русофобы, именно там кроются многовековые традиции азиатчины и рабской психологии народа России.

Поскольку десталинизация — спекулятивный проект нигилистической зачистки, она далека от истинного поиска правды о советском прошлом. По сути, это идеологическое переформатирование прошлого. Поскольку в прошлые годы данный механизм уже показал свою эффективность, не надо думать, что сегодня он забыт или отложен в долгий ящик.

Хотите дезавуировать любого оппонента? Легко. Достаточно наречь усомнившегося сталинистом. Если ты неистово не обличаешь сталинизм, значит, сам преступник. «Коллектив» (или молчаливое большинство) всегда прав. Догматическая традиция.

Вспомним перестроечную кампанию шельмования Нины Андреевой, которую именовали «бандершей из публичного дома» за достаточно взвешенную статью «Не могу поступаться принципами».

Она всего лишь посмела написать: «...Вместе со всеми советскими людьми я разделяю гнев и негодование по поводу массовых репрессий, имевших место

в 30—40-х годах по вине тогдашнего партийно-государственного руководства. Но здравый смысл решительно протестует против одноцветной окраски противоречивых событий, начавшей ныне преобладать в некоторых органах печати». Но ее «письмо» заклеили как «вылазку сталинистов».

Роль Иосифа Сталина в истории она сравнивала с правлением Петра Великого, которого кем только не именовали, вплоть до Антихриста. При этом «сегодня мало кого смущают личные качества Петра Великого, но все помнят, что в период его правления страна вышла на уровень великой европейской державы». Подобные аргументы и аналогии могли бы восприниматься как резонные, если бы основной целью «ниспровергателей» не был слом истории. Отсюда разница в оценках. Петр I при всех его недостатках воспринимается через призму благостного «прорубания» окна в Европу. Тогда как Сталина следует безжалостно заклеить. И не его одного. Почему бы полностью не разрушить построенное под его руководством здание, чтобы начать воссоздавать что-то новое с нуля, из пустоты.

Позволю себе еще раз процитировать Кочетова: «Это же средство борьбы... придумывать устрашающие термины, спекулировать на словечках “сталинизм” и “сталинисты”. Сколько с помощью этого приемчика всякой мрази навроползло на свет божий из клопидных щелей!»

Таким образом создается примитивная идеологическая трактовка истории, работающая по принципу замещения. Например, жила-была процветающая царская Россия. Но тут в нее высадился десант большевистских бесов, который на иностранные деньги по злоумышлению инициировал смуту и резню. Показалось «красное колесо»...

Через призму лубка

Многим обывателям проще воспринимать историю через призму подобно-го лубка, чем начинать разговор с того, что на начало XX века в России было огромное количество оппозиционных политических организаций и против государства велась настоящая террористическая война. Вследствие случившегося в результате предательства правящих элит февральского переворота, или буржуазной революции 1917 года, в Российской империи была низвергнута любая государственная власть и поставлен под вопрос сам факт ее существования. Те же большевики подхватили впавшую в анархию страну и принялись ее сшивать (представьте себе, что бы произошло, если бы на их месте оказался Борис Ельцин) в ситуации жесточайшего противостояния со всех сторон. Именно в политической пестроте и разгуле терроризма начала века кроются причины постоянной борьбы большевиков за власть, которая у нас трактуется как зачистка оппонентов.

Из вышесказанного следует, что невозможно сложный исторический процесс загнать в простую формулу. Столь же примитивно, как прикладывание подорожника к любому больному месту, выглядит объяснение причин любого советского и российского зла тяжким наследием сталинизма.

Кому и для чего необходим этот жупел? Отчего нам постоянно прокручивают сюжет из фильма «Покаяние» и пугают рецидивами? Антисталинизм — важная доминанта постсоветской идеологемы, строящейся на огульном противопоставлении и черно-белом восприятии мира. Она делает ставку на искусственный раскол сталинистов и людей новой формации. В этом противопоставлении

прослеживаются контуры социального карьеризма — отрекись от прошлого и стань успешным.

В данном контексте успешный россиянин — это тот, кто получил доступ к капиталистическим благам и приобщился к сливкам общества. Все прочее по преимуществу отчуждено от «завоеваний» демократии и цивилизационных благ. Не в силу чьих-то злоумышлений, а по причине наследования «первородного» греха советской истории.

Любые попытки примирения вышеуказанных социальных групп воспринимаются трансляторами и охранителями постсоветской идеологии отчуждения незаконными и неприемлемыми. Недавно один из выгодоприобретателей «демократических преобразований» — олигарх Олег Дерипаска — в своем блоге категорически отмел возможность примирения «белых» с «красными». Не действовали даже такие очевидные аргументы, как необходимость консолидации общества в условиях СВО. Подобное примирение для современных носителей «демократических» идеологических скреп страшнее, чем опасность, грозящая России с Запада.

Посему любая трезвая, взвешенная оценка советского периода истории сейчас «неформат». Иначе придется признать преступный развал огромной страны, мародерство на ее руинах и возникновение гигантской демографической ямы, из которой Россия не выбралась до сих пор. Обсуждать наболевшее аргументированно и предметно слишком сложно. Куда проще заходить в истериках по поводу сталинских ужасов и кошмаров.

Сталин как историческая фигура

Сегодня российское общество в массе своей по инерции и в силу идеологических причин сопротивляется очевидному. Однако история неизбежно все расставит по своим местам. Такие же процессы происходили с оценкой фигуры Петра I, который давно не воспринимается в общественном сознании антихристом. Все оценивают его роль по-разному, в целом сходясь на позитивном восприятии петровского периода истории России.

Так же со временем произойдет и со Сталиным. Но для этого необходима идеологическая демилитаризация этой темы. Иначе она работает как летальное оружие, сеющее исторический нигилизм и отчуждение между людьми.

Стремление к научному переосмыслению отечественной истории — не разговор об оправдании или обличении тех или иных ее сюжетов или деятелей. Отдельные оценки могут быть субъективными, но самое главное и объективное — выстраивание общего сюжета отечественной истории, ее логики, цели и назначения. Промыслительного сюжета, из которого вымарывать ничего нельзя, где все имеет значение и пропитано рифмами.

При этом период для переосмысления прошлого должен быть соизмеримым с прошедшим по событийной насыщенности. Например, после 24 февраля 2022 года многое из сталинского периода стало гораздо понятнее: от договора о ненападении между СССР и гитлеровской Германией и загадки 22 июня 1941 года до чисток в советской элите. Нужна только воля исследователя, не замутненная ворохом стереотипов и идеологических догм.

Алексей КОБЕЛЕВ

«СЛУЖИЛ С ИСТИННЫМ УСЕРДИЕМ И БЕСКОРЫСТИЕМ»

Василий Семенович Хвостов

В 1803 году сибирский генерал-губернатор Иван Осипович Селифонтов представил на усмотрение первого министра внутренних дел России графа В. П. Кочубея соображения относительно разделения Тобольской губернии на две части, с тем чтобы из одной части образовать новую губернию с центром в Томске и назвать ее Томской. «Тобольская губерния, — писал генерал-губернатор, — хотя числом обитателей в сравнении с российскими и не так многолюдна, но пространством занимаемых ею земель чрезмерно обширна, поелику уездные ее города от губернского стоят самый ближайший в 247, а отдаленный в 3 305 верстах, почему и в управлении оною встречаются всегдашние неудобства, препятствия и медленность».

Соображения И. О. Селифонтова нашли поддержку в министерстве внутренних дел. Император Александр I утвердил их именным указом Сенату от 26 февраля 1804 года. Так 220 лет назад появилась Томская губерния. Первым губернатором ее задолго до образования губернии, еще 17 ноября 1803 года, был назначен Василий Семенович Хвостов. Будучи более трех месяцев губернатором без губернии, это время он использовал на получение инструкций и наставлений в министерствах, разработку документов, согласования, подбор служащих основных структур.

Сибири Василий Семенович не страшился — он более десятка лет прослужил здесь и вернулся сюда по доброй воле.

Василий Хвостов родился на древней русской земле — в Гдовском уезде Псковской губернии, как писал сам, «в 1754 году, декабря 24 числа». Принадлежал к старинному, большому, но небогатому дворянскому роду. Его отец Семен Васильевич служил в Тобольском пехотном полку, участвовал в Семилетней войне с пруссаками, по окончании которой в 1763 году вышел в отставку секунд-майором. Мать Дарья Ивановна происходила из дворян рода Головницыных. Родители владели имением и сотней душ крестьян.

В 1765 году Семен Хвостов повез трех своих сыновей в Петербург, где нашел родственника со стороны матери генерал-майора С. В. Перфильева. Тот отличился при восшествии на престол Екатерины II и был весьма дружен с графом В. Г. Орловым. Граф Владимир Григорьевич в то время являлся президентом Академии наук России. Он-то и определил троих братьев в гимназию. Граф Орлов любил молодого Василия Хвостова, был к нему милостив, всегда брал с собой, когда уезжал в Петергоф или в имение. У него бывала императрица

Екатерина II, она участвовала в святочных играх, и Василию нередко случалось стоять за стулом государыни.

В 1772 году на восемнадцатом году жизни Василий Хвостов окончил гимназию и нуждался в поддержке для «вступления в свет». Граф Орлов в тот период юноше помочь не мог. В июне 1771 года, сильно больной, он уехал лечиться за границу и вернулся в Санкт-Петербург лишь осенью 1773 года.

В 1774 году по приказу графа Орлова Василия Хвостова записали аудитором 2-го канонирского полка, которым командовал полковник Б. И. Меллер. Тот поручил ему отправлять должность полкового адъютанта. С Борисом Ивановичем Меллером связаны крутые перемены в службе и жизни Василия.

Первого мая 1779 года по указу императрицы Меллер получил должность главного начальника Кольвано-Воскресенских горных заводов с производством в генерал-майоры артиллерии. Новоиспеченный генерал приехал в Барнаул по месту нового назначения, а сопровождавший его Хвостов, недавно произведенный в капитаны, принял под свое командование конную роту горного батальона.

Офицеры батальона в щегольской форме выглядели красавцами — блестящие медные пуговицы, кафтан красный, отвороты, обшлага, воротники, камзол и штаны зеленые. Яркой расцветкой они походили на сказочных птиц.

В следующем году по повелению императрицы Екатерины II в рамках проводимых ею административно-территориальных преобразований в составе Тобольского генерал-губернаторства была учреждена Кольванская область, вскоре переименованная в губернию. В руках правителя области, которым был в 1779 году высочайше назначен Б. И. Меллер, сосредоточились полномочия главы гражданской власти и начальника горных заводов. Меллер разделил область на уезды — Кольванский, Бийский, Семипалатинский и Кузнецкий, куда потом еще добавился Красноярский. Определялись границы области, уездов, формировались органы власти, налаживалась их работа.

В 1782 году Меллер отправил в столицу донесение, что Кольванская область создана и присутственные места заработали. Весть в Санкт-Петербург доставил Василий Хвостов. Успехами администрации Кольванской области были довольны не только самые высокие сановники Российской империи. Командира конной роты Василия Хвостова приняла сама императрица. Она была так растрогана, что презентовала гонцу золотую эмалированную табакерку со ста червонцами в ней.

В 1783 году В. С. Хвостов оставил военную службу и получил чин надворного советника. Короткое время состоял ассессором постоянной военно-судной комиссии, затем занял должность советника в палате гражданского суда Кольванской области с жалованием 600 рублей в год. Плюс к тому чиновники в Сибири получали столовые, квартирные и добавочные. В итоге жалование сибирских чиновников часто вдвое превышало выплаты их коллегам в старых российских губерниях на аналогичных должностях. В феврале 1784 года в Барнауле состоялась свадьба — правитель губернии отдавал замуж свою дочь Марию Борисовну. Женихом дочери был Василий Хвостов. Некогда верный помощник своего командира стал зятем властителя губернии и горных заводов.

В 1790 году, после десяти лет службы на Алтае, Василий Хвостов покинул Сибирь и укатил с семейством в столицу. К тому времени тесть уже не управлял казенными горными заводами и рудниками. Они были переданы прибывшему из Петербурга статскому советнику Г. С. Качке. Меллер был назначен

наместником Кольванского наместничества, куда включили и Иркутскую губернию. Вступивший на престол в ноябре 1796 года император Павел I отменил административные преобразования своей матери, ликвидировав губернию и наместничество. Труды Меллера и Хвостова оказались напрасными.

В столице Василий Семенович был причислен к герольдии Правительствующего Сената, ведавшей делами дворянского сословия. Однако городская суета тяготила его супругу Марию Борисовну. Она стремилась на природу, в деревню. Кроме того, состояния в Сибири Василий Хвостов не нажил. Семейство Хвостовых было вынуждено поселиться в имении Нежово, хотя усадьба, службы и скотные дворы находились в самом худом положении.

Неожиданно выручила привезенная с собой коллекция минералов. Генерал Б. И. Меллер всегда брал с собою командира конной роты, когда ехал осматривать заводы и рудники. Хвостов сделался страстным любителем минералов и собирал их повсюду, в итоге создав минералогический кабинет из более трех тысяч образцов. Коллекция была продана княгине Е. Р. Дашковой для Академии наук за 4 000 рублей.

В 1793 году, узнав, что чрезвычайным послом в Константинополь отправляется Михаил Илларионович Кутузов, Василий Хвостов попросился к нему на службу. Будущий знаменитый фельдмаршал М. И. Кутузов охотно согласился и определил его кавалером посольства. Ехать на берега Босфора Василия Семеновича побуждали и личные интересы — там поверенным в делах служил его старший брат Александр Хвостов. Братья не виделись более десяти лет, к тому же требовалось разрешить дело о наследстве почивших еще в 1770 году родителей.

В огромный посольский поезд числом до 700 человек были включены офицеры генерального штаба, инженерного корпуса, морского департамента и военные топографы. В Константинополе Василий Хвостов был произведен в коллежские советники.

Посольство вернулось в Россию в 1794 году. Мария Борисовна по-прежнему хотела жить только в деревне, поэтому Василий Семенович подал прошение об отставке. В 1795 году он получил ее с чином статского советника. Однако пока Хвостов хлопотал об отставке в столице, пришло известие, что Мария Борисовна умерла при родах. Не выжил и ребенок. Это была не первая горькая потеря — в Барнауле в младенчестве от оспы умерли три сына и дочь Софья.

Василий Семенович решил посвятить себя деревенской жизни. Окунулся в переустройство господского дома, строительство скотных дворов, амбаров, подсобных помещений. Нанял садовника, завел сад и пасеку. Избирался предводителем дворянства Гдовского уезда. Долго жил вдовцом, а когда женился, семейное счастье длилось недолго — супруга Екатерина Александровна Колюбакина тоже умерла при родах.

С воцарением в 1796 году Павла I многие чиновники высокого ранга были вынуждены оставить свои посты. Севший в 1801 году на российский престол император Александр I начал с того, что вновь призывал их на государеву службу. Хвостов поехал в Петербург искать себе место. Пути-дороги привели его к министру внутренних дел Российской империи графу В. П. Кочубею. Тот предложил ему на выбор три губернии. Василий Семенович согласился возглавить Томскую. Свое решение он мотивировал тем, что уже знает эту часть Сибири. Назначение Хвостова губернатором состоялось с производством в чин действительного статского советника.

Торжества по случаю открытия новой губернии, в организации которых принимал участие сам губернатор, проводились в Томске 6–8 августа 1804 года. Удивительно споро Хвостову удалось набрать людей на административные должности, подыскать здания для присутственных мест. Костяк подчиненных составили люди, которых он хорошо знал по Санкт-Петербургу и работе на Алтае. Все чиновничество было приведено к присяге.

Десятого августа 1804 года В. С. Хвостов письменно докладывал генерал-губернатору Сибири И. О. Селифонтову об открытии губернии. В частности, он сообщал: «В сей день (то есть 6 августа) угощал я обеденным столом духовенство, чиновников гражданской и военной службы, магистрат в числе 64 персон... На третий день городское купеческое общество угощало обеденным столом всех в должностях состоящих штатских и военных чиновников. Все три дня город был иллюминирован, особенно же поставленную на Воскресенской горе у Соборной церкви картиною, с коей рисунок с изъяснением и сочиненные к оной стихи (Коллежским Регистратором г. Спасским) при сем приложить честь имею».

Став полноправным хозяином огромной территории, он объезжал уезды, налаживал управление, решал различные хозяйственные вопросы. Он предотвратил голод в Туруханском уезде, в Енисейске завел хлебные запасные магазины (то есть склады). Воспользовавшись разрешенным ему отпуском, представил в Санкт-Петербурге свои соображения о реформах в губернии.

В частности, он предлагал город Нарым перенести на более удобное место и упразднить город Туруханск для «избежания расходов на содержание в нем присутственных мест». Также губернатор представил соображения о суде и «доставлении некоторых средств образования», об отмене сбора ясака натурой, «как естественного для инородцев, но не приносящего пользы казне и дающего повод к злоупотреблениям», об устройстве в Сагайской степи школы для тамошних инородцев и в верховьях Енисея солеваренного завода. Император Александр I лично поблагодарил его «за попечение о вверенном крае» и наградил орденом Святого Владимира III степени.

В течение срока своего губернаторства Василий Семенович успел на ничтожные средства поселить в губернии 3 200 семейств, при этом сберег казне 325 000 рублей. Он проехал свыше 20 000 верст, чтобы лучше узнать край. Первым из всех краеведов Хвостов подготовил работу «О Томской губернии и о населении большой Сибирской дороги до Иркутской границы», где собрал много данных этнографического и статистического характера. Она была опубликована в Санкт-Петербурге уже после отставки автора.

Один современник рисовал такой портрет Василия Семеновича: «Хвостов был человек тучный, степенный, рассудительный, лицо имел багровое, говорил тихо и размеренно, действовал осторожно, однако же не медленно. Если прибавить к тому, что он был самых честных правил и исполнен человеколюбия, то надо признать, что лучших качеств для занимаемого им места требовать не можно».

В начале 1808 года Василий Семенович по представлению генерал-губернатора Сибири И. Б. Пестеля был снят с должности томского губернатора по доносу одного канцеляриста, а также за медленное исполнение возложенного на него генерал-губернатором поручения и судим в пятом департаменте Сената. По первой части обвинение было снято, а при исследовании дела о несвоевременном исполнении поручения выяснился совсем незначительный срок

задержки — одни сутки. Судебная тяжба длилась несколько лет, а потом наш герой еще чуть ли не столько же времени пребывал в опале.

Стоит напомнить, что Иван Пестель был отцом известного декабриста Павла Пестеля — полковника, участника Бородинского сражения и заграничных походов, награжденного за храбрость пятью орденами и золотой шпагой, предводителя тайного общества «Полярная звезда». Идя 13 июля 1826 года на казнь, Павел бросил в лицо отцу убийственные слова: «Я хотел, между прочим, чтобы и возможности не было таких генерал-губернаторов, каким вы были в Сибири».

Назначенный после Пестеля в марте 1819 года сибирским генерал-губернатором М. М. Сперанский безжалостно карал мздоимцев и казнокрадов. Известно, что под суд он отдал более 600 чиновников различного ранга. Примечательно, что своего предшественника он назвал самой «пустой головой, какую когда-либо знал».

Сперанский нашел в себе смелость вступить за неправедно обвиненного В. С. Хвостова. Особой запиской при своем рапорте на имя императора Александра I он указал на причины неблагоприятного отношения к нему И. Б. Пестеля.

«Хвостов не виновен, — писал известный реформатор, — будучи обвинен по личным неудовольствиям генерал-губернатора; служил же он в Сибири с истинным усердием и бескорыстием, оставив о себе доброе имя и лучшие отзывы... Хвостов, находившийся совершенно незаслуженно под судом 6 лет, достоин правосудного Его Величества на службу его воззрения и справедливого по примеру других вознаграждения».

В итоге Василия Семеновича оправдали и выплатили жалование за все время суда. В марте 1822 года Хвостов был пожалован в тайные советники, что приравнивалось к армейскому генерал-лейтенанту. Ему было повелено присутствовать в Сенате по первому отделению уголовного департамента. В 1831 году он был переведен во второй департамент, а в следующем году — во Временное общее собрание Сената.

Его старший брат Александр Семенович тоже стал тайным советником и при Александре I управлял Государственным банком для дворянства.

Василий Семенович Хвостов умер, состоя на государственной службе, 27 августа 1832 года. Незадолго до смерти он составлял «Описание жизни тайного советника, сенатора и кавалера Василия Хвостова; писано в 1832 году, самим им для детей своих». Описание обрывается на самом начале XIX века. Вплоть до кончины он писал и читал без очков, объясняя это тем, что не употреблял спиртного.

Вышеупомянутые записки были опубликованы в 1870 году в Москве в мартовском выпуске историко-литературного сборника «Русский архив». К ним приложены «Рапорт Сперанского Государю Императору 1 июня 1820 г.», «Копия с записки Сперанского при рапорте Государю Императору» и «Записка Хвостова о Сибири». В последней он излагал свое видение будущего Сибири. Например, обосновывал целесообразность соединения Тобола с Чусовой и Енисея с Обью, что было бы «удобнейшее средство водяным сообщением от самого Нерчинска до С.-Петербурга доставлять серу и свинец и перевозить ясак из Иркутской губернии, а со временем и все изделия Сибири». Писал о развитии коневодства, овцеводства, о заведении суконных фабрик «для тамошних войск», фабрику «для стальных производств, как-то: клинки для сабель и шпаг, стволы и замки ружейные, все мелкие железные изделия», о заведении сахарных фабрик. Но «главнейшим почитаю, — писал Василий Семенович, — чтоб

нынешней цели водворения ссылаемых за вины дать лучшее и полезнейшее направление».

Первый губернатор Томской губернии В. С. Хвостов до глубокой старости заботился о благосостоянии вверенной ему территории.

Третья жена Василия Семеновича — Дарья Николаевна Арсеньева — намного пережила мужа. От первого брака у него были сын и дочь, от третьего — два сына и дочь. Старший из сыновей Василия Семеновича Николай стал коллежским советником, прожив 44 года. Второй сын Александр достиг чина статского советника и скончался в 52 года. Третий сын Хвостова Дмитрий тоже жил недолго — умер в 49 лет.

В Государственной Третьяковской галерее в Москве хранятся портреты Василия Семеновича Хвостова и его жены Дарьи Николаевны Хвостовой, написанные замечательным портретистом Орестом Кипренским. Оба созданы в 1814 году. Под изображением В. С. Хвостова стоят годы жизни: 1756—1832. На самом же деле он, как уже указывалось, родился в конце 1754 года.

Портрет В. С. Хвостова работы
О. Кипренского

Народные мемуары

Андрей ЧАЙКО

ШУМЕЛ СУРОВО БРЯНСКИЙ ЛЕС

К тридцатилетнему юбилею Победы над фашистской Германией в мае 1975 года в нашей школе готовили грандиозный концерт. В первом отделении должны были прозвучать песни советских композиторов в исполнении учеников и учителей. Венчало действо выступление большого сводного хора с песней о Родине. За организацию отвечал учитель музыки Юрий Николаевич. Высокий, стройный, с гривой седых волос, зачесанных назад, он походил на композитора Дмитрия Кабалевского, портрет которого висел в кабинете музыки. Дело свое Юрий Николаевич любил до безумия: в бытность его учителем музыки пела вся школа. В каждом классе был ансамбль и два-три солиста. Пели все учителя — сольно, дуэтом и хором. Был хор мальчиков и хор девочек. В особо торжественные праздники, когда требовался мощный финал, все исполнители сводились в одну команду, которая с трудом помещалась на школьной сцене.

Во втором отделении силами пятиклассников решили поставить сценки из жизни партизан. Режиссером назначили учителя литературы, а по совместительству руководителя школьного драмкружка Валентину Ильиничну. Общее руководство взяла на себя директор школы Лия Михайловна.

Юрий Николаевич Честных со школьным ансамблем

Я, юный пятиклассник, очень хотел принять участие в концерте «хоть тушкой, хоть чучелком». Однако поскольку был лишен слуха и голоса, в первую часть концерта не попал. Во втором меня ожидал настоящий успех, но я об этом еще не догадывался. Валентина Ильинична собрала всех непоющих и устроила нам, выражаясь современным языком, кастинг. Отобрала человек тридцать самых талантливых (среди которых затесался ваш покорный слуга) и прочитала нам пьесу под названием «Партизанская рапсодия».

Интересно, откуда она ее взяла? Из библиотечки «В помощь художественной самодеятельности» (была такая серия книжек) или сама сочинила? Сюжет такой: партизаны на привале варят кашу на костре и поют фронтовые песни. В нашем случае это была песня «Шумел сурово брянский лес». Потом один из них зачем-то решает выдать своих фашистам и втихую сваливает в немецкий штаб, где за грязные дойчмарки указывает расположение отряда. Фашисты, ведомые предателем, нападают на партизан. В скоротечной схватке немцев разбивают наголову, а предатель попадает в плен. Происходит допрос, а потом и расстрел изменника. В самый ответственный момент, когда взведены затворы винтовок и вот-вот прогремит залп, к партизанам приезжает комиссар из главного штаба. Он объявляет, что предатель — вовсе не предатель, а честный разведчик, засланный в тыл к врагу, чтобы выманить его из убежища и уничтожить. Там-тара-рам-пам-пам, фанфары, занавес, аплодисменты!

Когда мы ознакомились с пьесой, началось самое важное — распределение ролей. Здесь все было просто: отличников и хорошистов записали в партизаны, двоечников и хулиганов — в фашисты. Партизанский отряд возглавил мой одноклассник Сергей Иваненко: круглый отличник, председатель совета отряда, первый, кого приняли в пионеры, член совета пионерской дружины школы, пионер-знаменосец, член городского совета пионерских дружин! В общем, достойный сын своей Родины. Думаю, он бы смог командовать настоящим партизанским отрядом.

Главным немецким начальником назначили восьмиклассника Леху Пантелеймонова по кличке Балбес. А чего вы хотели — так и надо этим гадам-фашистам! Леха был заядлым прогульщиком и двоечником. Учителя его за уши тянули к выпускным в надежде, что после восьмого класса он уйдет из школы.

Поскольку я учился на тройки, мне досталась роль предателя. Или разведчика — это как посмотреть. На роль комиссара из партизанского штаба назначили третьеклассника Сему Шацкого, отец которого был главным стоматологом города. Считаю, что это назначение было небескорыстным. Валентина Ильинична преследовала какие-то свои, только ей известные цели. Сему пацаны презирали: не за то, что еврей, а за страсть к наушничеству. Любил Сема постучать: и учителям, и самому директору — за что и бывал неоднократно бит. Узнав об этом назначении, я пришел к Валентине Ильиничне и предложил поменяться ролями с Семой, потому что предателя он наверняка сыграет лучше — у него опыт есть. Валентина Ильинична заявила, что ничего менять не будет, а мне посоветовала идти вживаться в образ. Как это делается, я не знал.

Работа над образом

На все про все было отпущено недели три, а хлопот много: изготовить декорации, придумать костюмы, подобрать музыку и выучить текст. Все включились в подготовку спектакля. Трудовик с командой самых рукастых пацанов после

уроков строгаи автоматы и винтовки и красили их в черный цвет. Получалось красиво. Девочки на уроках домоводства плели из бельевого шнура аксельбанты для фашистов. Валентина Ильинична почему-то решила, что немцы носили аксельбанты. Видимо, перепутала с белогвардейскими офицерами из фильма «Чапаев». Юрий Николаевич разучил с партизанами пару военных песен, а появление на сцене немцев сопровождал отрывками из Седьмой симфонии Шостаковича, исполняемыми на аккордеоне.

Форму для фашистов сделали из школьных пиджаков, привесив на них аксельбанты, а рукава украсили черными повязками со свастикой, нарисованной белой краской. Двадцать повязок изготовили девочки на тех же уроках труда. По нынешним временам присела бы наша учительница за пропаганду нацизма! Партизанам предложили самостоятельно подобрать костюмы из имевшейся дома одежды.

Три дня я рылся во всех чемоданах и шкафах, выворачивал на свет божий свитера, кофты, штаны, старое зимнее пальто, мерил все это и часами крутился перед зеркалом. Как должен выглядеть настоящий партизан? Кто его знает... Подумав, я остановил свой выбор на старых синих штанах от лыжного костюма и вязаном свитере с оленями на груди. Чтобы выглядеть более сурово, свитер вывернул наизнанку. На голову надел кроличий треух, к нему прицепил красную ленточку, сделанную из пионерского галстука, надел на ноги черные резиновые сапоги (кирзовых не было). Все это великолепие я закрепил армейским ремнем с большой бронзовой пряжкой, украшенной звездой. Потом черным карандашом, которым мама красила брови, нарисовал себе бороду и усы. Завязал правый глаз черной повязкой. В целом созданный образ партизана-предателя-разведчика Валентину Ильиничну устроил, но повязку с глаза она велела снять: «Все-таки не про пиратов спектакль».

Остальное партизанское войско выглядело примерно так же. Разобравшись с декорациями, костюмами и скудным реквизитом, мы приступили к репетициям.

Театр военных действий

Сначала Валентина Ильинична репетировала с партизанами, потом — с немцами. Очень хорошо получались индивидуальные сцены: например, предательство в штабе. Леха, вжившись в образ немецкого офицера, ходил по сцене, топя каблуками, курил воображаемую сигару и говорил по-немецки: «Achtung, Achtung! Sprechen Sie Deutsch!» Меня выводили на сцену в сопровождении двух конвоиров. Чтобы избежать пыток, я немедленно сообщал, где находится партизанский отряд. Леха, изображая немецкий акцент, говорил: «Молодешь, русиш, молодешь! Ти покажешь, где они прячутся». И начинал отсчитывать дойчмарки, нарезанные из тетрадной бумаги. Я потирал липкие ручки и хитро говорил: «Будет детишкам на молочишко!» — и мы уходили готовиться к захвату лагеря. Получалось неплохо, пока не дошли до батальных сцен. Здесь вскрылось противоречие — можно даже сказать, антагонизм между партизанами-отличниками и фашистами-неуспевающими. Отряд фашистов, ведомый Балбесом, категорически не хотел сдаваться партизанам-пятиклассникам, тем самым нарушая исторический ход событий. По этой причине на первой же репетиции завязалась настоящая драка, которую не смог остановить ни зычный голос Валентины Ильиничны, ни увещевания директора. Только прибежавшие на помощь физруки с трудом обезвредили обе армии. Пленных противников выстроили вдоль

сцены. Раскрасневшиеся, взъерошенные, с разбитыми носами и назревающими синяками стояли мы под охраной физруков, повесив головы и уставившись в пол.

Началось дознание, которое проводила директор школы. Выявить зачинщиков оказалось непросто. Колотья никто не хотел — пацанская честь дороже. Партизаны, как и положено партизанам, молчали. Фашисты ссылались на сценарий и утверждали, что так написано у Валентины Ильиничны, а они просто репетировали. Валентина Ильинична растерянно краснела. Директор недобро поглядывала в ее сторону. Следствие грозило зайти в тупик. Мудрая школьная администрация уже готовилась спустить дело на тормозах, когда в ход расследования вмешался комиссар Шацкий из главного партизанского штаба. Сема выскочил вперед и на голубом глазу заявил директору, что своими ушами слышал, как Леха Балбес за кулисами отдавал приказ немецким головорезам бить голопузых партизан до победного конца. После такого поворота Сему до дома провозжали физруки.

Вызванные в школу родители, узнав о происшествии, воспитывали своих чад по-свойски. Мне мама погрозила армейским ремнем со звездой на медной пряжке, пообещав отпечатать ее на моей попе. Во избежание порки я нырнул под диван, где и отсиживался, пока в знак примирения меня не позвали пить чай. За столом я дал очередное последнее слово не драться...

Что касается пьесы, то теперь репетиции проходили под неусыпным наблюдением физруков. Поэтому открытых боестолкновений на сцене больше не возникло. Они переместились вовне.

Первыми начали фашисты. Леха Балбес и его подручные во дворе дома выловили командира партизан Серегу Иваненко, затащили в подъезд, навешали лещей и натерли уши. После чего, зажав кончик носа между двумя пальцами, отлили чудесную «сливу». На следующий день на Серегу было жалко смотреть: опухшие уши на просвет светились розовым, а нос походил на настоящую синюю сливу. Терпеть такое было нельзя. Посоветовавшись на заднем дворе школы, партизаны провели рейд по тылам противника. После окончания уроков до самого вечера мобильный партизанский отряд прочесывал прилегающие к школе дворы, парк и сквер возле кинотеатра. В плен попали четыре немца. Правда, не самых главных, но это ничего — месть хороша в любом случае. Назавтра с синими носами ходило уже пять человек.

На следующий день попало еще по одному бойцу с обеих сторон. Количество синих носов и розовых ушей неуклонно росло. Чтобы обезопасить себя от засады, мы ходили небольшими группами, выставляя авангард для разведки. Фашисты на переменах устраивали засаду в туалете, партизаны стойко терпели. После уроков начиналась охота за зазевавшимися противниками. От одной репетиции к другой синих носов, подбитых глаз и опухших ушей становилось все больше и больше. Валентина Ильинична, глядя на артистов, понимала, что бой идет не на жизнь, а на смерть. И если не принять срочные меры, то к премьере театр превратится в госпиталь.

Переговоры на стадионе

Между тем война продолжала разворачиваться в своем направлении. Дело в том, что такие ожесточенные боевые действия долго вести трудно. Ведь надо же ходить в школу, посещать кружки и секции, помогать родителям по хозяйству. А как объяснишь частые «боевые ранения»? У предводителя фашистов Лехи созрело решение устроить генеральное сражение — кто победит, тот

и прав. В дело вступила дипломатия. Так как театральная роль делала меня своим и в лагере партизан, и в лагере немцев, переговорщиком выбрали меня. Я получил статус неприкосновенности. Меня нельзя было отлавливать и лупить, я мог свободно перемещаться по кварталу, выполняя дипломатическую миссию. Мне удалось договориться о двухдневном перемирии и организовать встречу враждующих сторон, чтобы выработать условия сражения.

К концу перемирия в самом дальнем углу школьного стадиона собрались две армии. Фашисты разместились на металлических брусках и турниках, а партизаны, как воробьи, расселись на школьном заборе. На середину площадки, между брусками и забором, вышли Серега Иваненко и Леха Балбес. Они презрительно поглядывали друг на друга и поплевывали сквозь зубы в разные стороны. Таков был пацанский ритуал. Потом пожали друг другу руки в знак чистоты помыслов. Этого требовал кодекс чести.

Начались переговоры. С местом битвы определились быстро — им был избран пустырь за кирпичным заводом. Не одно поколение местных мальчишек сходилась там один на один и толпа на толпу, отстаивая свои интересы и честь родного двора. С правилами боя было сложнее, но и здесь достигли взаимоприемлемых условий. Во-первых, драться без цепей и свинчаток, на кулачках. Во-вторых, если выбили кровянку, из драки выбываешь, сидишь в стороне. В-третьих, лежащих не бить. В-четвертых, бьемся до последнего бойца. Побеждают те, кто сохранил больше людей. Судьбоносное сражение назначили на субботу, на четыре часа дня. Когда Серега и Леха закрепили рукопожатием достигнутые договоренности, пацаны ссыпались с заборов и турников и перемешались в одну толпу, радостно гадя, пожимая друг другу руки и похлопывая по плечам. Все-таки мы учились в одной школе, жили по соседству, наши родители работали на одних предприятиях и были знакомы между собой. Город-то маленький! Только неумная воля учителя поссорила пацанов, противопоставила театральных партизан театральным фашистам, отличников и хорошистов — двоечникам и хулиганам. Под занавес кто-то бросил на поле футбольный мяч, и пацаньячья ватага до самой темноты увлеченно гоняла в футбол.

Искусство дознания

Между тем до субботы оставалось два дня. Чем могло закончиться сражение? Собравшись на пустыре, враждующие стороны потолкались бы немного. В крайнем случае выставили бы двух поединщиков, как Пересвета и Кочубея на Куликовом поле. Либо переговоры бы продолжились и закончились миром. А впереди маячили премьеры пьесы и окончание учебного года. Пора думать об оценках. Время было лихое, запросто могли оставить на второй год.

Война начинала было выдыхаться, но в ход событий опять вмешался партизанский комиссар — сын стоматолога Шацкого. Сема сообщил физрукам и Валентине Ильичичне о грядущем генеральном сражении между партизанами и фашистами. Агентурное сообщение в виде докладной записки от Валентины Ильичичны легло на стол директора. Оперативный штаб из состава администрации школы и физруков собрался в учительской и решил нанести упреждающий удар. Было решено наголову разгромить немецко-фашистских оккупантов, а заодно накрыть партизанское движение.

Не дожидаясь перемены, физруки провели первые аресты. Были задержаны и доставлены в штаб Серега Иваненко и Леха Балбес. Командиры

противоборствующих сторон держались достойно и никого не выдали. Далее в учительскую по одному и целыми группами доставлялись и партизаны, и немцы. Слух о массовых арестах моментально облетел школу. Самые отчаянные бойцы совершили дерзкий побег через туалетное окно первого этажа. Оперативных работников в штате не хватало, поэтому к расследованию были привлечены классные руководители. Допрашиваемые твердо стояли на своем: про драку слышим в первый раз, ничего не знаем, заняты подготовкой к спектаклю. Между тем в школу подходили вызванные родители, и от дверей учительской веяло холодом. Прибывший инспектор по делам несовершеннолетних недовольно морщил нос:

— Кто же так допрашивает, — поучал он учителей, — по одному надо, а потом показания сопоставить и ловить на противоречиях! А вы их вместе собрали, где же они поколуются?

Прав был инспектор: не покололись, не хватило у учителей опыта дознания. Но у нашего директора был в рукаве козырный туз. Она не преминула им воспользоваться, приперев нас к стенке, а заодно умыв недалекого инспектора.

— Шацких пригласите, — негромко сказала она физрукам, и в учительской стало тихо, как на первом уроке, когда дети еще не проснулись. Двери распахнулись, и на пороге появился Сема с папой-стоматологом. Папа держал сына за руку и, похоже, гордился им.

— Сема, — ласково произнесла директор, — расскажи нам, что ты знаешь про драку?

Окрыленный вниманием взрослых и поддержкой отца, Сема начал рассказ и выложил все: кто, как, где и зачем. Расклад был полный, инспектор ИДН от зависти кусал локти. Директриса смотрела на него с легким презрением и чуть свысока: «Знай наших!» Уличенные парни стояли вдоль стенки, понуриив головы, — многих дома ждала суровая расплата. В те времена авторитет учителя был непререкаем. Если учеником заинтересовался директор школы, взбучка обеспечена.

— Спасибо, Сема, — проворковала директор и добавила в сторону отца: — Спасибо вам, хорошего сына воспитали. Идите домой.

Стоматолог, приобняв сына-стукача, покинул школу. Наступила очередь наших родителей. Их по одному приглашали в учительскую и, объяснив ситуацию, выдавали им на руки заблудших чад. Краснея щеками и стыдливо пряча глаза, родители обещали устроить дома сыновьям грандиозную порку. Самые нетерпеливые умудрялись отвесить лецда своим чадам прямо в учительской. Мне повезло — мама была на работе, и забрать меня было некому. Дав честное слово, что расскажу родителям обо всем сам, я был отпущен на волю. Оказавшись дома, первым делом я перепрятал вышеупомянутый армейский ремень.

Боевые действия, решительно подавленные школьной администрацией, сошли на нет. До концерта оставалась неделя, поэтому репетиции шли ежедневно, по-прежнему под надзором физруков. Только теперь они следили не за враждующими армиями, а охраняли «свидетеля обвинения» комиссара Шацкого. Фашисты и партизаны, примерно наказанные родителями, заключили мир и мечтали лишь об одном — намылить шею Семе. Сделать это было непросто: в школу его привозил папа на своей машине, из школы провожала старшая сестра, ученица десятого класса. Девушка она была крепкая и быстрая на расправу, даже Леха Балбес ее боялся. На занятиях и репетициях Сема не отходил от учителей. Выманить его в туалет не было никакой возможности. Постепенно желание

отомстить Шацкому стало остывать, и его оставили в покое. Мы были не слишком начитанны и знаменитой фразы о том, что месть — блюдо, которое надо подавать холодным, еще не знали.

Праздничный концерт

Праздник неумолимо приближался. Все шло своим чередом: певцы пели, актеры играли. Генеральная репетиция прошла удачно. Казалось, ничего не предвещало беды. В назначенный день в актовом зале школы свободных мест не было. Первые ряды были отданы ветеранам войны с букетами весенних цветов и представителям гороно. Школьники и их родители заполнили галерку. За кулисами царил суматоха, которую с трудом контролировали Юрий Николаевич и Валентина Ильинична. Юные артисты очень волновались. Наконец по команде директора зазвучали фанфары, занавес раздвинулся и начался концерт.

Первым отделением руководил Юрий Николаевич. Сначала сцену заполнили малыши в красивых отутюженных костюмчиках — октябрятский хор «Звездочка» исполнил песню «Учись, как Ленин». Потом мои одноклассницы Таня Шалаева и Лена Быстрова исполнили знаменитых «Журавлей» на стихи Расула Гамзатова. Вокальный дуэт Пети Драгунского и Сережи Распопова представил «Марш усольских пионеров» собственного сочинения. Каждый номер сопровождался продолжительными аплодисментами взволнованных ветеранов и довольных родителей. Кто-то даже выкрикнул: «Молодцы!» Мы, сидя на ступеньках актового зала, начали волноваться: «Вдруг они со своими песнями и наш спектакль переплюнут?» Леха Балбес перемещался в проходе на четвереньках, показывая всем кулаки и таким образом сурово предупреждая о недопустимости халтуры. «Выступаем на все сто!» — шипел он сквозь зубы. Добравшись до Семы Шацкого, Леха погрозил и ему. И свистящим шепотом добавил: «Напортачишь — убью!» Комиссар только покорно вжал голову в плечи.

Концерт гремел. Звучали песни военных лет, детские и романтические. Под бурные аплодисменты пели учителя и ученики, хором и сольно, с музыкальным сопровождением и *a capella*. Когда объявили: «Выступает сводный хор!» — и половина зрителей, поднявшись со своих мест, вышли на сцену, стало понятно, какая она маленькая.

Артисты долго размещались, заполняя все пространство сцены перед кулисами. Наконец хор выстроился и затих. В полной тишине Юрий Николаевич объявил: «Композитор Александров, стихи Лебедева-Кумача, песня “Священная война”! Исполняет сводный хор школы № 3». Повернувшись к хору, он, как птица крыльями, взмахнул руками, одновременно начав дирижировать и играть на аккордеоне (как это у него получалось?), а сводный хор как один человек грянул: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой...»

В этот торжественный момент по коже у зрителей побежали мурашки и весь зал встал в едином порыве! В глазах ветеранов засверкали слезы... Мы, глупые пятиклассники, стояли вместе со всеми и слушали великую песню, отлично понимая, что нам с таким же успехом не выступить.

Хор исполнил еще две песни, но уже без прежнего эффекта. Потом объявили антракт и нас позвали готовиться к представлению. За кулисами мы переоделись в сценические костюмы, выслушали наставления Валентины Ильиничны и угрозы Лехи Балбеса побить всех, кто сорвет спектакль. Юрий Николаевич еще раз прогнал с нами песню «Шумел сурово брянский лес». Мы разобрали

бутафорское оружие и заняли исходные позиции. Директор дала команду к началу, в зале погас свет, занавес разошелся, и представление началось...

В целом премьера шла неплохо. Проникнувшись важностью момента и Лехиными угрозами, юные актеры играли старательно, а кое-кто даже вдохновенно. Первые аплодисменты сорвали партизаны, когда на привале запели песню. Это нас ободрило. На сцене предательства зрительный зал наполнился недовольным гулом, раздались крики: «Предатель!» Было заметно, что Валентина Ильинична довольна, и мы старались изо всех сил. Сцена боя удалась — незапланированной драки между партизанами и фашистами удалось избежать. Все шло по сценарию. Правда, в зале нашлось подкрепление, готовое вырваться на сцену и лично помочь партизанам. Однако физруки и родители удержали добровольцев. Поимка предателя вызвала у аудитории злорадный смех и крики: «Так ему и надо!»

Представление шло к концу. По реакции зала было понятно, что спектакль зрителям нравится и нас тоже ожидает немалый успех. Оставалось отыграть допрос предателя, подготовку к расстрелу и появление комиссара. И вот здесь за кулисами что-то произошло... Послышался легкий шум, возникло волнение, куда-то побежала Валентина Ильинична.

Мы доигрывали сцену. Серега Иваненко зачитал приговор: «Расстрел!» Партизаны выстроились в ряд и приготовили винтовки, ожидая появления штабного комиссара. И вдруг из-за кулис сообщили, что комиссара не будет: Сема Шацкий исчез! Его не было ни за кулисами, ни в зале, ни в фойе. Самые шустрые старшеклассники обежали все классы — Семы не было нигде! Валентина Ильинична пыталась спешно переодеть в комиссара кого-то из школьников, на ходу объясняя, что делать. Участники пьесы растерялись: к такому никто не был готов. Из-за кулис Юрий Николаевич начал подавать команды актерам:

— Импровизируйте! Импровизируйте!

— Чё делать? — не понял его Серега.

В разговор вмешался Леха Балбес, изображавший убитого немецкого командира. Он перевернулся на живот и шепотом подсказал Сереге:

— Расстреливайте, он говорит, расстреливайте!

— А-а-а! — протянул Серега и дал команду: — Огонь! Пли!

Растерявшиеся партизаны произвели нестройный залп (эту сцену никто не репетировал) и отступили за кулисы. Юрий Николаевич схватился за голову и присел на футляр аккордеона, стоявший на полу. Валентина Ильинична замерла в ужасе, как будто меня и вправду расстреляли из настоящих винтовок. И тут я понял: вот он, мой шанс! В отличие от Балбеса я знал, что такое импровизировать, да и помирать предателем не хотелось. Я не упал как подкошенный, а схватился за пробитую пулями грудь и, почему-то хромя, пошел прямо на авансцену. Испуганный Балбес по-пластунски отполз за кулису, а я, оставшись один и слегка покачиваясь, как будто теряю силы, упал на одно колено и слабым голосом произнес:

— Я советский разведчик! Я привел немцев специально, чтобы партизаны разбили их, — и почему-то добавил: — А настоящий предатель — это комиссар Шацкий.

После этого, раскинув руки, я упал на сцену и умер.

— Занавес, занавес! — торопливо закричала Валентина Ильинична. Старшеклассники стремительно задернули занавес, и наступила гробовая тишина. Я лежал на сцене и думал: «Ну вот и всё. Провалили спектакль, завтра придется драться с Балбесом». Но вдруг в зале раздался гул — это были аплодисменты.

Подошла Валентина Ильинична, потом другие участники спектакля. Меня подняли с пола, хлопали по плечам и пожимали руки. Леха Балбес отряхивал пыль с моего костюма и улыбался во весь рот. Старшеклассники распахнули занавес, и мы увидели своих родителей, одноклассников, ветеранов... Все дружно аплодировали. Взявшись за руки, мы подошли к краю сцены и неумело раскланялись. Зрители продолжали хлопать, и радость переполняла меня — я решил, что обязательно стану артистом!

Комиссара Шацкого нашли через два часа. Физруки, сманившие молодых учительниц из начальной школы в спортзал, дабы совместно выпить сухого вина, обнаружили за запертой дверью спящего Сему. Он свернулся клубочком на спортивных матах, подложив под голову шапку с партизанской ленточкой. Когда его растолкали и вытащили на белый свет, то с удивлением обнаружили, что комиссарские уши похожи на большие красные локаторы, а нос превратился в синюю сливу. Как ни пытались учителя узнать, кто его закрыл в спортивном зале и сотворил на лице эту красоту, Сема никого не выдал. Может, боялся партизан? Понял, что месть — это блюдо, которое подают холодным? Не знаю...

Мой актерский дебют не прошел даром. Позже я записался в театральный кружок при местном Доме культуры и сыграл еще несколько ролей. После окончания школы поступил в провинциальный театральный институт в одном городе на очень Дальнем Востоке и даже закончил его, но артистом не стал. Ну, это уже совсем другая история.

Сергей ИЛЬЧЕНКО

ЛЖЕИЛЛЮЗИИ ПОД НОМЕРОМ «1984»

В июне 2023 года исполнилось 120 лет со дня рождения одного из самых известных британских авторов XX века Джорджа Оруэлла. Его талант проявлялся в разных ипостасях — писатель, литературный критик, журналист, радиоведущий, эссеист. Он стал одним из самых известных авторов — подданных Британской империи, которых в нашей стране сначала официально запрещали, а затем подняли на щит и до сих пор издают в немыслимых для времен господства Сети количествах и вариантах...

Заглянув однажды в один из магазинов известной в Санкт-Петербурге книготорговой сети, автор этих строк обнаружил на анонсирующем стеллаже до пятнадцати вариантов издания печально известного романа Оруэлла «1984». В совокупности это была продукция пяти российских издательств. Количество изданий оруэлловского текста распределилось следующим образом: «Эксмо» — 8, АСТ — 4, «Альпина Паблишер», «Яуза» и «Детская литература» — по одному. Год выхода у всех книг либо 2022-й, либо 2023-й, кроме одной, изданной в 2021 году («Яуза»). Не парадокс ли то, что вполне «взрослую» политизированную книгу выпустило издательство «Детская литература»?

Примитивизация непростого текста происходит на глазах у изумленной читающей публики. Одно из увиденных мною изданий являло собою нечто среднее между комиксом и классическим вариантом книги, богатой на иллюстрации. В нем очевидная плакатность сочеталась с гротескным изображением виртуального мира, подозрительно «похожего» не то на тоталитарное общество будущего в стиле «Рассказа служанки», не то на реалии СССР периода индустриализации. А еще под известным названием «1984» можно обнаружить достаточно дорогую настольную игру.

Читает ли Оруэлла молодежь?

Ответ на этот вопрос я пытаюсь получить в течение пяти последних лет, вопрошая у каждого, кто имеет отношение к книгопродажам и чтению, об их отношении к текстам Джорджа Оруэлла и прежде всего к роману «1984».

Проверить собственную догадку о причинах популярности конкретного текста британца-лжеутописта автор решил, задав несколько вопросов продавцу-консультанту. В частности, я спросил, давно ли началась издательская суета вокруг книги с «цифровым» названием? Выяснилось, что кривая повышенного спроса поползла вверх еще в допандемийный период. Затем количество изданий постоянно увеличивалось, пока не достигло пиковых значений. К этому, как пояснила моя собеседница, имеет смысл добавить, что роман «1984» все чаще и чаще издается в новых переводах. Как будто это текст Уильяма Шекспира или Чарльза Диккенса.

На втором месте из списка сочинений Джорджа Оруэлла по издаваемости идет «Скотный двор». Тогда как остальные тексты писателя, включая его мемуары о гражданской войне в Испании, остаются за пределами внимания современных российских издателей.

При этом в продвижении романа Оруэлла чаще всего используется тот вариант перевода Виктора Гольшева, благодаря которому вся, как один, советская интеллигенция и начала восхищаться новоявленным антисоветским текстом. Однако ныне издательства пытаются сыграть на факторе новизны, приглашая в переводчики новых профессионалов. Так в издательстве АСТ появился перевод Д. Целовальниковой, издательство «Эксмо» презентовало новый перевод в исполнении Д. Шепелева, тогда как «Альпина Паблишер» доверила открывать Оруэлла «заново» переводчику Л. Берщидскому. При этом очевидно, что основные символические фразы из знаменитого романа вряд ли имеют множество вариантов трактовки на русском. Например, как заново переформулировать фразу «Незнание есть сила»?

Для сомневающихся в популярности романа «1984», для тех, кто в нашей стране любит и умеет читать, приведу результаты опроса учащейся молодежи в возрасте от 18 до 30 лет, проводившегося автором этих строк с 2019 года по настоящее время в нескольких городах и регионах России и сопредельных государств (тогда — ДНР и ЛНР).

На самый простой вопрос «Назовите пять ваших любимых книг» (аналогичный вопрос был задан относительно любимых фильмов и сериалов) было получено 1 389 ответов. Всего в списке оказалось 1 703 названия. Интересным было распределение по авторам. Их в ответах было упомянуто 1 020. Из них русских писателей — 286. Соответственно, иностранных писателей оказалось 734. Одно это обстоятельство позволяет сделать вывод о том, на чью сторону склоняется внимание молодежной аудитории в сфере чтения. Упорная работа издателей и литературных критиков сделала свое дело — доминирование иностранных авторов над русскими очевидно. Их больше в 2,5 раза.

Однако самый любопытный результат дал рейтинг наиболее часто упоминавшихся в ответах книг. Приведем полученные результаты в формате топ-25:

1. М. А. Булгаков «Мастер и Маргарита» — 201 упоминание.
2. Ф. М. Достоевский «Преступление и наказание» — 104 упоминания.
3. А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц» — 81 упоминание.
4. Дж. Остин «Гордость и предубеждение» — 79 упоминаний.
5. Р. Брэдбери «451 градус по Фаренгейту» — 68 упоминаний.
6. М. Ю. Лермонтов «Герой нашего времени» — 67 упоминаний.
7. Дж. Оруэлл «1984» — 67 упоминаний.
8. О. Уайльд «Портрет Дориана Грея» — 65 упоминаний.
9. Дж. Роулинг, серия романов о Гарри Поттере — 63 упоминания.
10. М. Митчелл «Унесенные ветром» — 52 упоминания.
11. И. С. Тургенев «Отцы и дети» — 52 упоминания.
12. Е. И. Замятин «Мы» — 51 упоминание.
13. Э. М. Ремарк «Три товарища» — 51 упоминание.
14. Ш. Бронте «Джейн Эйр» — 50 упоминаний.
15. Ф. Скотт Фитцджеральд «Великий Гэтсби» — 49 упоминаний.
16. Д. Киз «Цветы для Элджернона» — 48 упоминаний.
17. Л. Н. Толстой «Война и мир» — 45 упоминаний.
18. Дж. Лондон «Мартин Иден» — 40 упоминаний.
19. Э. Берджес «Заводной апельсин» — 37 упоминаний.

20. Л. Н. Толстой «Анна Каренина» — 37 упоминаний.
21. К. Маккалоу «Поющие в терновнике» — 36 упоминаний.
22. А. И. Куприн «Гранатовый браслет» — 33 упоминания.
23. П. Козьмо «Алхимик» — 31 упоминание.
24. Р. Брэдбери «Вино из одуванчиков» — 30 упоминаний.
25. О. Хаксли «О дивный новый мир» — 30 упоминаний.

Очевидно, отразились на результатах опроса следы ЕГЭ и беспощадной школьной программы. Примечательно, что в топ-25 опроса оказались все популярные отечественные и западные антиутопии. Исключение составил «Повелитель мух» У. Голдинга, застрявший на 49-й позиции с 17 упоминаниями. И уж совсем странной выглядит позиция «Котлована» Андрея Платонова, оказавшегося с одним упоминанием на 1297-м месте. Что касается второго по популярности текста нашего юбиляра, то притча «Скотный двор» заняла в списке 75-е место с 13 упоминаниями. Очевидно преимущество романа «1984», который, разделив с «Героем нашего времени» 6 и 7 места, сумел набрать солидную сумму в 67 упоминаний.

Вышеприведенные результаты опроса наглядно подтверждают нашу гипотезу о чрезмерной популярности романа-антиутопии Джорджа Оруэлла у русскоязычной аудитории. Однако соседство с другими сочинениями подобного литературного жанра, давно признанными классикой, наталкивает на мысль о том, что «1984» читают не из-за высоких художественных достоинств книги, а по мотивам моды и престижа. Как на рубеже 1950–1960-х годов был массово популярен Эрих Мария Ремарк (смотрите соответствующий эпизод в картине Владимира Меньшова «Москва слезам не верит»), так сегодня признаком хорошего тона стало признавать среди отечественных текстов любимым «Мастера и Маргариту» М. А. Булгакова. Западная литература за вычетом классического набора — Джейн Остин, Антуан де Сент-Экзюпери и Оскар Уайльд — представлена в пантеоне предпочтений антиутопиями.

Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы обнаружить моду на издания «не нашей» литературы в нынешнем книжном мире. До недавнего времени доля зарубежных авторов на рынке книготорговли явно доминировала над изданиями русских и советских авторов.

Фантазии троцкиста

Что касается самого лица, известного под псевдонимом Джордж Оруэлл, стоило бы оставить в покое нечистого на руку болезненного автора, который еще в 1950 году ушел в мир иной, перед этим изрядно нагадив СССР критикой тоталитаризма. Можно было бы даже простить Эрику Артуру Блэру, сыну сотрудника спецслужбы, контролировавшего оборот опиума в британских колониях, его ревностное служение идеям демократического социализма и желание не допускать в публичное пространство тех, кто положительно относился к нашей стране. В конце концов, он все-таки сочинил один симпатичный памфлет под названием «Скотный двор». Но как ему простить семь лет службы в колониальной полиции, за которые он не сделал карьеры, а потому решил стать журналистом? И, конечно, вряд ли можно забыть, что именно этот бывший полицейский и троцкист придумал и внедрил в массовое сознание термин «холодная война».

Впервые он использовал его в статье «Ты и атомная бомба», которая была опубликована в британской газете Tribune 19 октября 1945 года. Он высказал

озабоченность перспективой образования после Второй мировой войны двух-трех сверхдержав, которые могли бы в самом скором времени прийти к обладанию ядерным оружием. Заметим, что на тот момент этим оружием обладали США, которые в августе того же года дважды применили его против мирного населения Японии. По Оруэллу, именно наличие оружия страшной разрушительной силы должно было подвигнуть те самые сверхдержавы к противостоянию без ведения атомной войны. То есть это был бы мир, который не был бы миром. В этой формуле легко узнается лозунг, который буквально через несколько лет станет основным девизом той тоталитарной системы, в которой окажется герой романа «1984» Уинстон Смит: «Война есть мир».

Однако в декабре 1945 года в Москве состоялась конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании, итоги которой, как стало ясно чуть позже, не удовлетворили англосаксонские политические элиты. В результате 10 марта 1946 года в старейшей газете Соединенного Королевства *Observer* появилась новая статья Джорджа Оруэлла, в которой он обвинил СССР в том, что он ведет холодную войну против Великобритании и Британской империи. Западное общественное мнение было готово воспринять фигуру речи за реальное определение состояния отношений с бывшим союзником по антигитлеровской коалиции. Уже 16 апреля 1947 года сенатор Бернард Барух, советник президента США Гарри Трумэна, впервые публично употребил словосочетание «холодная война». Случилось это во время его выступления перед палатой представителей штата Южная Каролина.

Именно с этими словами на своих знаменах отправились после Второй мировой войны в поход против нашей Родины представители всего «развитого» западного мира. В результате наших отцов и дедов заставили участвовать в пошлой циничной «войне», которую не мы выдумали и не мы развязали. Чтобы в разгар горбачевской перестройки 3 декабря 1989 года публично подписать на Мальте документ об окончании того, чего на самом деле не было. Оно было только в фантазии не очень талантливого журналиста и посредственного писателя.

Когда Запад с подачи Оруэлла объявил нам холодную войну, британский писатель снова своевременно «прогносул». Роман со странными цифрами в заголовке подоспел весьма вовремя. Он вышел в свет в 1949 году, когда был создан западный блок НАТО. Но, как пишут в титрах голливудских картин, «все совпадения случайны». Как случайно то, что в колледже учителем студента Блэра был не кто иной, как Олдос Хаксли, у которого будущий Оруэлл умыкнет идею своей якобы антиутопии. Заодно он не побрезгует заимствованиями из переведенного на английский язык романа Евгения Замятина «Мы».

Все эти внелитературные и литературные обстоятельства можно было бы игнорировать, если бы не шокирующие результаты опроса студентов российских вузов, о котором было сказано выше. Что это — мода? Или умелая политика российских издателей, которые откровенно наживаются на интересе студозов ко всему легендарному и прежде запретному. По официальным данным, в топ-10 наиболее популярных авторов по итогам 2022 года вошли: Федор Достоевский, Агата Кристи, Эрих Мария Ремарк, Джордж Оруэлл, Дарья Донцова, Джейн Остин, Михаил Булгаков, Нора Сакавич и Луиза Мэй Олкотт. По данным Российской книжной палаты, в прошедшем году было куплено более 600 тысяч экземпляров книг «1984».

Создается ощущение, что донельзя политизированный текст Оруэлла насаждается как один из идеологических столпов пресловутого «либерального

общества». Лишь немногие смогли усмотреть в этом культе ловушку для неокрепших умов. Недаром один из самых талантливых европейских интеллектуалов Милан Кундера назвал книгу Оруэлла «политической мыслью, замаскированной под роман».

Конечно, необходимо знакомиться с текстами западных авторов, входящих в число наших идеологических противников. Тем более что свои пять пенсов Джордж Оруэлл на алтарь развития западной русофобии принес. Недаром многие его почитатели с таким упоением восхищаются тем, как в своей якобы антиутопии писатель нарисовал столь узнаваемый образ тоталитарных государств, к которым он относил Советский Союз, а его последователи добавляли Германию времен Третьего рейха.

Мое личное неприятие романа «1984» Джорджа Оруэлла значительно усилилось после того, как в России относительно недавно, в 2020 году, опубликовали книгу его адепта Дориана Лински «Министерство правды». Сам текст выглядит как этакое литературно-критическое лизоблюдство. Но в подзаголовке расшифрована суть написанного: «Как роман “1984” стал культурным кодом поколений». Не имеет смысла анализировать подбор фактов, свидетельств и экспертных оценок анализируемого нами текста. Они достаточно тенденциозны и свидетельствуют о желании оруэлловского интеллектуального фаната возвести своего кумира на литературный олимп. За исключением цитаты из Милана Кундера, в этом многостраничном труде вы не найдете попыток разбора критики в адрес Оруэлла. Это выдает намерение апологета британца-троцкиста превратить журналиста и средней руки писателя в интеллектуального мессию, якобы провидящего будущее цивилизации.

В принципе, мистер Блэр с точки зрения кодировки собственных намерений и идеологием ничего нового не придумал. Читатели всегда жаждали помечтать о будущем. Как не вспомнить здесь великую европейскую традицию утопий — от Томаса Мора и Томмазо Кампанеллы до Фрэнсиса Бэкона и Сирано де Бержерака. Не говоря о мощных футуристических картинах, которые любители литературы легко обнаружат в книгах куда более талантливого соотечественника Оруэлла по имени Герберт Джордж Уэллс.

Став Оруэллом, англичанин нарисовал нам очень странное будущее, в его версии совсем не светлое и не прекрасное. Оно настолько ужасно, что порождает у читателей исключительно отчаяние и пессимизм. Отчасти по пути Оруэлла последовал в своем «Заводном апельсине» Энтони Берджесс. Однако он, прежде чем сочинять свои едкие литературные сарказмы, хотя бы посетил СССР. Тогда как Джордж Оруэлл издевался над нашей страной, так сказать, с чужих слов. Честь англоязычной литературной традиции «спас» Рэй Брэдбери, некоторое время спустя написавший свой гениальный роман «451 градус по Фаренгейту» (1953). На наше читательское счастье, этот текст был переведен на русский язык и опубликован в 1956 гораздо раньше официального «дебюта» «1984» на русском языке.

Вышеупомянутый текст обошел «1984» в моем рейтинге самых любимых книг студенчества, выйдя на общее пятое место. Понятно, почему так случилось. У Брэдбери люди борются и сражаются, покидая мегаполисы и сохраняя в своей памяти прочитанные книги. А в тексте левацкого политиканствующего автора надежды нет никакой и главные герои сразу капитулируют. При этом автор совершенно спокойно включает в свой текст троцкистский политико-философский трактат, который окончательно губит впечатление от романа.

Почему «1984» стал популярен в СССР

Обратим внимание на то, что репутацию романа Оруэлла в некотором смысле поддержал факт самой публикации на русском языке: «1984» впервые вышел в СССР в журнале «Новый мир», самом авторитетном среди литературно-художественных изданий Советского Союза. Последний имел заслуженную репутацию либерально-прогрессивного журнала даже в эпоху застоя. А уж в «перестроечном» 1989 году, когда текст Джорджа Оруэлла оказался на его страницах в переводе Виктора Гольшера, «Новый мир» был средоточием самых ярких публикаций и заново открываемых авторов и текстов. Роман печатался в трех номерах подряд. При этом стоит помнить, что в 1989 году институт цензуры еще существовал и любой номер любого печатного издания должен был быть «залитован».

В структуре «Нового мира» прежде запрещенный в стране роман оказался помещенным в весьма выгодный по общественно-политической направленности и именам авторов контекст. В стартовом номере текста Оруэлла («Новый Мир», № 2) мы находим первую публикацию пьесы Владимира Набокова «Изобретение Вальса». Здесь же воспоминания Анатолия Наймана об Анне Ахматовой. В этом же номере публикуется «Роза мира» Даниила Андреева и переписка двух великих отечественных умов XX века В. И. Вернадского и П. А. Флоренского. Финальную точку поставила говорящая сама за себя статья публициста Игоря Клямкина «Почему трудно говорить правду».

Таким образом, само окружение в лице названных нами уважаемых представителей советской творческой интеллигенции придавало опубликованному в «Новом мире» роману Джорджа Оруэлла дополнительную весомость и значимость.

Откровенно говоря, в годы перестройки советская интеллигенция приняла текст романа Оруэлла совсем не за то, чем он являлся. Перечень подобных литературных «обманок» можно продолжать очень и очень долго. Назову наиболее очевидные: «Архипелаг ГУЛАГ» А. И. Солженицына, «Собачье сердце» М. А. Булгакова, «Москва — Петушки» В. В. Ерофеева, «Жизнь и судьба» В. С. Гроссмана. Сам лет 35 назад читал их с упоительным восторгом читателя-неофита. Но это уже тема отдельных статей и размышлений. Стоит отметить, что, помимо литературных достоинств, читательскую популярность книге может приносить целый ряд сопутствующих факторов и контекстных обстоятельств, включая:

- биографию автора (наглядный пример — история А. И. Солженицына);
- историю создания и публикации произведения (например, «Доктор Живаго» Б. Л. Пастернака);
- цензурные или иные запреты на публикацию или распространение («Собачье сердце» М. А. Булгакова или роман В. С. Гроссмана «Жизнь и судьба»);
- скандалы, связанные с последствиями публикации (выход рассказа Виктора Голявкина «Юбилейная речь» в ленинградском журнале «Аврора» в декабре 1981 года);
- издание соответствующего текста в зарубежных издательствах до издания на родине автора (повесть В. В. Ерофеева «Москва — Петушки»);
- скандальное содержание книги, как с точки зрения сюжета и его подробностей, так и с точки зрения характеров персонажей («Лолита» В. В. Набокова, роман А. Кестлера «Спящая тьма»).

Популярности текста Оруэлла в СССР способствовали долгий цензурный запрет на территории Советского Союза и критические черты описанного в романе общества будущего, напоминающего некое социалистическое государство. Не говоря об упорном навязывании этого романа слушателям русскоязычных западных радиостанций, вещавших на разные регионы и территории СССР.

Казалось бы, злобредный характер романа «1984» очевиден. Но, как показывает анализ российского книжного рынка, угроза ренессанса его популярности в России не миновала. Нет никаких гарантий, что в год 120-летнего юбилея Джорджа Оруэлла отечественному читателю снова не возьмутся внушать идею о конгениальности русофобского романа «1984». Очень бы хотелось ошибиться в подобном прогнозе.

А пока зафиксируем очевидный факт: чрезмерная популярность романа Джорджа Оруэлла «1984» у части читающей российской аудитории (преимущественно молодого возраста) вызвана переоценкой его литературных достоинств, усугубленной скандальной предысторией появления книги в отечественном книгообороте. В данном случае общественно-политическая конъюнктура перевесила трезвый и взвешенный анализ такого явления западной культуры, как идеологически мотивированный текст британца Оруэлла, описывающего образ государства будущего.

Владимир ЮДИН

«СИБИРЬ — МОЯ ВТОРАЯ РОДИНА»

К 150-летию со дня рождения В. Я. Шишкова

*И долго, долго не посмеет
Коснуться время мудрых слов,
«Урюм-река» не обмелеет,
И не померкнет «Пугачев».*

И. Малютин

Третьего октября 1873 года в маленьком старинном городке Бежецке Тверской губернии в небогатой купеческой семье Якова Дмитриевича и Екатерины Ивановны Шишковых родился сын Вячеслав. Здесь и в соседнем селе Шишково-Дуброво проходили детские и юношеские годы будущего выдающегося писателя.

В возрасте девяти лет мальчика определили в Бежецкое городское училище, которое он закончил на отлично. «И вдруг, — признавался в автобиографии Вячеслав Яковлевич, — каким-то необъяснимым чудом меня потянуло писать. Первая работа — “Волчье логово” — повесть о разбойничьей жизни, вторая — описание крестьянских “посиделок” (бесед) с плясками и песнями. С тех пор вплоть до самого зрелого возраста я литературой не занимался, и мне не приходило в голову, что я буду писателем».

Окончив Вышневолоцкое училище кондукторов путей сообщения и получив редкую по тем временам специальность техника по водным и шоссейным путям, В. Я. Шишков в 1894 году уезжает в Томск.

Два десятка лет своей жизни посвятил Вячеслав Яковлевич подвижническому труду по исследованию сибирских рек и сухопутных дорог, совершая ежегодные экспедиции по Иртышу, Оби, Бии, Катуню, Енисею, Чулыму, Лене, Ангаре и Нижней Тунгуске, где едва не погиб. Прошел тысячи верст по суровой сибирской тайге. Более двадцати лет жизни связывают будущего писателя с Томском, куда он прибыл еще молодым человеком, полным сил, надежд и романтических мечтаний. Уже расставшись с Томском, Вячеслав Яковлевич признавался: «В Сибири я прожил двадцать лет — это вторая моя родина, пожалуй, не менее близкая и понятная сердцу, чем Россия. Я переполнен впечатлениями, которых мне на всю жизнь хватит...»

Поистине неистребима тяга русского человека к путешествиям и приключениям. Шишков специально не искал острых впечатлений — они сами находили его, послужив материалом для глубокого художественного осмысления российской жизни.

Началом своей профессиональной литературной деятельности В. Я. Шишков считал публикацию в 1912 году в журнале «Заветы» рассказа «Помолились»

из тунгусской жизни автора. С этого времени рассказы, повести, а затем и романы начинающего писателя стали появляться в периодических изданиях и выходить отдельными книгами.

Публикация в 1916 году в издаваемом Максимом Горьким в Санкт-Петербурге журнале «Летопись» повести «Тайга» определила дальнейшую судьбу В. Я. Шишкова. Под благотворным влиянием Горького он полностью посвятил себя литературному творчеству и сформировался как художник-реалист, народный писатель.

В 1926—1929 годах в издательстве «Земля и фабрика» вышло в свет первое собрание сочинений В. Я. Шишкова в 12 томах, в 1931 году — повесть «Странники» о жизни беспризорных ребят. В 1933 году писатель закончил многолетнюю работу над романом «Угрюм-река», в котором нарисовал глубокую живописную картину жизни дореволюционной Сибири.

С 1930 года и до конца своей жизни В. Я. Шишков работал над историческим романом «Емельян Пугачев». Первые два тома книги вышли в 1944 году, а весь роман был опубликован только после смерти писателя. Жизнь выдающегося художника слова, патриота и певца России В. Я. Шишкова оборвалась в марте 1945 года.

Писатель был награжден орденами Ленина и «Знак Почета», медалью «За оборону Ленинграда». За роман «Емельян Пугачев» ему в 1946 году посмертно присудили Государственную премию первой степени.

Биография В. Я. Шишкова, казалось бы, внешне ровна и благополучна. Однако в его судьбе были радость побед, горечь поражений и напряженные отношения с чиновниками от литературы. Выражение Федора Достоевского «кто не страдает, тот не пишет» относится и к Шишкову.

Хотя Вячеслав Яковлевич был человеком добрым и мягким, он не принадлежал к числу лживых партийных угодников, держался независимо, не любил засиживаться в почетных президиумах и быть «на виду». Страстно отстаивая русские национальные приоритеты в литературе, он подвергался атакам русофобов, хулителей отечественной истории и культуры. Многие из них занимали ключевые посты и стремились подчинить искусство слова в СССР политическому доктринерству.

В чем феномен В. Я. Шишкова и в контексте каких духовно-эстетических критериев его надлежит рассматривать? На фоне реставрации «дикого» капитализма в современной России, коммерциализации литературы и искусства молодому неискушенному современнику было бы интересно по рассказам и повестям Шишкова узнать, как выглядел развивающийся капитализм в России на переломе XIX—XX веков («Тайга», «Пейпус-озеро», «Угрюм-река» и др.).

Шишков, по собственному признанию, вознамерился идти «вглубь, ввысь, во все стороны», поставив перед собой цель показать неизбежность крушения Человека в человеке, обуреваемом жаждой неумного накопительства в мире, где правит бал золотой телец. В письме пролетарскому писателю Максиму Горькому он признал, что рисовал «жизнь в широком понимании этого слова», дабы не столько высветить, словами Маяковского, «капитализма портрет родовой», сколько предостеречь будущие поколения от нравственной катастрофы. Писатель предвосхитил грядущие потрясения России, вновь брошенной в бездну диких собственных инстинктов и теряющей свой неповторимый национальный лик.

Вместе с тем творчество Шишкова не замыкалось на проблематике общественных конфликтов и антагонизме противоборствующих социальных групп.

Оно много шире, глубже и пророчески устремлено в будущее. Нашего писателя влекли к себе не пресловутые «общечеловеческие» ценности, а извечные духовные ориентиры, определяющие характерные особенности этносов, населяющих великую Россию. Шишков — художник истинно русский, питающий уважительные чувства ко всем народам.

В этой связи хотелось бы напомнить созвучные нашему времени идеи философа Н. А. Бердяева. Он отмечал, что выявление национальной самобытности художника — одна из важнейших задач эстетики. «За национальностью стоит вечная онтологическая основа и вечная ценная цель. <...> Космополитизм и философски и жизненно несостоятелен, он есть лишь абстракция или утопия, применение отвлеченных категорий к области, где все конкретно. Космополитизм не оправдывает своего наименования, в нем нет ничего космического, ибо и космос, мир есть конкретная индивидуальность, одна из иерархических ступеней. <...> Чувствовать себя гражданином Вселенной совсем не означает потери национального чувства и национального гражданства. <...> Человек входит в человечество через национальную индивидуальность, как национальный человек, а не отвлеченный человек, как русский, француз, немец или англичанин. <...> Культура никогда не была и никогда не будет отвлеченно-человеческой, она всегда конкретно-человеческая, т. е. национальная, индивидуально-народная и лишь в таком своем качестве восходящая до общечеловечности...»

Ныне в общественное сознание, как и на заре XX века, активно внедряется идеология космополитического нигилизма, выдаваемая за «новое слово» в науке, искусстве и духовной жизни. Нередко за точку отсчета берется «методология» ниспровержения национальных святынь, выступающая под флагом «обновленного сознания», «новаторского прочтения» и «переосмысления замшелых консервативных традиций».

При этом «обновлением» тут и не пахнет. Еще в 1920-х годах горячие невежественные головы, взбудораженные ажиотажем революционной «перестройки», сознательно дискредитировали духовное наследие прошлого. Они низвергали гениальные имена и творения, предавали анафеме тысячелетние общинные и христианские устои, отказывались от наследия «классово чуждой» дореволюционной культуры, оголтело ратуя за «пролеткульт». «Неистовые ревнители» (определение выдающегося русского литературоведа С. И. Шешукова) ничтоже сумняшея «сбросили с парохода современности» всемирно признанных классиков, а Льва Толстого и Федора Достоевского обвинили в «антиреволюционности», религиозном мракобесии и мистике... Пора бы извлечь уроки из истории и поставить заслон разрушительному нигилизму и антинациональным русофобским выпадам.

Что изменилось сегодня в сравнении с теми роковыми годами? Увы, не многое и не в лучшую сторону. Ура-революционность «неистовых ревнителей» 1920-х годов, главным симптомом которой была оголтелая русофобия, сменилась не менее воинственной антиреволюционностью приверженцев неоллиберальной «демократии». Захваченные патологическим русофобским синдромом, они навязывают нам «общечеловеческие ценности» в ущерб осознанию собственной этнической, исторической и культурной идентичности.

«XX век по праву можно назвать веком наступления космополитизма, — писал известный политолог А. Т. Уваров. — В качестве орудия разрушения избран либерализм, который понятийно можно определить как идеологию индивидуализма, проповедующего свободу человеческих инстинктов, открывающего

простор для наступления агрессивного меньшинства на консервативное большинство. Реализация такой идеологии привела, особенно в конце века, к грубому наступлению на моральные ценности человеческой цивилизации, накопленные ею в ходе своего развития. Какие же мишени выбрал либерализм? Прежде всего исторически сложившиеся общности, национальные культуры и сферу знаний и сознания человека».

Какое место в идеологическом расколе русского общества век назад занимал писатель Шишков? Ориентиром в творчестве он избрал не конъюнктурный нигилизм революционных радикалов 1920-х годов. Писатель выбрал объектом своего пера народную судьбу, так пронзительно звучащую в произведениях многих отечественных классиков. Свою задачу он видел не в борьбе против эксплуататоров, а в приобщении к культурным богатствам предков, стремлении достичь уровня великих русских писателей XIX века.

В отличие от своих литературных оппонентов В. Шишков не занимался дешевым политиканством. Главным уделом его жизни было художественное творчество. Произведения писателя ориентированы на осмысление коренных проблем русского народа, его духовности и культуры. Тогда как пресловутые «интернационалисты» видели в литературе не тончайший инструмент познания человеческой души, а идеологическую дубину для «воспитания» масс в нужном политическом русле. Неудивительно, что идеологические надсмотрщики приклеили Шишкову и многим представителям русской творческой интеллигенции ярлык «попутчиков», чуждых революционным преобразованиям в искусстве. Возможно, потому и сегодня творчество В. Я. Шишкова и ряда других русских писателей игнорируется либо подвергается сомнению со стороны так называемой демократической элиты...

Один из проверенных способов «духовной казни» неудобных творцов — это не ругать и не хвалить, а всемерно замалчивать. Так, в учебнике по истории русской литературы XX века под редакцией Ф. Кузнецова и А. Агеносова Шишкову уделено всего несколько строк, да и то в связи с упоминанием так называемых «попутчиков». Попутчик — он и есть попутчик, что с него взять?

Как отмечал исследователь творчества В. Я. Шишкова Николай Еселев, «в ряде своих рассказов и повестей — “Таежный волк”, “Алые сугробы”, “Колдовской цветок”, “Страшный кам”, “Пурга” — Шишков талантливо воссоздал характеры сильных, волевых, самобытных людей, в которых видится не вымышленный, не идеализированный, а подлинный сибиряк, наделенный лучшими своими качествами: умом, смелостью, твердой волей, любовью к природе, к своей родине».

В повествованиях о Нижней Тунгуске, Чуйском тракте, Катуня, Иртыше, Енисее, Бии и Лене Вячеслав Шишков выступает как писатель, которого привлекает не только волшебная экзотика заповедных уголков Сибири. Его в первую очередь интересует мятежная, тянущаяся к добру и свету, непостижимая для инородцев таинственная русская душа...

А какой великий поучительный смысл, актуальный для нашего смутного времени, заложен в романе «Емельян Пугачев»? Не доводите терпеливый русский народ до горячего возмущения, не испытывайте его могучего, но не беспредельного терпения. Русские долго запрягают, да быстро ездят. «Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!» — говорил А. С. Пушкин.

В традициях гуманизма и великого русского литературного наследия Шишков актуализирует прошлое, закладывая в концепцию исторического

повествования глубокий пророческий смысл. Вячеслав Яковлевич считал «Капитанскую дочку» своим исходным «документом» для анализа потаенных причин пугачевского бунта. Наверное, поэтому проза В. Шишкова, предостерегая потомков от грозящих им бед и социальных потрясений, остается злободневной и сегодня.

...В годы господства в СССР вульгарно-социологических подходов к искусству трактовка творческого наследия Шишкова и прочих русских литераторов сводилась к примитивно-упрощенной схеме классового антагонизма. По бескомпромиссному идеологическому признаку «наши — не наши» делились все направления искусства. Отринув «замшелые стереотипы прошлого», нынешняя методологическая наука часто бросается в другую крайность — в сторону «плюрализма без берегов» и абстрактных «общечеловеческих ценностей» в ущерб национальной самобытности и эстетической значимости того или иного художника.

Но как быть с такими яркими самобытными талантами XIX—XX веков, как В. Я. Шишков? Писатели не повинны в том, что якобы «устаревают». Зачастую виновата конъюнктурно интерпретирующая их догматическая наука. Вспомним ставших жертвой политиканства и русофобии Блока, Есенина, Бунина, Платонова, Булгакова и Замятина...

Нынче назревает потребность в действительно новом, более глубоком, свободном от формально-эстетических концепций прочтении русских художников слова. Не претендуя на безапелляционность суждений, постараюсь дать свои небесспорные рекомендации коллегам критикам и литературоведам, побудив их к более вдумчивому анализу отечественной литературы.

Не хотелось бы стать объектом упреков в искусственной модернизации мировоззрения и творчества В. Я. Шишкова. Писатель в этом не нуждается, его произведения говорят сами за себя. Необходимо их истолковать вдумчиво и беспристрастно как с поправкой на наше время, так и с учетом особенностей духовно-эстетической мысли его эпохи, с точки зрения исторических традиций, преемственности и эволюционного развития.

В соответствии с этой методологией, какое бы произведение Шишкова мы ни взяли, оно не укладывается в прокрустово ложе шаблонов соцреализма. На первый план неизменно выдвигаются живые люди, самобытные характеры и морально-нравственные конфликты. Это позволяет нам видеть подлинную жизнь во всем ее многообразии, а не тенденциозные социальные схемы, акцентированные на «классовой борьбе» либо «общечеловеческих ценностях». В подлинной литературе всегда первичен человек. Все остальное на втором и третьем планах. Литература на то и литература (по выражению М. Горького, «человековедение»), чтобы раскрывать тончайшие извивы души, драматизм нравственных потерь и обретений, приближать человека к осознанию окружающего мира и своего предназначения.

Писатель не избегает затрагивать общественные конфликты, но и не абсолютизирует их. Уже самые первые его рассказы и повести («На севере», «Помолились», «Тайга») живописуют социальные контрасты российской глубинки во взаимосвязи с нравственными, моральными и этическими исканиями героев. Само название повести «Тайга» подчеркивало глухое, таежное, почти звериное в старом деревенском укладе. Однако светлого, чистого, воодушевляющего в произведениях Шишкова куда больше.

В. Я. Шишков с юности не испытывал влечения к марксизму. Его душа была свободна от идеологических оков. Тем не менее творчество писателя отличалось гуманизмом и равнодушием к социальному неравенству. Отвергая темноту, бескультурье и невежество людей, ставших жертвами капитализма в дореволюционной России, Шишков отрицал классовую борьбу как «единственно верное» средство решения социальных проблем. Не потому ли, остро высмеивая пережитки прошлого, в произведениях 1920-х годов он прибегает к «шутейности» и анекдотичности сюжетных поворотов? Писатель не подводит читателя к мысли о неотвратимости социального взрыва и «справедливого мщения» эксплуататорам, что неизбежно ставилось ему в вину.

В. Я. Шишков мыслил глубже многих современных ему «коллег по цеху». В повести «Пейпус-озеро», посвященной гражданской войне, верный своей сатирической манере, писатель заклеил бывших «хозяев жизни», но не «окарикурил» их, а раскрыл характеры предельно тактично и правдиво, с глубоким внутренним драматизмом. Столь же ошибочно сводить эпический роман «Угрюм-река» к непримиримому классовому противоборству буржуазии и пролетариата, как повелось в советском литературоведении.

Особенно отчетливо нравственные гуманистические мотивы зазвучали в историческом романе «Емельян Пугачев», сюжет которого соответствует трагическим событиям прошлого, зафиксированным в труде дореволюционного историка Николая Дубровина.

Основной вывод Дубровина следующий: дело, замешанное на крови и насилии, ждет печальный итог. Крестьянское восстание под предводительством грозного Пугачева было обречено уже потому, что не содержало в себе созидательного начала. Когда восстание Емельяна Пугачева еще было в разгаре, его руководители уже потеряли идеологическую инициативу и единство относительно цели борьбы. А внутри ближайшего окружения Пугачева появились сомнения и тайные помыслы убрать или сдать самозваного «царя» властям...

При чтении романа бросается в глаза скрупулезное отношение к историческим фактам, архивным источникам и мемуарам. «Как-то странно складывается “Пугачев”: ни повесть, ни роман, впрямь становлюсь историком, — признается автор в разгар работы над романом. — Бывают страницы, когда не выхожу из фактов, а за ними как-то сами собой следуют и воображаемые люди, и воображаемые события. Так я еще не писал, да и другие тоже, кажется, не писали. Я, по крайней мере, таких случаев не знаю».

«Емельян Пугачев» — органический синтез документальной основы и творческого воображения писателя. Детали, поначалу кажущиеся незначительными, раскрывают характеры героев, особенности того времени. Вспомним эпизод Кунерсдорфского сражения, где прусский король Фридрих в панике теряет свою шляпу с султаном. Тут же автор информирует читателя, что эта шляпа хранится в петербургском Эрмитаже. Как только на крыльце герцогского замка в Кенигсберге появляется «молодой офицер Болотов», следует авторское разъяснение: тот самый А. Т. Болотов, который впоследствии написал «свои замечательные мемуары».

Шишков неуклонно следовал принципам лучших русских писателей. В качестве исторической основы он взял труды Н. М. Карамзина, В. О. Ключевского, Н. Ф. Дубровина и других выдающихся ученых. Для него был неприемлем исторический монизм, сводящий многообразные человеческие отношения к экономике. Роман «Емельян Пугачев» свидетельствует, что Шишков считал движущей

силой истории совокупность факторов социально-экономического и духовно-нравственного плана. Как писал русский дореволюционный историк Василий Ключевский, «человеческая личность, людское общество и природа страны — вот те три основные исторические силы, которые строят людское общежитие».

Определяющей особенностью художественного исторического повествования должен быть не вымышленный сюжет, а реальная история и конфликты. Не зря художественно-исторические произведения называют «невыводимой» литературой.

Сюжетом «Емельяна Пугачева» являются события, потрясшие российскую империю в годы правления императрицы Екатерины II. Писатель сумел выделить отличительные характеристики каждого персонажа романа. Особенно ярко и колоритно выведен психологический облик главного героя. Пугачев уверенно играет роль «справедливого батюшки царя», защитника народа Петра Федоровича. Необыкновенный артистизм главного мятежника не заменят никакие детальные описания.

По художественному исполнению, выразительности и изумительной лепке персонажей «Емельян Пугачев» находится в ряду книг, составляющих гордость отечественной литературы. Как писатель-исследователь Шишков опередил своих собратьев по перу. Многим из них, чтобы втиснуть события прошлого в прокрустово ложе «партийности в искусстве», приходилось отодвигать на задний план человеческую личность, создавать «белые пятна» и «фигуры умолчания» в освещении исторических реалий. «Сейчас, когда подлинная история перестает быть достоянием лишь избранного круга лиц, вряд ли кто-либо усомнится во множественности “исторических сил”, воздействующих на ход развития общества», — пишет современный историк-краевед Валерий Артемов. Антагонистом данного подхода в современной художественной литературе становится безбрежная формализация и ложная эстетизация.

Творческий метод В. Шишкова-романиста соединяет в себе два эстетических начала: собственно художественное и научно-исследовательское. «Мне как историку было ясно, что Шишков не только прекрасно изучил всю литературу, посвященную Пугачеву и его времени, он знает все воспоминания, документальные данные и следственное дело о Пугачеве. Словом, он владеет тем материалом, которым владеет ученый-историк», — писал русский историк Константин Базилевич.

Вопрос о влиянии Шишкова на современную историческую романистику пока мало изучен. Однако наступила пора ее осмысления. Например, традиции В. Шишкова использовал Василий Шукшин в романе о Степане Разине «Я пришел дать вам волю». Однако при описании разинского восстания Шукшин не ставил перед собой цели достичь эпической масштабности. Ему были интересны характер и судьба Степана Разина в зеркале истории царской России.

На строго документальной основе строят сюжеты своих повествований Дмитрий Балашов, Эдуард Зорин, Эдуард Скобелев, Валерий Ганичев, Валентин Пикуль и др. К сожалению, далеко не все эпохальные события прошлого возможно подкрепить документально и изобразить с исчерпывающей полнотой. Многие из них выпали из общественной памяти. Однако писатель на то и писатель, чтобы восполнить «выпадающие» реалии художественным вымыслом, придать им максимально достоверный характер и оживить словесной вязью. «Что касается исторической романистики, — отмечал Валентин Пикуль, — то здесь мне ближе всего Вяч. Шишков, всегда неукоснительно следовавший

исторической правде. «Емельяна Пугачева» я считаю шедевром советской прозы, думаю, что именно так надо писать исторические романы».

Шишков и Пикуль исповедуют единую концепцию исторических реалий, связанных с жизнью России XVIII столетия, трактовкой лиц и событий. Выпукло, ярко у этих писателей высвечена фигура многоопытного хитроумного царедворца князя Григория Потемкина. Распутник, пьяница, любитель запустить руку в государственный карман и дебошир — такой его образ закрепили в исторических источниках. Однако под пером В. Шишкова и В. Пикуля эта колоритная фигура предстает не только в черном свете, но и как пламенный патриот Отчизны, одаренный стратег, зоркий дипломат. Он не подсиживал Суворова и не жаждал присвоить его лавры, как принято изображать в западных историографических источниках.

В частности, в романе Пикуля «Фаворит» убедительно опровергнут досужий миф о так называемых потемкинских деревнях. Это злая выдумка западных историков-русофобов. Одна читательница справедливо возмутилась: «Всю жизнь меня мучил вопрос, как ухитрился Потемкин “нарисовать” деревни по пути следования Екатерины, и какой надо быть душой, чтобы этого не заметить. Сейчас меня мучает другое: кто и зачем так беспардонно “кормил” нас такой “липой”, распространив злонамеренную фальсификацию...»

Психологизм героев Шишкова проявляется посредством внутренних движений души. У Пикуля, напротив, психология героев и обстоятельств постигается через их внешнее проявление, поступки и действия. Однако это не отменяет концептуальной близости «Емельяна Пугачева» Шишкова и «Фаворита» Пикуля, основанной на общей мировоззренческой позиции.

...Вечно живое народное творчество — неиссякаемый родник, из которого писатели-историки черпают сюжеты, языковые жемчужины, характеры и сам дух народной жизни. Роман «Емельян Пугачев» густо пронизан загадками, пословицами, преданиями, легендами, поверьями, ажурной вязью самобытной речи казачества, объединившей в себе южнорусские и тюркские говоры. Связь романа с фольклором не ограничивается заимствованиями наиболее характерных элементов устного народного слова. Устные предания о Емельяне Пугачеве у В. Я. Шишкова «переселились» в романную ткань, обогатившись чертами живых, полнокровных характеров.

Интерес к фольклору у Шишкова объясняется взглядом на народ как на вершителя исторического процесса. Под народностью писатель понимает не только фольклорную стихию, но и мировоззрение, что согласуется с эстетическими воззрениями литературного критика XIX века В. Г. Белинского, который вне народности не мыслил подлинной художественности.

Роман «Емельян Пугачев» — талантливейшее повествование о судьбе русского народа в переломную историческую эпоху. В нем автор раскрыл такие особенности русского национального характера, как тираноборство, нетерпимость к насилию и угнетению. Конечно, эстетическое воздействие на современную историческую прозу оказывает не только литературное наследие Шишкова. Но, возрождая интерес к славным именам и деяниям прошлого, наследуя и развивая традиции лучших русских писателей, оно укрепляет в наших сердцах во многом утраченное чувство родины — России. Как утверждал А. С. Пушкин: «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно. Не уважать оную — есть постыдное малодушие».

Михаил КОСАРЕВ

АЗЪ... БОЧКА... БУКВА

*Об историко-этимологическом словаре Виктора Тена**

Обложка словаря, о котором пойдет речь, как и полагается в научном издании, оформлена минималистически. Белый фон, черные буквы. Но в правом нижнем углу все же содержится цветное изображение. Нечто очевидно деревянное и, казалось бы, совершенно здесь неуместное.

Но уже из первой страницы предисловия мы узнаём, что это так называемый кондар — высокое крыльцо из полубревен, распространенное на русском Севере. А заслужило это сооружение право красоваться на обложке потому, что именно в связи с ним у В. В. Тена «иссякло терпение». Да и вправду сказать, услышать «научное» объяснение происхождения этого слова и не впасть в оторопь невозможно.

На лингвистическом форуме под названием «Всероссийское диалектологическое совещание» ученые мужи предложили следующую этимологию: галерея — галдарея — калдарея — кандарея — кондарея — кондар. При том что «галерея» появилась в России в XVIII веке и была заимствована из голландского языка. Вопрос, почему не рассматривались в качестве отправных точек издавна существующие в русском языке слова, в том числе известное всем прилагательное «кондовый», был проигнорирован. Между тем наличие диалектного, но, что важно, севернорусского слова «конда» со значением «боровая сосна» сразу подводит итог изысканиям. А заодно отвечает на несправедливый вопрос, как именовали такое крыльцо наши предки до судьбоносного контакта с голландцами.

Однако, как выяснил будущий автор словаря, погружаясь в хотя и смежную с его научными интересами, но все же новую отрасль знаний, «изыскатели» во все не так просты! Не только леность и невежество, которые ныне, увы, в академической среде привычны и неудивительны, ими руководят. Главное, что делает их кандидатами и докторами, — верность методу. Приятно работать, осознавая, что у тебя в руках «единственно верное учение». Метод универсален и всемогущ.

Виктор Тен пишет в предисловии:

Был поражен, поняв, что лингвисты, как правило, видят свою задачу в том, чтобы «дотянуть» русское слово до какого-нибудь иностранного и «вывести» его из другого языка. Отыскиваются аналогии, которые бездоказательно объявляются генетической связью *всегда* (курсив автора. — М. К.) не в пользу русского языка.

В этом современные языковеды следуют за Максом Фасмером, а его «Этимологический словарь русского языка» для них до сих пор — библия и «наше всё».

* Тен Виктор. Историко-этимологический словарь русского языка. Тома I—IV. — СПб.: МЕРА, 2020—2023.

Труд этот ненаучен не только в деталях, но и в главном своем посыле — идеологическом, априорном. Поясним для тех, кто впервые слышит о большом ученом: Фасмер родился в Петербурге и русский язык знал как второй, после революции эмигрировал, работал в Германии и США, но наиболее продуктивный период его деятельности, увенчавшийся созданием вышеупомянутого словаря, пришелся на годы Второй мировой войны. Тогда он возглавлял институт и работал под непосредственным руководством другого филолога — Гёббельса, а материалы для трудов черпал в... концлагерях, из опроса русских и других славянских узников.

Об аргументах Фасмера Виктор Тен очень точно пишет, что они «поражают расистской наглостью», и приводит один из таких:

Культуры в Висло-Одерском междуречье, которые археологи считают славянскими, не могут быть славянскими, т. к. слишком развиты для славян.

Понятно, что никаких собственно исследовательских задач перед Фасмером и не стояло. Выводы были определены заранее, следовало лишь создать видимость серьезной, монументальной научной работы. До сих пор некоторые из наших лингвистов объясняют свою приверженность фасмеровскому словарю тем, что «у него большой словник». Доктор Гёббельс знал, что неправ Насреддин, утверждавший: «Сколько ни кричи “Халва!”, во рту слаще не станет». Именно многократное повторение используется мастерами идеологических зачисток.

Об объеме словника словаря Макса Фасмера лучше всего говорит приводимый Виктором Теном факт: слова «мельница» в нем нет, зато есть слово «бейзехалеймус». Словарная статья к последнему радует глубиной, лаконизмом и академической точностью: от еврейского «бейзехалеймус»...

Давно уже осуждена нацистская доктрина, но новые хозяева мирового медиапространства рачительны и не стали выплескивать с водой ребенка. Многие идеи, рожденные сумрачным германским гением накануне мировых войн, дезавуированы лишь избирательно и продолжают использоваться применительно к России. Вот почему дело Макса Фасмера живет стараниями теперь уже российских лингвистов, которые знают: отклонившийся от генерального метода будет отторгнут мировым ученым сообществом, каналы публикаций перекроют и так далее.

Если ты не можешь найти нужную тебе книгу, если все труды по избранной теме неудовлетворительны, выход один — написать такую книгу самому. Так и решил Виктор Тен. Оцените грандиозность замысла: создать предстояло *словарь*. Институты работают над подобными задачами годами и десятилетиями. Поражаешься воле и бескомпромиссности автора. Вышло уже четыре тома, до буквы «Э» включительно.

В. В. Тен — по образованию историк, археолог, работал в экспедициях, автор многих книг. Предмет его изучения в последние годы — ментальная сфера древнего человека, то, собственно говоря, что и делает нас людьми. На этом пути не обойтись без привлечения лингвистики во всех ее аспектах.

С точки зрения представителей академических институтов, он — дилетант или даже «народный» этимолог. Поясним, что так именуют излишне увлеченных, но недостаточно подготовленных людей, способных на основе одного-двух созвучий выстроить целую концепцию.

Понятно желание ученых дистанцироваться от последних. Однако Виктор Тен справедливо подмечает черты сходства в методах работы тех и других:

...«Вырывание» — типичный прием маргинальных «народных» этимологов с одной лишь разницей: «народные» этимологи цепляются за слово своего языка и неоправданно обобщают, пытаются возвысить свой язык. <...> Русские академические маргиналы, наоборот, принижают русский язык, делая [неоправданные] обобщения на базе иноязычных корней...

Словом, мы имеем лишь «народных» и «антинародных» этимологов. Науки как таковой за ними не просматривается. Поэтому как читатель я предпочту работу Тена. По меньшей мере буду уверен, что он в своих поисках не упустит простейший — хронологический принцип. Согласитесь, приступая к рассмотрению версий о происхождении термина «бочка», полезно узнать, что слово это содержится в русской летописи X (прописью: десятого!) века. Также не перешагнет он через законы языка, хорошо зная, какие замены звуков естественны для его развития, а какие искусственно навязываются при подгонке под ответ. Также в своих гипотезах он будет основываться на праксеологии, палеопсихологии. А самое главное — на логике и здравом смысле. С последними у фасмеристов совсем туго. (Примеров тому в словаре огромное множество, но особенно рекомендую ознакомиться с историей о фасмеровско-крыловской Гатчине из третьего тома: «кафедральный идиотизм», как называет это явление Тен, в незамутненном виде.)

Возвращаясь к словарной статье «Бочка» — она читается как фрагмент хорошего исторического романа! Ясная, практически очевидная версия о происхождении слова дополняется сведениями о том, какое значение имела эта деревянная тара для развития торговли в далекие времена. Соглашусь, моральная цена приоритета здесь очень велика.

А вот статью «Буква» я уподоблю детективу. В ней разоблачается фальшивка, обретшая статус общего места. История этого подлога совсем недавняя, потому и автора, можно сказать, схватили за руку, однако дело было сделано. Буквовые дощечки, на которых якобы писали древние германцы, у многих перед глазами как живые. Только вот нет ни одного материального свидетельства их существования. Кстати, «буква» встречается в русских летописях уже в XI веке, и попробуйте вычислить период, когда обитатели европейских лесов, хотя бы и буковых, могли поделиться этим словом с жителями Гардарики.

Словари в принципе не предназначены для чтения подряд, это удавалось только деду Щукарю. Но все тома словаря Тена — именно увлекательное чтение, а не просто справочник. Именно потому, что, по Тену, этимология — наука междисциплинарная. Она «тянет за собой» много самого разнообразного познавательного материала. Почти по Высоцкому: открою на любой странице — и не могу, читаю до конца.

Чем еще привлекателен текст Виктора Тена? Темпераментом настоящего исследователя. Блестящий полемист, он во всю мощь включает свою иронию при встрече с глупостью, халтурой, намеренным обманом. Но более всего не приемлет отсутствия настоящего научного интереса, некритического повторения общих мест, отбывания повинности «от сих до сих».

Ортега-и-Гассет в начале XX в. провозгласил наступление эры «новых дикарей», которыми являются «узкие специалисты» с профессорскими дипломами. Они полны апломба, но на самом деле они наивные

дикари, ибо нельзя быть узким специалистом и одновременно ученым, это несовместимо. Подавляющее большинство публикаций в научных изданиях гуманитарного профиля — наукообразные, искусственно усложненные по языку компиляции от «узких специалистов», не имеющие никакого смысла. Узкий специалист — это деталь «научоделательного» конвейера...

И в другом месте:

Мы с узкими специалистами по русскому языку не только на разных языках говорим, но и среди разных народов живем. Они почему-то позволяют себе недопустимо высокомерное, презрительное отношение к народу, язык которого изучают, как будто это не их родной народ, а некие чужие сумасшедшие. <...> Узкие специалисты уверяют, что слово *верблюд* появилось, потому что русские попутали это животное со слоном; слово *слон* появилось, потому что русские попутали это животное со львом; слово *боров* — потому что попутали свинью с коровой; слово *дуб* — потому что попутали дуб с елью; слово *дыня* — потому что попутали дыню с айвой, слово *голубь* — потому что попутали вначале голубя с лебедем, а потом голубой цвет с желтым (см. *верблюд, боров, дуб, дыня, голубь*).

И напротив, подлинную благодарность испытывает В. Тен к подвижникам, а не службистам. Прежде всего к В. И. Далю и И. И. Срезневскому. Последний известен мало, но он составил «великий» (словами Тена) труд: «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам». К сожалению, книга в последний раз переиздавалась больше века назад.

В. И. Даль восхищает Виктора Тена абсолютным языковым чутьем. При том что словарь его толковый, а не этимологический, Владимир Иванович нередко высказывал замечательно точные и глубокие соображения о происхождении слов.

Кому-то покажется, что питерский историк, археолог, кандидат философских наук, при всем своем универсализме и широте знаний, — все же типичный чужак-одиночка, сражающийся с ветряными мельницами. Это не так и психологически, и по результату. Конечно, тома словаря издаются катастрофически малым тиражом: 200—300 экземпляров. Но идеи запущены в научный оборот. Жизнь, пробивающаяся на выжженных площадках, всегда заметна.

Следует отметить, что четвертому тому «Историко-этимологического словаря русского языка» предпослано предисловие члена-корреспондента Российской академии образования А. П. Валицкой. Наверное, можно рассматривать это как начало признания трудов Виктора Тена академической средой.

В заключение приведу еще одну цитату из В. Тена:

Скажу о своем словаре то же, что Владимир Иванович Даль сказал о своем: «Писал его не учитель, не наставник, не тот, кто знает дело лучше других, а кто более многих над ним трудился; ученик, собиравший весь век свой по крупице то, что слышал от учителя своего, живого русского языка».

Инна КИМ

ЗЕМЛЯ ЛЮБВИ ЖИВОПИСЦА АРБАЧАКОВОЙ

Вы бывали летом в Усть-Кабырзе? Природа здесь практически не тронута цивилизацией. В просвечивающих до последнего донного камушка Кабырзе и Пызасе плавают шустрые рыбки, которых, кажется, можно погладить прямо по спинке, от головы до хвоста, как котят. Бревенчатые домики пасутся небольшими семейками-улочками на сочной зелени широких горных подножий. А лениво помахивающие хвостами пятнистые коровки хрумкают яркую карамельную травку. В этом небольшом таежном поселке, в окружении негромкой здешней красоты, в круглом доме-аиле под заметной красной крышей живет живописец и график, поэт, ученый-исследователь шорского героического эпоса, кандидат филологических наук, член Союза художников и Союза писателей России Любовь Никитовна Арбачакова.

Недавно эта хрупкая и нежная, удивительно скромная женщина разменяла седьмой десяток. Только если вы об этом не знаете, ни за что не поверите!

А если вы не были в Усть-Кабырзе, то, значит, не видели сияющую над головой голубую бездну нереальных небес и застывшие вокруг сказочные мохнато-зеленые горы, под сенью которых охватывает ощущение, словно вы попали совсем в другой мир. Имя ему — Горная Шория.

Эта земля не может похвастать экзотичностью. Но она открывается любующемуся взгляду, как цветок в наполненном щебечущей солнечной тишиной утреннем лесу: с застенчивой детской улыбкой. И если всмотреться в бесхитростные пейзажи, в настроения неба и рек, гор и деревьев, то наполняющий их свет непременно отразится любовью в сердце — такая с раннего детства поселилась внутри Любви Арбачаковой.

В родном Анзасе

Сама она родилась в похожей на Усть-Кабырзу шорской деревушке — только намного меньше. Родной Анзас, которого давно уже нет на свете, насчитывал всего пять дворов. А вот семья, наоборот, была большая — девять человек. Дети и взрослые жили в двухкомнатном доме с голубыми наличниками, который в 1960-х годах построил отец. И когда все семеро ребятишек садились за большой круглый стол, они хлебали из одной чашки. А родителям и вовсе приходилось есть отдельно — места за столом просто не хватало.

— Я из шорского рода Таёш, — с удовольствием рассказывает о проведенном в сердце Горной Шории детстве Любовь Никитовна. — В Анзасе у нас были родовые уголья и родовая гора, где папа охотился и бил шишку. Они достались нам от дедушки. Там я видела самые красивые кандыки и подснежники и каталась верхом на самой прекрасной лошади по имени Красотка.

А Красотка и правда была необыкновенно красивой: с белой звездочкой на лбу и с большими добрыми глазами. А главное — лошадь была очень умная. Девочка путешествовала на ее широкой спине по всей округе, нередко оказываясь поздно вечером в дремучей тайге, и Красотка всегда находила дорогу домой, так что маленькая хозяйка даже не просыпалась!

— Она мне как вторая мама была, — улыбается приятным воспоминаниям Любовь Арбачакова.

Эти неторопливые прогулки на Красоткиной спине по черневой тайге Горной Шории — с остановками, чтобы всласть полюбоваться кандыками да подснежниками, — навсегда остались в памяти художницы. Как и ласковые народные песни, которые пела Любина мама. А бывало, выскочит девочка из дома, когда все уже спят, а по вечерней улице разносится пение соседки. Да не простое! Выводит женщина шорскую песню-плач «сыгыт»: вспоминает что-то свое, и плачет, и поет на всю деревню. А очарованная Люба стоит, замерев. Бойтся волнующую песню спугнуть!

Своей школы в крошечном Анзасе не было, так что Люба, как и большинство шорских детей, училась в интернате. Так и жила вдали от родной деревни и семьи. Окончив школу, девушка поступила в лесной техникум.

— После техникума я могла уехать по направлению во Владивосток, но осталась в родных местах, — делится Любовь Никитовна. — Только я всегда скучала по своей маленькой глухой деревушке, в которой даже электричества не было.

На единственной в мире кафедре шорского языка

Любовь Арбачакова несколько раз пыталась поступить в учебные заведения, которые выпускали художников. И хотя у нее за плечами не было ни художественной школы, ни изостудии, девушка умудрялась сдавать экзамены на четверки. Однако поступить у Любы не получилось. И тогда она решила просто рисовать так, как ей нравится (а вообще не рисовать она не могла!).

Ну а в качестве альма-матер талантливая шориянка выбрала Новокузнецкий государственный педагогический институт, где на факультете русского языка и литературы как раз открылась единственная в мире кафедра шорского языка и литературы. Это было великое событие — ведь долгие десятилетия шорцы, по сути, оставались безъязыкими. Родной язык не изучали даже в школах, а говорили на нем только в глухих деревнях.

Основатель уникальной кафедры Андрей Ильич Чудояков видел спасение шорцев в возрождении родной культуры. В 1990-х годах на шорском языке был издан целый ряд учебников, словарей, хрестоматий, учебных пособий для школ и вузов. Новокузнецк поддерживал тесные связи со многими российскими университетами и научно-исследовательскими институтами.

Люба стала одной из первых студенток шорского отделения литфака. Причем некоторых студентов известный ученый и неординарный человек Андрей Ильич Чудояков приглашал на учебу лично. А вскоре Люба Арбачакова стала одной из его любимых учениц.

— Если честно, я думала, что учиться на шорском отделении будет очень легко, — с улыбкой признается Любовь Никитовна. — Я считала, что прекрасно знаю родной язык, ведь до школы только по-шорски и говорила, а русского вообще не знала. Но оказалось, что учеба в пединституте — это настоящий труд. Зато было невероятно интересно! Я узнала, что шорцы — очень древний народ,

со своими самобытными культурой и языком. И это наполняло меня настоящей гордостью. Мне было приятно, что я шориянка и принадлежу к малочисленному коренному народу Сибири.

Девушка много читала, увлеченно постигая новые знания и тайны родной культуры. А вот на живопись оставалось совсем мало времени. Однако Любовь Арбачакова, несмотря ни на что, продолжала рисовать. Однажды руководитель кафедры шорского языка и литературы, мечтавший, чтобы способная студентка занималась фольклористикой, увидел Любины картины. Педагог тогда расчувствовался и сказал, чтобы она ни в коем случае не бросала живопись. И Любовь Никитовна до сих пор благодарна Андрею Ильичу Чудоякову за это своеобразное благословение.

Первые шаги в искусстве

Какое-то время Любовь Арбачакова преподавала родной язык на кафедре шорского языка и литературы Кузбасской государственной педагогической академии, в которую был преобразован Новокузнецкий пединститут, была ассистентом и старшим преподавателем. А жила она прямо на факультете, в отдельной комнате, где, едва уловив свободную минутку, сразу же хваталась за кисточки. Часто писала картины ночами. А особенно хорошо работалось летом, когда не было занятий и все студенты разъезжались по домам.

Молодая художница начала выставляться — сначала это были сборные выставки. Но главное — ее заметили и даже полюбили! Тогда же у Любви Никитовны впервые купили картину. Живописную «Черемуху цветущую» увезли на свою родину турецкие строители. А художница купила на полученные деньги альбом Сальвадора Дали, который и сегодня хранится в доме-аиле под красной крышей, построенном в тихой Усть-Кабырзе.

Воодушевленная первыми выставками и успехом, живописец Арбачакова решилась вступить в Союз художников. Но ей отказали — мол, нет специального образования. И все-таки она стала членом Союза — причем из десяти новокузнецчан в Москве тогда утвердили только пятерых, и в их числе была Любовь Никитовна!

Те переживания давно в прошлом — у художницы узнаваемый почерк, зрители ее любят, а искусствоведы хвалят. Они относят работы Арбачаковой к неoarхаике и этностилю и даже, подчеркивая индивидуальность творца, шутят, что это «арбачаковский стиль». Сама же Любовь Никитовна утверждает, что абсолютно свободна в своем искусстве и пишет, как хочет и что хочет, не думая ни о каких направлениях и стилях.

— Предварительных эскизов и зарисовок я никогда не делаю, а нередко идея для новой картины рождается прямо во время размешивания красок, — признается живописец. — Все образы находятся у меня в голове. Все, что я изображаю, хранится в памяти о детстве, родном Анзасе, шорских традициях. И, конечно, я черпаю вдохновение в истории и культурном наследии моего народа, которое изучаю много лет. Ведь еще с 1994 года я собираю богатырские сказания и легенды. Естественно, в живописных работах я использую какие-то сюжеты из шорского фольклора, и они гармонично переплетаются с моими мыслями, чувствами и детскими воспоминаниями.

Самое главное — любовь

Сама Любовь Никитовна сравнивает себя с путешествующими по земле духов шаманами или со сказителями-кайчи, которые входят в транс и мысленно следуют за своими героями, рассказывая слушателям все, что те видят и делают. Живописец тоже погружается в подобный транс, при помощи кистей и красок совершая путешествия по разным мирам.

Интересно, что искусство Арбачаковой, одновременно тесно связанное с «духом места» и явственно мыслящее архетипами, идентифицируют как «свое» и «родное» представители коренных народов не только Кузбасса, но и Хакасии, Алтая, Тывы. Оно легко укладывается в сложную и живую структуру искусства всей Южной Сибири, при этом раскрывая его с неожиданной стороны и делая богаче и ярче, эмоциональнее и интимнее.

Несомненно, талантливая шориянка обладает сильной художественной интуицией, а ее работы, которые носят выраженный орнаментально-декоративный характер, на самом деле являются потоком сознания, анализирующего «память предков», общую для всех южносибирских народов с тюркскими корнями. Это мир фантазий и снов, ощущений и эмоций, отзывающихся глубоко внутри. К слову, Любовь Арбачакова действительно записывает свои ночные сны и потом начинает их анализировать, прорабатывать и рисовать.

— По традиционному мировоззрению шорцев, все, что нас окружает, имеет душу, — делится Любовь Никитовна. — Духи-хозяева — тагэйзи, су эйзи, эм эйзи — есть у гор, воды, дома. Мне кажется, у живописи тоже есть свой дух.

По словам художницы, каждый раз для нее огромная радость взять в руки краски и встать перед чистым холстом. Тогда она может работать и днем, и ночью, буквально не отрываясь от мольберта. Ее вдохновляет пение птиц, которых полно в родной Горной Шории. Часто во время работы Любовь Никитовна включает классическую музыку, которую совсем скоро перестает слышать — так увлекает ее создание нового полотна.

Но самое главное для творчества, утверждает живописец Арбачакова, — это любовь. Именно любовь к своей семье и дому, к истокам и родной культуре помогает художнице создавать неповторимые миры.

Любовь Никитовна Арбачакова участвует в художественных выставках с 1992 года, в 2006 году она стажировалась в X Международной творческой лаборатории стран-участниц ТЮРКСОЙ в Анкаре (Турция). Произведения шорского живописца хранятся в Новокузнецком художественном музее, Кемеровском областном музее изобразительных искусств, Хакасском республиканском краеведческом музее, музее этнографии и природы Горной Шории, в Омском областном музее изобразительных искусств им. М. А. Врубеля. Она составитель сборников «Алып Кускун. Шорское героическое сказание» и «Фольклор шорцев», а также автор словаря шорского языка в картинках «Каас-пичиги» (совместно с Ф. Г. Чиспиковой). Кроме того, были изданы ее поэтические сборники на шорском и русском языках: «Онзасчерим», «Колыбель любви», «Песни шориянки». Награждена медалью «За особый вклад в развитие Кузбасса».

АВТОРЫ НОМЕРА

Баховец Николай Васильевич родился в 1978 г. в Братске. Окончил Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачева. Работает системным администратором в структуре единой энергосистемы РФ. Автор двух сборников прозы. Участвовал как сценарист в разработке компьютерной игры. Живет в Кемерове.

Болдырев Андрей Владимирович родился в 1984 г. в Курске. Окончил филологический факультет Курского государственного университета. Публиковался в журналах «Арион», «Нева», «Сибирские огни», «Эмигрантская лира», «Кольцо “А”» и др. Лауреат Международного Волошинского конкурса и премии имени Риммы Казаковой «Начало». Автор книги стихов «Моря нет». Член Союза писателей Москвы. Живет в Курске.

Васильев Геннадий Михайлович родился в 1959 г. в Томске. Учился в Иркутском государственном университете на отделении журналистики. Работал корреспондентом, главным редактором периодических изданий в Красноярске. В настоящее время на пенсии. Член Союза российских писателей. Публиковался в изданиях «День и ночь», «Енисей», «Байкал», в коллективных сборниках и альманахах. Автор пяти книг прозы и четырех поэтических сборников. Живет в Красноярске.

Зайцман Вольдемар родился в 1967 г. в Луге (Ленинградская область). Работал электромонтером на различных промышленных предприятиях г. Череповца. В настоящее время неработающий пенсионер. Ранее не публиковался. Живет в Череповце.

Ильченко Сергей Николаевич родился в Ленинграде в 1957 году. Окончил театроведческий факультет Ленинградского государственного института театра, музыки и кинематографии. Доктор филологических наук, кандидат искусствоведения. Трудился в органах государственного управления культуры города. С 2001 года работает в качестве заведующего кафедрой радио и телевидения СПбГУ. Главный редактор газеты «Культурный Петербург». Публикуется в различных петербургских и российских изданиях по

вопросам культуры, литературы, медиа. Живет и работает в Санкт-Петербурге.

Калмыкова Вера Владимировна родилась в 1967 г. в Москве. Кандидат филологических наук, главный редактор издательства «Русский импульс», искусствовед. Публиковалась в журналах «Арион», «Дружба народов», «Звезда», «Литературная учеба» и др. Автор двух поэтических сборников, а также книги «Очень маленькая родина» (совместно с фотографом Сергеем Ивановым), которая стала лауреатом конкурса «Книга года». Лауреат премии имени А. М. Зверева (журнал «Иностранная литература»). Живет в Москве.

Ким Инна родилась в Осинниках. Окончила Новокузнецкий педагогический институт. Удостоена знака «Мастер» за вклад в журналистику. Неоднократно становилась лауреатом всероссийских и международных литературных и драматургических конкурсов. Публиковалась в ряде сборников прозы, журналах «Сибирские огни», «Новая юность», «Литература», «Огни Кузбасса», альманахах «Образ», «Кузнецкая крепость». Живет в Новокузнецке.

Кобелев Алексей Иванович родился в 1937 г. в городе Старый Оскол Курской (ныне Белгородской) области. Очеркист, публицист, документалист, историк. Работал в архивах Барнаула, Гатчины, Ленинграда, Москвы, Томска, Новосибирска, Горно-Алтайска. Автор 28 книг. В газетах, журналах и сборниках опубликовано свыше 220 краеведческих работ. Член Союза писателей России. Член Российского военно-исторического общества. Живет в Барнауле.

Косарев Михаил Алексеевич родился в 1961 г. в Новосибирске. Окончил факультет журналистики Томского государственного университета. Публиковался в журналах «Литературное обозрение», «Сибирские огни», «Москва», «Подъем», «Огни Кузбасса» и др. Живет в Новосибирске.

Николайцев Тимофей Вячеславович родился в 1974 г. в Петропавловске-Камчатском. Получил высшее образование. Работал вахтовым методом в северных регионах, после жил и работал в Новосибирске. Поэт,

писатель-фантаст. Публиковался в периодических изданиях, в том числе в журнале «Сибирские огни», несколько раз номинировался на литературные премии.

Рудалев Андрей Геннадьевич родился в 1975 г. в Северодвинске. Окончил Приморский государственный университет по специальности «учитель русского языка и литературы». Литературный критик, публицист. Автор двух литературоведческих книг и множества публикаций в периодике. Лауреат ряда литературных премий. Член Союза писателей России, а также Русского ПЕН-центра. Живет в Архангельске.

Соловьева Яна родилась в Москве. Окончила механико-математический факультет МГУ им. Ломоносова. Занималась сторителлингом в видеоиграх. Училась в Creative Writing School, в мастерской Майи Кучерской. Публиковалась в сборниках лучших рассказов студентов школы. Живет в Москве.

Станишевский Андрей Владимирович родился в 1985 г. в Хабаровске. Окончил Хабаровскую государственную академию экономики и права, обучается в мастерской кинорежиссуры Ю. В. Кары (ВГИК). Публиковался в электронном журнале «Дегуста.ру».

Чайко Андрей Викторович получил высшее образование в Хабаровском государственном институте искусства и культуры по специальности «режиссер театра». Работал оперативником в уголовном розыске и экспертом-криминалистом. Первая публикация состоялась в иркутском альманахе «Каждый стих — дитя любви». Сейчас преподает в школе № 3 города Усолье-Сибирское Иркутской области.

Чернышова Светлана Борисовна родилась в 1972 г. в поселке Большой Камень Приморского края. Окончила Лесозаводское медицинское училище по специальности «фельдшер» и Дальневосточный государственный университет по специальности «психолог». Публиковалась в журналах «Нева», «Аврора», «Урал» и др., в коллективных сборниках и альманахах. Живет в Севастополе.

Юдин Владимир Александрович родился в 1947 г. в станице Губской Краснодарского края. Литературный критик, публицист, очеркист. Постоянный автор литературных журналов «Наш современник», «Молодая гвардия», «Сибирские огни», «Подъем», «Ладога», «Дон», «Кубань», сайта «Русская народная линия». Лауреат ряда литературных премий. Член Союза писателей России. Живет в Твери.

СИБИРСКАЯ ГОРНИЦА

МАГАЗИН

продает и покупает:

книги и подписные издания, газеты, журналы, почтовые открытки (до 1960 г.), старые фотографии, домашние архивы, коллекции почтовых марок, монеты, бумажные деньги;

статуэтки фарфоровые, бронзовые и чугунные, серебряные изделия, значки на винтах, портсигары и подстаканники, заводные игрушки и фарфоровые куклы, угольные самовары и патефоны, старинную мебель, старую военную форму и военную атрибутику и многое другое.

Работают отделы:

антиквариата, нумизматики, филателии и букинистической литературы.

Всегда в продаже журнал «Сибирские огни».

Работаем с 10 до 19 без перерыва, в воскресенье с 10 до 18

Адрес: ул. Романова, 26 (угол Советской и Романова)

☎ 227-18-37, 227-14-50

Сайт: www.gornitsa.ru E-mail: n_gornitsa@bk.ru

Частные лица и организации в Российской Федерации и в странах СНГ могут подписаться на журнал «**СИБИРСКИЕ ОГНИ**» в любом отделении связи — красный Объединенный каталог, подписной индекс — 46587.

ДЛЯ ДЕТЕЙ СТАРШЕ 16 ЛЕТ

Учредители:

Союз писателей России, Администрация Новосибирской области.

Журнал зарегистрирован в Государственном комитете Российской Федерации по печати.

Свидетельство о регистрации № 01302 от 27 ноября 1998 г.

Адрес редакции и издателя:

630099, г. Новосибирск, ул. Чаплыгина, 25, тел. (383) 223-10-15

E-mail: sibogni@sibogni.ru Сайт: сибирскиеогни.рф

Адрес типографии:

ООО «Новосибирский издательский дом»

630048, г. Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104

<http://книгосибирск.рф>

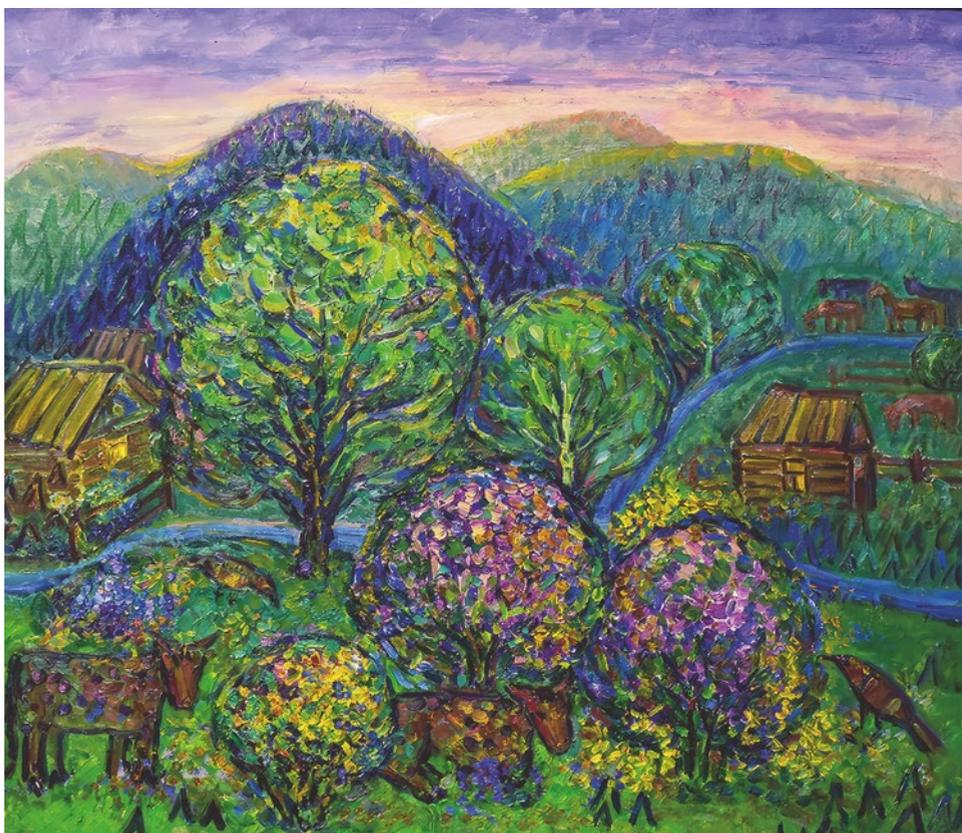
Сдано в набор 15.09.2023. Дата выхода № 10 за 2023 г. в свет 16.10.2023.

Формат 70x108/16. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 11,73. Тираж 1500 экз.

Во всех случаях полиграфического брака просим обращаться в типографию.

Любовь Арбачакова. Журавли-красавки.

Любовь Арбачакова. Вечер в Усть-Кабырзе.

